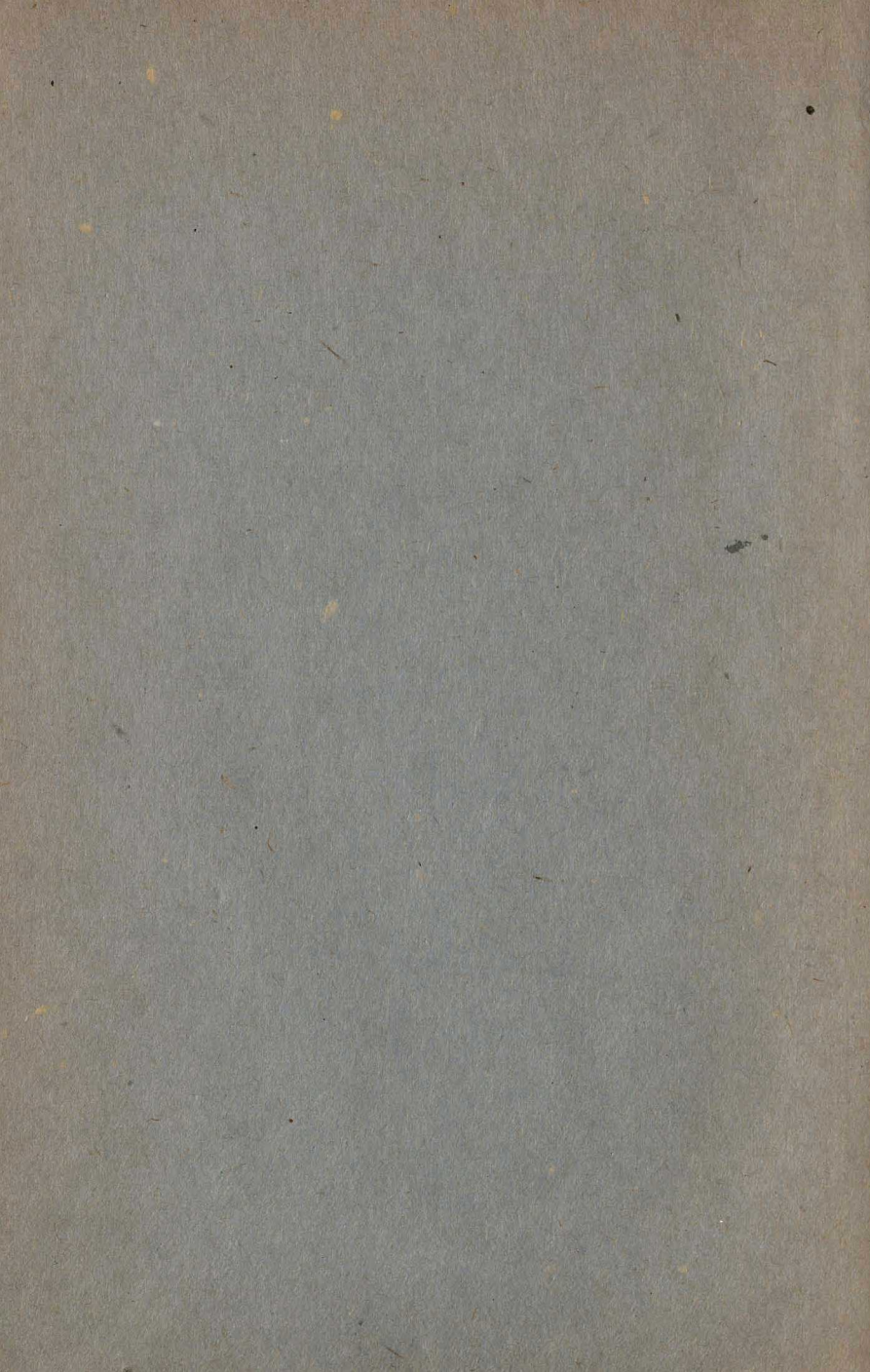

25975-48

T $\frac{81}{68}$

①

6.

/

ав/8137

Рисунокъ обложки и заглавной страницы исполненъ
художникомъ Д. И. МИТРОХИНЫМЪ.

Т 81
68

фз

ОГНИ

ПОВѢСТИ. РАЗСКАЗЫ.

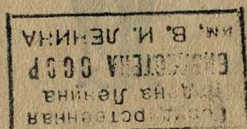
4

ВЯЧШИШКОВЪ
СИБИРСКІЙ
СКАЗЪ

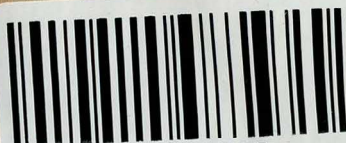

ИЗД-ВО
„ОГНИ“
ПЕТРОГРАДЪ
І 9 І 6

Петроградъ. Дозволено военной цензурой. 10 сентября 1916 г.

36 992-461

2015188335

Типо-лит. Агц. О-ва „Просвѣщеніе“. П-дъ, Забалканскій пр., д. 75.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ГРИГОРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ
ПОТАНИНУ.

СИБИРСКІЙ СКАЗЪ.

КОЛДОВСКОЙ ЦВѢТОКЪ.

I.

Дѣдушка Изотъ — настоящій таежный охотникъ, медвѣжатникъ. Вдоль и поперекъ, на тысячу верстъ тайгу исходилъ: бѣлковать ли, медвѣдей ли бить, первый мастакъ. А соболя попадетъ — срѣжетъ за милую душу и соболя. И чего-чего онъ только не видалъ въ тайгѣ:

— Ты думаешь, эту просѣку люди вели? Нѣтъ... Это ураганъ садануль, ишь, какую широкую дорогу сдѣлалъ... А меня, парень, почитай на сотню сажень отмахнуло вихремъ-то, сколь безъ памяти лежалъ... А молодой еще тогда былъ, самосильный...

Изотъ и лѣшихъ сколько разъ въ тайгѣ видалъ:

— Онъ хозяинъ здѣсь... Только что хрещеному человѣку онъ не душевреденъ... Иду какъ-то я съ Лыской, а онъ, падло, нагнуль рябину, да и жретъ прямо ртомъ...

Онъ и тунгусовъ, и шамановъ ихъ, самыхъ страшныхъ, самыхъ могучихъ, видывалъ:

— Тунгусовъ здѣсь, въ тайгѣ, много. Ухъ, и шаманы же у нихъ въ старину были: посмотришь на него разъ, умирать будешь — и то вспоманешь...

Бродить мнѣ по тайгѣ съ Изотомъ весело. Заговорить-заговорить — знай слушай.

Да и тайга зимой красоты небывалой. Вся опушенная бѣлымъ снѣгомъ, густая и непролазная, она кажется какой-то замороженной сказкой, какимъ-то волшебнымъ полусномъ.

Мы съ дѣдомъ еле тащимъ ноги, направляясь на ярко-золотой отблескъ вечерней зари.

Жучка, высунувъ языкъ, чернымъ пятномъ ныряетъ по сугробамъ и устало тявкаетъ, когда сорвавшаяся съ сосны шишка обнаружить притаившагося на вершинѣ звѣрька.

До нашего зимовья, крохотной лачуги, добрыхъ версты двѣ. Сумракъ все настойчивѣй выползаетъ изъ берлогъ и падей, заря гаснетъ, въ небѣ одна за другой вспыхиваютъ звѣзды.

— Ну-ка, паря, приналяжемъ, — кряхтитъ дѣдъ и надбавляетъ шагу.

А вотъ и зимовье.

Маленькое, пять шаговъ въ длину, пять въ ширину, наскоро срубленное и кой-какъ протыканное мхомъ, оно намъ съ дѣдомъ милѣе каменныхъ палатъ.

Жучка хозяйственно обѣжала избышку и, полаявъ на всѣ четыре стороны, первая шмыгнула въ полуоткрытую дверь.

II.

Лишь только запылали въ каменкѣ лиственничныя дрова, мы съ дѣдомъ повалились на холодный земляной полъ и, посматривая на веселый огонекъ, плакали отъ ѣдкаго дыма, сразу наполнившаго всю избенку.

— Дѣдъ, открой, пожалуйста, дверь.

— Пошто?.. Этакъ, братъ, намъ и хаты не согрѣть. Уткнись, коли такъ, рыломъ-то въ шубу... Онъ чичась къ потолку подыметъ... Отъ-та-а-къ...

Дѣдъ подбросилъ еще охапку мелко наколотыхъ дровъ, огонь заболталъ о чемъ-то, затараторилъ по-своему, и воздухъ сталъ быстро нагрѣваться.

— Ну, садись, — скомандовалъ дѣдъ раскатистымъ своимъ басомъ, — а я дыру открою, надо дымъ на волю выпустить. — И, весь окутанный облаками дыма, полѣзъ на нары, чтобъ открыть подъ самымъ потолкомъ задвинутую доской продушину.

Черезъ полчаса мы, усѣвшись на разбросанныя по землѣ хвои, пили съ ржаными сухарями чай, а надъ нашими головами колеблющимся голубоватымъ пологомъ плавалъ дымъ.

— Да-а-а... — тянетъ дѣдъ, настораживая къ костру котелокъ съ оленьимъ мясомъ — ты говоришь: тайга... Тайга, братъ, охо-хо-о-о-о... И народъ въ ней другой, особый, прямо тебѣ скажу, дикій народъ.

Дѣдъ у костра стоитъ вдвое перегнувшись и, опаски ради, придерживаетъ лѣвой рукой огромную свою сивую бородищу.

— Да и вправду молвить, ну, кто округъ насъ есть живой? Медвѣдь да тунгусъ, вотъ и свѣтъ весь... Куда ни кинься — тайга... Лѣсъ, лѣсъ да дыра въ небо... И никакой къ намъ пути-дороги... А все жъ таки...

Дѣдъ набилъ трубку, вытащилъ изъ костра головешку, закурилъ.

— А и промежъ насъ инымъ часомъ бываетъ... Нѣтъ, нѣтъ да и... Тьфу! чтобъ те пятнало, окаяннаго! — вдругъ плюнулъ дѣдъ, — гляди, каку дыру прожогъ, — и, зажавъ дымящійся подолъ рубахи, принялся сердито ворошить палкой прогоравшія дрова.

— Что жъ промежъ васъ бываетъ-то?

— А какъ тебѣ сказать... Ну, быдто сумлѣнье въ голову вступить, куда-то поманить человѣка, душа вродѣ какъ скулить начнетъ... Вотъ взвился бы птицей, да улетѣлъ бы къ самому небушку... Да-а-а... А то тайга, тайга, никакого тебѣ вздыху нѣтъ... Скушно... Да вотъ погоди ужо, я те расскажу, какой случай могъ произойти съ однимъ человѣкомъ, прямо будемъ говорить, съ моимъ родителемъ.

Пожинавъ и разомлѣвъ въ теплѣ, мы стали свѣжевать съ дѣдомъ бѣлокъ: обдирали съ нихъ пушистыя шкурки и связывали ихъ хвостами вмѣстѣ по двѣнадцати штукъ, въ бунты.

Жучка, нажравшись до отвала бѣлокъ, подсѣла къ огоньку и вскорѣ, подремывая, стала клевать своимъ острымъ носомъ.

Дѣдъ притащилъ еще охапку дровъ и сказалъ:

— Ну, паря, давай укладываться спать.

— А случай-то?..

— А ты ложись, знай: ночь долгая... Поди, нама-
лся день-то деньской...

III.

Мы лежимъ съ дѣдушкой Изотомъ на прикрытыхъ оленьими шкурами хвояхъ. Костеръ въ углу на камен-
кѣ ярко горитъ.

Черные, покрытые густой сажей, потолокъ и стѣны тихо колышутся въ лучахъ костра, а за крохотнымъ надъ скамьей оконцемъ, сквозь вставленную прозрач-
ную льдинку, мерещится голубая таежная ночь.

Дѣдъ укрылся шубой, а голыя ноги поставилъ бли-
зехонько къ костру.

— Ну, вотъ, теперича, коли такъ, слушай...

Покряхтѣлъ, поскребъ обѣими руками лохматую
голову, сладко зѣвнулъ и старательно закрестилъ ротъ.

— Ну, дакъ вотъ, я и говорю. На моихъ памятяхъ
это дѣло-то приключилось, а я въ та-поры мальцемъ
былъ. Да. И вдругъ, братецъ ты мой, начали мы съ
матерью замѣчать, что съ тятей чего-то неладное до-
спѣлось, чего-то тосковать тятя началъ. А жили мы,
надо тебя упредить, справно. Сядетъ, бывало, тятя подъ
окошко, подшибется рукой, да и сидитъ, какъ статуя,
молча. — «Ты чего-й-то, Терентій?» — мамынька

окликнуть. — «Такъ, ничего». Мамынька на рѣку сбѣгаетъ, баню протопить, придетъ, а онъ все еще, подшибившись, сидитъ. — «Да ты бы хоть поѣлъ, на-ка щербы покушай». — «Нѣтъ, не надо». — «Не брюхо ли у тебя схватило?» А отецъ этакъ срыву отвѣтитъ: «Вотъ тутъ у меня болить... вотъ тутъ, понимаешь?» — А самъ по сердцу ладонью стучаеъ. «Ну-къ иди, не-то, въ баньку, похвощись». — «Дура!» — крикнетъ отецъ, вскочитъ, сорветъ съ гвоздя картузь, да маршъ вонъ. А мамынька — выть. Ужъ ночью придетъ батя домой, къ пѣтухамъ, почитай. Вотъ день, вотъ другой, вотъ третій... Батя все не въ себѣ. Потомъ оклемаеъся — опять за работу... Недѣли двѣ такъ продюжить, а потомъ опять къ нему лихо прицепится. Ахъ, ты, Господи. А то пить учнетъ. И пьетъ, и пьетъ, фу ты, пропасть. Такъ вотъ и маялся. — «Да чего это съ тобой, Терентій, сдѣлалось?» — мамынька спроситъ. — «Тоскливо мнѣ... Тоска... Понимаешь, тоска»... а у самого слезы. — «Дыкъ, дай я тебя натру, благословясь, сорокапригошникомъ, отъ сорока притокъ, сорока болѣзней способствуетъ», — «Молчи, дура баба», — и весь сказъ. И вотъ, братецъ ты мой, теперича слушай, кака оказія стряслась. Спишь, нѣтъ?

— Я слушаю.

— То-то. Ну, вотъ... Заходитъ къ намъ въ этакое-то время бродяжка, такъ, мозглякъ какой-то, ночевать просится. Ну, что жъ, ночевать, такъ ночевать, мѣста не жалко. Накормили его, значить, напоили. — «Откуда Богъ несетъ?» — «По хрещенымъ хожу, питаюсь. А вотъ, говорить, верстахъ въ десяти отъ васъ — чудо». — «Какое чудо?!» — отецъ обра-

довался. «Да, говорить, по Нижней Тунгузкѣ изъ Енисейска города на Лену въ каторгу преступниковъ въ лодкѣ бичевой тянуть, а средь ихъ, говорить, знаменитый разбойникъ Горкинъ съ полюбовницей». — «А чѣмъ же онъ знаменитый?» — «Да его, говорить, никакія цѣпи, никакіе остроги не держутъ... Слово такое знаетъ, сколь разъ убѣгалъ... Самъ убѣжить, да еще человѣкъ съ двадцать уведетъ съ собою». У тятки и глаза загорѣлись, ажъ задрожалъ весь. — «Изотъ!» — кричитъ мнѣ тятя. — «Оболакайся живчикомъ, пойдемъ глядѣть». Ну, иначе мамынька умолила тятю, не потрогалъ меня, одинъ ушелъ. Вотъ ждаты мы тятеньку, ждаты, нѣту. Опосля того, этакъ черезъ недѣлю времени, брякъ въ окно: «Эй, отворитесь-ка». А ночь была глухая. «Ну, говорить, Акулина, вотъ чудо, дакъ чудо видалъ я», — и за чаемъ началъ намъ, значить, все по порядку, что и какъ.

До самаго утра я, разиня ротъ, слушалъ.

«Вотъ, прихожу, говорить, я на Ерѣмину Луку, а тамъ, дѣйствительно, костеръ горитъ, а возлѣ костра люди. А туманъ такой стоялъ, что страсть. Вотъ по-привѣтствовала я, говорить, народъ. Гляжу, все чужіе. И вижу, у костра сидитъ женщина, краснымъ платочкомъ повязана. Какъ уперлась она въ меня глазами, я такъ назадъ и подался: «Чего, говорить, испужался», — а сама возьми да улыбнись. Ну, такой женщины сроду, говорить, не видалъ, ну, до чего у ней, говорить, глаза удивительные, какъ стрѣлой разить, вотъ какъ. Ну, изъ себя тоже шибко хороша. Да. «А главная-то рыбина въ лодкѣ, въ шитикѣ», — говорятъ мнѣ. Я туда. Сидитъ мужичище, вродѣ цыгана, носъ горбатый, борода черная, цѣпями весь окованъ.

Какъ взглянулъ я на него, сробѣлъ, жуть на меня напала, плюнулъ я, вѣкъ, молъ, тебя не видѣть. Вотъ началъ народъ суетиться у лодокъ, время плыть, коней начали въ постромки вчаливать. А женщина встала, отряхнулась, бровью повела, ну, прямо королева: «Дозвольте мнѣ, говоритъ, на эту гору подняться. Лодку я догоню». А рѣка тутъ быстро бѣжитъ, лодку супротивъ воды тянуть трудно, лодка огромная-шитикъ. Старшій ей говоритъ: «Ну, ладно, иди, никуда ты въ тайгѣ не скроешься». Вдругорядъ улыбнулась женщина, подобрала юбочонку, да айда на гору, а шитикъ тѣмъ временемъ съ разбойникомъ вверхъ повели. А я стою, говоритъ мой родитель, покойна головушка, дожидаюсь ее, прямо ну, вотъ, скажи на милость, все бы на нее глядѣлъ, ну, пдямо околдовала, дьяволь. Долго ли, коротко ли, говоритъ, ждалъ ну, только гляжу: спускается съ горы, маячитъ сквозь туманъ, сама въ веселыхъ мысляхъ и какой-то цвѣтокъ въ рукѣ держитъ, травинку: «вотъ, говоритъ, мужичокъ: сколь времени я такой цвѣтъ искала, нигдѣ не могла найти, опричь этого мѣста. Бѣги, говоритъ, мужичокъ, къ лодкѣ, а я съ этимъ цвѣткомъ подъ водой пойду, я васъ наздогоню». И не успѣла, батюшка ты мой, вымолвить, подбѣжала къ крутому берегу да чебурахъ въ воду, только гулъ пошелъ. Я: «ай-ай! караулъ!» да ну, по кустамъ вдоль берега тесать, быдто заяць... А туманъ страшный: сколь разовъ, говоритъ, я подъ берегъ кубаремъ леталъ. Ну, кой-какъ догонишь шитикъ: «Стой, кричу, стой. Женщина утопла!» Шитикъ къ берегу, я вскочилъ, говоритъ, туда, началъ все чередомъ обсказывать, такъ, молъ, и такъ, и вдругъ въ это самое времячко, какъ разыграетъ вода

подъ кормой, какъ вынырнетъ наша красавица-то: «Ну, вотъ и я!» а сама сухохонька, быдто и въ водѣ не бывала. Мы всѣ такъ и осатанѣли. Шапчонки сдержали, окстились. А она улыбается. А туманъ того гуще сталъ, все какъ въ молоко, вся округа. Народъ перепугался, шопоткомъ разговоры ведутъ, боятся, какъ бы она, колдовка-то, какого худа не сдѣлала: какъ махнетъ цѣткомъ, да оборотитъ всѣхъ медвѣдями, али гадиной какой. А она, братецъ мой, ровно бы угадала. «Вы меня не пужайтесь». Ну, мы ничего, оправились.

Мой родитель съ недѣлю съ ними плавалъ, она еще разовъ пятокъ этакимъ же побытомъ подъ водой ходила. Да...

— Ну, теперича, паря, давай курнемъ.

IV.

Накурившись всласть, дѣдъ приподнялся, задвинулъ дымовую продушину, огладилъ Жучку и снова легъ.

— Ну, дакъ вотъ, парень... На чемъ, бишь, я остановился-то... Да-а-а... Этово, какъ ево... Да-а-а...

Наконецъ, собравшись съ мыслями, дѣдъ началъ:

— И съ этого самаго времени родитель мой, покойна головушка, въ отдѣлку загрустилъ, окончательно умомъ тряхнулся. Самое лѣто наступило, пора сѣно-

косная, тутъ только давай-давай. А онъ какъ-то утречкомъ: «Ну, прощай, баба... прощай, сынокъ... А я пойду»... — «Куда ты, что ты?»... — «Пойду счастье пытать». — «Очнись, одумайся»... А онъ свое. Такъ, братецъ ты мой, и скрылся. Плакали мы съ мамынькой, плакали: какъ быть, куда дѣваться? Объявили міру, стали у міра помочи просить. Вотъ всей деревней съ недѣлю по тайгѣ шарились, да развѣ сыщешь: тайга энъ какъ, конца краю ей нѣту...

А тутъ пошелъ это я съ ружьишкомъ ланныхъ утокъ пострѣлять въ Еремѣ рѣкѣ, вотъ, братецъ ты мой, подхожу, это, я къ берегу, слышу: схлопало что-то по водѣ. Я испужался, схоронился за сосну, высматриваю. Опосля гляжу: человѣкъ посередѣ рѣки вынырнулъ, да къ берегу по саженкамъ чешетъ. Глядѣть-глядѣть, Господи, Царь Небесный, да вѣдь это тятя. Я къ нему: «тятенька, кричу, тятенька!» Подбѣжалъ, повисъ у него на шеѣ, да ну ревѣть въ голосъ. «Ты что же это, тятенька, задумалъ?» — «А я, сынокъ, цвѣтки пытаю всякіе... Мнѣ колдовскій цвѣтокъ обязательно надо отыскать... Пойдемъ-ка». И повелъ меня въ кусты. Шалашикъ у него тамъ сдѣланъ, а кусты густушіе, вѣкъ не найти бы... Возлѣ шалаша на козлинахъ жердочка строганая, а на ней всякія нанизаны травы: «Вотъ эти всѣ перепробоваль, въ нихъ силы нѣту настоящей». — «Тятенька, мамынька меня за тобой послала... Пойдемъ». — «Обожди, сынокъ. Айда къ рѣчкѣ!» Вотъ повелъ меня къ рѣчкѣ. Разулся опять, разоблолся, взялъ изъ кучи одинъ цвѣтокъ бѣлый, зажалъ въ горсть, разбѣжался, да бултыхъ въ рѣчку, на самое дно. Ну, я стою, разиня ротъ, дивлюсь. Опять тятя ныркъ навѣрхъ по-

середь рѣчки, фырчить, отдувается, ажъ захлебался весь. «Не тотъ, — кричить, не тотъ!.. Дай-ко-сь синенькій». Да такъ до самаго вечера и нырять все съ разными цвѣтками.

Ну, одначе, сговорилъ я его. Пошли мы съ нимъ домой. Какъ вошли въ тайгу, сѣли подъ елочку, я ему и говорю: «Зачѣмъ же тебѣ, тятя, такой цвѣтокъ?» Онъ похлопалъ, это, меня по плечу, вотъ какъ сейчасъ помню, да таково ли ласково вымолвилъ: «Ахъ, сынокъ, сынокъ... Еще молодой ты, чего знаешь... Скушно человѣку, сынокъ... Вотъ какъ скушно... Ты слыхалъ, говоритъ, сказку, какъ Иванъ-царской сынъ золотыхъ кудрей, на колдовскомъ конѣ за тридевять земель ѣздилъ, али про Жаръ-птицу, али про коверъ самолетъ... Вотъ то-то и есть, сынокъ. Да кабы мнѣ такой цвѣтокъ-то колдовской найти... Ха! Да я бы сквозь всѣ земли прошелъ, я бы все небушко надзвѣздное вольной птахой выпорхалъ... Ухъ, ты, Господи!..» Обнялъ это онъ меня, да таково ли страшно задышалъ... Я уставился на тятю, а у него слезы такъ ручьемъ и хлещутъ...

Дѣдъ пофыркалъ носомъ и незамѣтно смахнулъ набѣжавшую слезу. Подъ нарами тихо взлаивала во снѣ Жучка. А въ кострѣ попискивали и о чемъ-то шептались золотые угольки.

— Ну, какъ ты думаешь, чѣмъ же эта вся побывальщина окончилась? — спросилъ дѣдъ, повернувшись на бокъ, ко мнѣ лицомъ.

— Не знаю.

— А окончилась она такъ, милый... Вернулся отецъ и все намъ съ мамынькой по хозяйству справилъ. Впередъ всѣхъ съ поля убрались. Да. И вотъ,

въ поздню пору, ужъ когда деревья начали призадумываться, а въ лѣсу красный листъ обозначился, опять тоска къ отцу подкатилась. Онъ мамынькѣ, царство ей небесное, ни-гу-гу, а все со мной больше разговоръ имѣлъ. Какъ-то разъ и говоритъ: «Я теперича, Изоть, по другому надумалъ цвѣты пытатъ». Не прошло и трехъ день, хватъ-похватъ, тяткинъ и слѣдъ простылъ. Ну, тутъ опять и началось у насъ съ мамынькой. Она и къ попу-то ѣздила, и знахарокъ-то выпытывала, и шамана-то отъ тунгусовъ принимала, нѣтъ. Прямо, какъ канулъ.

Ужъ ко Здвиженію дѣло подходило, на хребты снѣгъ палъ. Сидимъ мы какъ-то съ матерью, сумерничаемъ... Приходитъ въ избу сусѣдъ нашъ, Онисимъ. Покрестился на святы, «здорово, говоритъ, живете», а самъ топчется. У насъ съ матерью такъ сердце и захолонуло. «Охъ, не съ добромъ ты, я вижу, Онисимъ, — мамынька молвила, а онъ: «Такъ что Терентій вашъ нашелся». — «Гдѣ?!» — «Извѣстно, въ тайгѣ». — «Ну?!» — «Звѣрь его, видно, зашибъ, медвѣдь». Матерь моя такъ съ лавки и покати́лась. А онъ: «Ѣхали мы, говоритъ, изъ кедровника съ орѣховъ, глядимъ, что за оказія! изъ-подъ хворосту ноги торчатъ. Раскидали хворостъ, а тамъ Терентій внизъ лицомъ лежитъ, а въ горсткѣ у него цвѣтокъ желтенькій зажатъ быдто».

Дѣдъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Вотъ те и все. И весь сказъ мой. Вотъ я и мекаю: однако онъ, родитель-то мой, покойна головушка, медвѣдя цвѣткомъ-то покорить хотѣлъ, да въ поднебесье летѣтъ на немъ, навродѣ Сивки-Бурки... А?

Дѣдъ замолкъ и долго лежалъ, тяжело вздыхая,

Костерь прогораль, въ зимовьѣ стоялъ колеблющійся сумракъ, а голубой снопъ, лившійся черезъ ледяное оконце, нащупываль что-то подъ нарами, шариль въ темномъ углу, кого-то выслѣживая и карауля.

Возлѣ зимовья вдругъ послышался скрипъ снѣга, будто грузный человѣкъ взадъ впередъ ходить, и тихій надвигающійся изъ тайги разговоръ. Жучка, заблестѣвъ глазами, сторожко подняла голову и, потянувъ ноздрями воздухъ, октависто заворчала.

— Дѣдушка, чуешь?

— Стой-ко, ужо...

Мы приподнялись, сидимъ, опершись руками въ землю, и чутко прислушиваемся. Да, голоса... Говорять медленно, тихимъ распѣвомъ, много голосовъ. Все ближе, ближе...

— Ахъ, окая-а-нный, а?.. — испуганно шепчетъ дѣдъ, крестится и тянется тихонько за ружьемъ. А голоса громче, шумнѣй...

Жучка, вся оцетинившись и рыча, подступаетъ къ двери. Кто-то за дверью стоитъ, торопливо шарится, скобку ищетъ...

— Стой, держи... Хватай ружье!..

И ужъ не разобрать, что творится тамъ, за стѣной: все смѣшалось въ еще далекомъ, но быстро растущемъ воѣ.

— Жучка, узы!..

И вдругъ тутъ, среди насъ, застонало, завыло, загайкало, дверь рванули — гайгага-а-а!.. — дверь настежь:

— Святъ, святъ!..

Ворвалось, ввалилось что-то безликое, все въ бѣ-

ломъ, крутануло, плюнуло, разметало весь костеръ, холодомъ глаза залѣпило, заухало...

— Аминь, аминь!.. — взревѣлъ дѣдъ и грянулъ изъ ружья...

— Сгинь, нечистая сила, сгинь!.. — и все смолкло.

Я, не попадая зубъ на зубъ, стоялъ возлѣ дѣда въ глубокой тѣмѣ. Жучка жалась къ ногамъ и испуганно повизгивала. Дѣдъ трясущимися руками черкнулъ спичку, лучину зажегъ. Весь полъ, нары и мы сами были запорошены снѣгомъ, а дверь — плотно закрыта.

Дѣдъ перекрестился: — Ну-ко, благослови Христось, — и какъ-то по особому, съ хитринкой улыбаясь, сталъ разводить костеръ.

— Вотъ они, нечистики-то... Чуешь?.. Ишь, какъ я его изъ ружья-то ожогъ подходяще.

Въ двери зіяла пробитая пулей дыра.

— Это ураганъ... — замѣтилъ я.

Дѣдъ круто обернулся ко мнѣ, выпрямился, ударившись головой о потолокъ, и зло крикнулъ:

— Ураганъ?! Какъ не ураганъ... Много ты слышишь... Вотъ пойдемъ-ка по дрова.

Мы вышли. Тайга не шелохнется. Полный мѣсяцъ въ мутно-бѣломъ кругу высоко стоялъ надъ тайгою. Снѣгъ на полянкѣ переливался алмазами, и кругомъ была жуткая тишина.

— Ну, гдѣ жъ тебѣ ураганъ? А?.. — подступалъ ко мнѣ дѣдъ.

— А видишь, какъ запорошило тропу...

— Тропу-у-у?! Толкуй слѣпой съ подлѣкаремъ... Вотъ те и тропу... Тащи дрова-то... Умникъ!

Вновь засіялъ костеръ. Мы вывели набившійся въ зимовье снѣгъ и стали укладываться спать.

— Это оттого, что я маху далъ, забылъ дверь окстить.

И дѣдушка Изоть залѣзъ на нары, закрестилъ торжественно дымовую продушину, потомъ сталъ крестить дверь, шепча какія-то тайныя слова и сплевывая черезъ лѣвое плечо.

Была глухая полночь. Меня одолѣвала дрема. Я засыпалъ подъ раскатисто-плавный голосъ дѣда:

— Вотъ такъ же легъ я, не поблагословившись, въ зимовѣѣ одномъ, а тамъ, быдто, блазило, значить, по ночамъ рахало... Да-а-а...

Всю ночь мучили меня страшные сны: то я филиномъ леталъ надъ тайгою, то боролся съ медвѣдемъ, то нырять на дно рѣки за колдовскимъ цвѣткомъ.

1915. Январь.

ЧУЙСКІЯ БЫЛИ.

Эхъ, да какъ стегнула по Алтаю Чуя, священная рѣка. Бѣлыя стоятъ на горизонтѣ горы, всѣ въ вѣчныхъ снѣгахъ, Чуйскія Альпы, земли надгробіе. Въ нихъ родится Чуя, священная рѣка.

Сначала степью течетъ она, высокой, горной, Чуйской степью безжизненной: ни лѣсу здѣсь нѣтъ, ни сочныхъ травъ. Зато отсюда ближе небо, ярче звѣзды, чище, прозрачнѣй воздухъ.

Вся степь, во времена минувшія, до самыхъ горныхъ маковокъ была водой залита: вѣка вѣковъ плескалось здѣсь озеро голубой волной. И стерегли это озеро, каменные витязи, Чуйскія Альпы, богатыри алтайскіе, плечо въ плечо стояли каменной стѣной.

Но не удозорили, не усмотрѣли: обмануло ихъ озеро, убаюкала ихъ зыбунъ волна, уснули крѣпко. А вода прорвала себѣ ходъ, проточила горы и хлынула.

Рокотъ пошелъ по Алтаю, земля затряслась, осыпались камни. Широко волна хлещетъ, опрокидываетъ скалы, грохочетъ и стонетъ, и мчится вдаль бѣшенымъ потокомъ.

Это Чуя, рожденная въ снѣгахъ, горами плѣненная, вырвалась на волю и понеслась межъ разступившихся въ страхъ Алтайскихъ горъ.

А озеро обсохло, и дно его превратилось въ песчаную Чуйскую степь.

Такъ стародревняя быль говорить.

* * *

На Чуйской степи есть маленькій русскій поселекъ Кошъ-Агачъ. Такой маленькій, что съ горъ, обнявшихъ степь каменнымъ кольцомъ, его и не примѣтить.

Чрезъ Кошъ-Агачъ Чуйскій трактъ идетъ. Узкой тропой соединилъ онъ сибирскій городъ Бйскъ съ монгольскимъ — Кобдо.

Весь бы этотъ трактъ серебромъ можно вымостить да золотомъ, что загребли-захапали русскіе купцы у алтайцевъ и монголь.

Весь бы трактъ можно слезами залить, что сочились изъ узкихъ глазъ полудикихъ, съ чистой душой, кочевниковъ: такой большой обидой и горемъ надѣлил ихъ русскій, неистовый, алчный хищникъ.

Такъ говорить про купцовъ недавняя быль.

Клянетъ ихъ Алтай, клянетъ духъ Алтая — грозный Курмышъ, и будетъ клясть изъ рода въ родъ за ту великую неправду, что грязнымъ пятномъ пала на бѣлое темя Алтая.

* * *

Бурнымъ шумомъ шумить, шорохомъ шолковымъ... Эй, подожди, Чуя, вода холодная! Куда бѣжишь, куда по камнямъ вскачь мчишься? Стой, Чуя, стой! Расскажи намъ вчерашнія и сегодняшнія были свои.

ЗЕРКАЛЬЦЕ.

Зеркальце, какъ зеркальце. Маленькое, круглое, цѣна ему — пятакъ.

Купецъ ихъ съ дюжину привезъ въ степь.

Думаетъ купецъ:

— Надо калмыкамъ продать, надо калмыковъ нагрѣть. Грѣха тутъ нѣту: калмыкъ не человѣкъ, — звѣрь, и душа у него, какъ у пса, паръ. Звѣрь и звѣрь.

Ѣдетъ купецъ въ гости къ своему другу, калмыку Аргамая, котораго не разъ надувалъ.

Вечеромъ пріхаль, къ огоньку. Аргамай въ юртѣ сидитъ, толстый, сильный. Одинъ у камелька сидитъ, баранью кость гложетъ и мурлычетъ пѣсню о томъ, какъ онъ завтра на зарѣ будетъ кочевать къ снѣгамъ, гдѣ такія вкусныя и сочныя травы — сласть скоту.

— Эзень! — поздоровался купецъ.

— Эзень, эзень! — откликнулся Аргамай, всматриваясь въ пришедшаго.

— А-а-а... Эвонъ кто! Другъ!.. — радостно вскрикнулъ и уступилъ гостю свое мѣсто.

У костра засуетился, — огонь ярче вспыхнулъ, — полбарана положилъ въ котель, чай по-калмыцки го-

товить началъ: съ молокомъ, жаренымъ ячменемъ и солью.

— Бабъ нѣту... Одинъ больной, другой въ гости укатилъ къ отцу.

— Нѣтъ ли арачки?

— Бар, бар... — и подалъ въ турсукъ самодѣльную изъ молока водку.

Сидятъ, бесѣдуютъ. Огонекъ весело горитъ. Арачка вкусная, теплая, по жиламъ загуляла, въ мозгъ ударила, дала волю языку.

Калмыкъ смѣется и купецъ смѣется, по плечу Аргамая похлопываетъ, льстивыя рѣчи говорить:

— Ни у кого такихъ хорошихъ коней нѣтъ, какъ у тебя. Самые лучшіе быки у тебя. Самые жирные бараны у тебя. Ты богатый. Жена у тебя красивая.

Говоритъ, арачку пьетъ, баранину ѣстъ.

Аргамаю любо, слушаетъ, смѣется и, чтобъ не остаться въ долгу, говоритъ гостю:

— Ты самый хорошій есть... Самый вѣрный... Другъ...

Вспомнилъ купецъ про зеркальце.

Думаетъ:

«Надо подарить. Убытокъ небольшой — пятакъ».

Достала, показываетъ:

— На-ка, поглядишь.

Смотритъ пристально. Приковало его зеркало.

— Это кто?

— Да ты...

— Какъ я?!... Это шайтанъ!...

— Такъ ты...

Молчитъ, еще пристальнѣй всматривается, недовѣрчиво на купца смотреть, говоритъ ему:

— Чего, врешь?!... Нѣту!... Шуба-то моя, а рожу сроду не видалъ, не знаю!...

Купецъ блаженно улыбается, а калмыкъ отъ не-терпѣнья заерзалъ по войлоку, руки дрожать, крѣпко уцѣпились за волшебное стекло.

— Да ты надѣнь шапку-то... Видишь?... Ты!

Смотрить калмыкъ — его шапка въ зеркалѣ, косу смотреть — его коса, съ ленточкой, бородавка на носу его, — ущупалъ...

— Ха-ха-ха!... Продай... Дѣлай милость, продай!

А купецъ совсѣмъ обмякъ, радость другу своему доставить хочетъ, говорить:

— Да я тебѣ его...

— Дѣлай милость, продай... Сколь хочешь возьми!...

И вдругъ купеческая душа къ канавѣ покатилась...

— Нельзя... — чуть дрогнувъ голосомъ, сказалъ купецъ.

— Возьми быка... Ребятамъ, бабамъ казать буду... Хаха-ха... Пусть смотрять рожамъ...

— Нѣтъ, нельзя... — твердо купецъ сказалъ и легонько зеркальце къ себѣ тянетъ.

Аргамай не даетъ.

— Два быка, три быка!... хорошихъ!...

Душа купца въ канаву ляпнулась, захлопалась въ черной жижѣ.

— Что ты, я самъ дороже заплатилъ... Въ Москвѣ добылъ... Знаешь, слыхалъ?

Чуть не плачетъ Аргамай, большой ребенокъ:

— Возьми четыре быка... Пожалуйста, возьми, другъ!...

— Пойдемъ быковъ ловить, — жадно сказалъ купецъ.

Аргамай смѣется плутовато, зеркальце подальше прячетъ, на купца съ опаской смотритъ, не продешевилъ ли тотъ, не отобралъ бы...

Ласково ему говорить тонкимъ своимъ голосомъ:

— Ты самый хорошій есть... Самый вѣрный... Другъ...

Поздно ночью возвращался къ себѣ въ станъ пьяный купецъ. И, выписывая въ сѣдлѣ опьянѣвшимъ туловищемъ мыслете, весело вслухъ думалъ:

— Онъ на то и калмыкъ, чтобъ его учить... На то онъ и татарская лопатка...

II.

Ч А С Ы.

Жиль-быль ласковый торгашъ съ мышинными глазами. Онъ былъ такой хитрый, что любого шайтана могъ трижды перехитрить.

Плутъ.

Пріѣзжаетъ къ нему старый киргизъ, Юсупъ.

Посидѣлъ, покалякалъ, кой-что купилъ.

А торгашъ только что свѣжій товаръ изъ города, изъ Руси получилъ.

— Купи часы...

Взялъ киргизъ въ руки часы, полюбовался ими, языкомъ прищелкнулъ!

— Живой... Стукать...

— Купи!...

Вздохнулъ Юсупъ. Надо бы купить, не себѣ, а сыну, доброму джигиту. Эхъ, надо бы купить.

— Я бы купилъ... Денегъ нѣтъ... Вотъ будутъ, куплю...

Не любилъ Юсупъ въ долги залѣзать.

Водкой купецъ угостилъ его, цѣлый стаканъ подалъ:

— Пей...

Магометанская вѣра строгая: водку запрещаетъ

пить. Однако Юсупъ съ хорошимъ человѣкомъ маленько выпить можетъ, грѣха таить нечего.

А водка злая, крѣпкая, ротъ обожгла, веселымъ туманомъ обложила сердце.

Еще стаканъ подалъ.

— Пей, на здоровье...

Очень ласковый торгошъ.

Прощался Юсупъ, сѣлъ на своего верблюда, поѣхалъ:

Степью ѣхалъ. Тихо было въ степи. Лишь кузнечики неумолчно въ травѣ трещали. Небо блѣдное, въ блѣдныхъ звѣздахъ — бѣлыхъ лебедяхъ. Изъ-за снѣговыхъ хребтовъ подымалась луна.

Ѣдетъ старый Юсупъ, улыбается, съ верблюдомъ разговоръ ведетъ и, пьяненькій, начинаетъ напѣвать:

— Вотъ мѣсяцъ смотреть... Алла-Алла... Крутой, зоркій, какъ глазъ великаго Аллаха... Свѣтитъ мнѣ, свѣтитъ верблюду.

Дальше ѣдетъ... Тихо въ степи... Кто-то навстрѣчу скачетъ... Свой...

Проскакалъ джигитъ. На ходу кричитъ что-то, но Юсупъ не слышитъ. Въ небо глядитъ, мѣсяцу слезающимися глазами подмигиваетъ. Мѣсяцъ щурится и ярче освѣщаетъ степь.

Поетъ Юсупъ:

— Мѣсяцъ, мѣсяцъ... Золотой мой мѣсяцъ... Мнѣ хорошо, я богатый... Я старый, какъ въ рѣкѣ черный камень... Вотъ куплю часы... Урусъ часы привезъ... Я ихъ куплю... Часы, часы... Гей, часы... Живые...

И онъ громко размѣялся.

И зароились въ его головѣ серебряныя мысли, какъ

тѣ круглыя, маленькія блестящія часы, которые онъ видѣлъ у торговаго. Ихъ много, не пять, не десять, много. Онъ всѣ ихъ купить, всѣ часы купить, онъ всѣмъ раздарить. Старой своей женѣ, средней женѣ, своей молодой женѣ... Сыну, джигиту трое часовъ повѣсить, себѣ цѣлый десятокъ... Ха-ха... Пусть тикаютъ, пусть вертятъ стрѣлками. Это больно хорошо... Онъ верблюду часы подарить, онъ быку подарить... Пусть и быкъ при часахъ ходитъ... Хе-хе...

Вдругъ слышитъ: застонала степь. Дробный топотъ по степи звучитъ, отчетливый и быстрый. То кони скачутъ, бьютъ копытомъ землю, гудитъ земля.

«Ага, свои...» — думаетъ Юсупъ.

Весело Юсупу. Огонькомъ вино по жиламъ бродитъ.

— Остановиться надо. Потолковать надо...

Нагоняютъ. Купецъ. Съ нимъ люди...

— У меня, другъ, часы пропали... Которые ты въ рукахъ держалъ...

Пропали, такъ пропали... Ха-ха... Эка штука. При чемъ же тутъ Юсупъ.

— Я не бралъ... — говоритъ онъ, улыбаясь старымъ своимъ бронзовымъ лицомъ. — Пусть Аллахъ меня съ коня столкнетъ, когда я надъ пропастью поѣду... Я не бралъ...

Ласково торгошъ отвѣчаетъ:

— Да мы знаемъ, что не бралъ. Вотъ я съ понатыми ѣду, всѣхъ обыскиваемъ... Васъ много въ лавкѣ было...

— Ищи. Пожалуйста, ищи!...

Верблюду посохомъ по ногамъ слегка ударить, опустился верблюдъ на колѣни. Юсупъ слѣзъ и съ готов-

ностью подошелъ къ купцу, раскарячивая по-пьяному ноги. Глаза черные, лучистые открыто на купца глядятъ. Лицо добродушное, довѣрчивое, бороденка холкомъ — дрожить.

— Пожалуйста, ищи... Не бралъ...

Стали обыскивать. Халать разстегнули... И вдругъ...

— Ой, Алла, Алла!... — За пазухой часы.

У киргиза глаза широкіе, ротъ открылся, замеръ киргизъ... И, схватившись за голову, закричалъ упавшимъ, рвущимся голосомъ:

— Вой, вой, вой!... Не бралъ!...

Торгашъ на всю степь взревѣлъ:

— Ребята, вяжи!... Въ тюрьму его!!

Вмигъ мѣсяцъ колесомъ по небу завертѣлся и упалъ, серебряными нитками осыпались звѣзды, небо почернѣло, всколыхнулась подъ ногами степь.

Бросился Юсупъ на колѣни, скривилъ свой старый ротъ и заскулилъ жалобно. И не зналъ, не видѣлъ изъ-за слезъ, куда ползти, кого молить, гдѣ торгашъ, ласковый его другъ:

— Ой, не надо тюрьма... Ради Бога не дѣлай... Ради Бога... Чего хочешь, проси...

Взялъ купецъ верблюда, велѣлъ пригнать на зарѣ трехъ лучшихъ игреневыхъ жеребцовъ. И съ честью возвратился во-свояси.

III.

ЖИВЫЕ МѢШКИ.

Еще недавно городъ Кобдо китайскимъ былъ. Китайцы большую торговлю вели съ монголами, большіе магазины имѣли въ Кобдо. Русскіе тоже торговали.

И вдругъ Монголія захотѣла отъ Китая отколоться, во всей своей волѣ пожить. Началась тогда великая брань: монголы стали китайцевъ колотить, разрушать Кобдо, жечь и грабить китайскіе товары.

Тяжелое настало для китайскихъ купцовъ время.

Къ русскимъ друзьямъ своимъ, къ русскимъ купцамъ обратились за помощью: купите наши товары за безцѣнокъ. Укройте насъ.

Русскіе возрадовались.

Кровь рѣкой течетъ по улицамъ, дымъ клубится, раздаются вопли, гремятъ выстрѣлы, — адъ сошелъ на землю.

А русскимъ любо. Русскій купецъ шире расправляетъ свой карманъ, чернымъ ворономъ кричить, зорко высматриваетъ падаль.

Какъ-то ночью, весь въ слезахъ, весь въ страхѣ, прибѣгаетъ къ русскому купцу китаецъ.

Паль предъ нимъ на колѣни, у ногъ ползаетъ, са-

поги смазные цѣлуетъ и не можетъ слова сказать, языка лишился.

Купецъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Купецъ ласковый.

Это его другъ, богатый китаецъ Чанбо, миллионщикъ.

Подымаетъ его съ полу, усаживаетъ въ кресло, воды принесъ, папироску предложилъ.

— Ты что, другъ?...

Какъ грянетъ на улицѣ пушка, какъ привскочить до потолка китайскій купецъ, миллионщикъ Чанбо:

— Ой, другъ... Пожалуйста, пойдемъ ко мнѣ. Тебѣ Богъ поможетъ... Спаси, умоляю...

— Идемъ, — сказалъ купецъ и тяжело вздохнулъ. Добрый былъ. Китайцы и монголы уважали его.

Истово на образъ перекрестился, крикнулъ женѣ:

— Благословляй!

Молодая жена въ слезы.

— Съ нами Богъ, — сказалъ купецъ и быстро вышелъ съ китайцемъ Чанбо на улицу.

Жена за ними:

— Степа! Не ходи... Пусть Чанбо у насъ сидитъ...

— Пошла къ ляду, дура!... — зло купецъ отвѣчаетъ ей: — торчи дома, карауль ребятъ... Насъ не потрогаютъ.

Чанбо по-русски маленько понимаетъ: выиграла душа его, на купца, какъ на святого смотреть, въ ноги ему бухъ, опять смазные сапоги цѣловать началъ, купчихъ кричить:

— Бабушка, бабушка!... Пасибо...

И оба побѣжали дальше.

Тьма была. Только справа стояло зарево отъ го-

рѣвшей башни. Слышались отдѣльные выстрѣлы. Издали доносилось тысячеголосое галдѣнье китайскихъ солдатъ:

— Много вашихъ войскъ-то?—прошепталъ купецъ.

— Много, — тихо отвѣтилъ китаецъ.

— А чья возьметъ?

— Пожалуй, насъ перерѣжутъ...

Китаецъ тащилъ купца за рукавъ. Во тѣмъ наткнулись они на что-то и оба упали.

— Это наши убитые, — прошепталъ китаецъ, захныкалъ и что-то запричиталъ. А купецъ перекрестился. Опять пошли. Звуки крѣпли. Въ воздухѣ пороховъ пахло.

Навстрѣчу попалась цѣлая стая собакъ. Онѣ выли, подлаивали, щелкали зубами, грызлись, невидимыми клубками катаясь по землѣ.

— Входи! — сказалъ китаецъ.

Они вошли въ калитку глинобитной выходившей на улицу стѣны. Фанза китайца, склады и лавки стояли въ глубинѣ огромнаго двора.

Вдругъ китаецъ остановился. Остановился и купецъ. Замерли. Кто-то хрипитъ во тѣмъ.

Китаецъ ухнулъ, завопилъ:

— Зарѣзали... Брата зарѣзали...

Но нѣтъ!... Знакомый слышится зовъ:

— Чанбо! Чанбо!... Иди скорѣй...

Бросился Чанбо своему юному брату на шею, а тотъ говорить цѣпенѣющимъ отъ страха голосомъ:

— Двое враговъ были... Мы съ приказчикомъ отстрѣливались. Приказчика зарѣзали, ушли... Грозили вернуться... Я боюсь, Чанбо... Чу, какъ хрипитъ... Боюсь...

— Не бойся, — успокаиваетъ купецъ, — при мнѣ не имѣютъ полного права тронуть... — говоритъ такъ, а самъ тоже не можетъ зубъ на зубъ попасть.

Всѣ трое вошли въ фанзу. Огонь зажгли.

— Со мной не потрогаютъ... Намъ русскимъ монголы заявили: кто боится — уходи за городъ. Кто не боится — сиди на мѣстѣ: русскимъ никакого худа не будетъ.

И не успѣлъ сказать, какъ шумъ на улицѣ послышался, загалдѣли люди, близко гдѣ-то затрещали выстрѣлы.

— Идутъ!!.

Заметались братья, не знаютъ, что дѣлать, куда укрыться.

— Полѣзайте на всякій случай въ лавку, заройтесь въ товаръ.

Но тамъ однимъ китайцамъ страшно.

— Тогда айда въ мѣшки! Мѣшки пустые есть?

— Есть.

Два большихъ мѣшка живо притащили, сѣли въ нихъ, купецъ прочно завязалъ каждый мѣшокъ и поставилъ въ уголь.

— Сидите смирно, скажу, что это мои мѣшки съ верблюжьей шерстью. Только ни гу-гу... Не шевелись!...

А чортъ уже возлѣ купца орудуетъ. Сердце купеческое своимъ хвостомъ щекочетъ.

«Нѣтъ, нѣтъ...» — эло отмахивается купецъ отъ навожденія и крестится.

Ревъ все ближе. Рядомъ. Отдѣльные выкрики ясно слышатся.

Купецъ выбѣгаетъ съ фонаремъ на крыльцо:

— Эй, что надо?! — кричить ворвавшимся во дворъ монголамъ.

Тѣхъ много. Факелы въ рукахъ. Возбужденные, въ звѣрей обратившіеся, пьяные кровью, бѣгутъ шумной ватагой къ крыльцу.

— Что надо!? Стой!! — нарочно по-русски кричить купецъ.

Бѣгутъ къ крыльцу, галдятъ, сверкаютъ большими ножами, ружья на готовѣ, дубины подняты.

— Ты русскій?! — крикнулъ одинъ изъ нихъ, подбѣжавъ вплотную.

— А ты не видишь? — по-монгольски строго говорить купецъ. Растаялъ въ сердцѣ страхъ.

— Не видимъ... Темно... Гдѣ Чанбо?

— Нѣту.

— Врешь!

— Нѣтъ, не вру!!! — сердится купецъ — Товаръ не смѣй поджигать: мой товаръ. Все купилъ я!.. Русскій!.. Я!!!

Остановились.

— А то казаковъ кликну своихъ!.. Русскихъ!.. Солдаты!..

— Мы тебя не тронемъ... Товаръ твой не тронемъ... Мы китайцевъ рѣжемъ... У насъ война... Гдѣ Чанбо съ братомъ?..

И хлынули въ домъ.

Купецъ за ними. Толпа пьяна кровью, — купецъ пьянѣть началъ. Толпа звѣриныхъ дѣлъ жаждетъ — звѣрѣетъ сердце купца.

«Убей»... — чортъ купцу шепчетъ...

Купецъ молчитъ, тяжело дышитъ. Лобъ холоднымъ потомъ покрылся, замираетъ сердце.

Толпа по закоулкамъ шныритъ, въ сундуки заглядываетъ, а на мѣшки вниманія не обращаетъ.

«Все твое»... — чортъ купцу нашептываетъ.

— Мое!..

Не то крикъ вырвался, не то зарницей мысль стегнула въ ошалѣлой головѣ купца.

«Война все простить, все покроетъ»...

Черный свой голосъ, задыхаясь, подаетъ купецъ:

— Чанбо нѣтъ, брата его нѣтъ... Слышите?!

Обомлѣвшіе китайцы, едва дыша, Богу молятся, русскаго друга прославляютъ мыслью и радуются послѣднею своею страшною радостью.

— Слышите?! Чанбо нѣтъ, брата его нѣтъ: они далеко убѣжали...

А самъ мигнулъ монголамъ и предаль китайцевъ твердымъ жестомъ недрогнувшей руки.

Два кривыхъ ножа сверкнули, два ножа кровью обогрились. Отлетѣла съ жалобой древняя китайская душа.

А купецъ?

Купецъ всю эту ночь, какъ ушли монголы, на верблюдахъ китайскій товаръ къ себѣ возилъ. Весь слѣдующій день возилъ. Всю недѣлю возилъ.

Онъ молчалъ, ни съ кѣмъ не говорилъ, только рукой указывалъ. Какъ кончилъ съ товаромъ, пить сталъ.

IV.

Г Н У С Ъ.

Быль купецъ, по прозвищу Гнусъ.

Лицомъ курносый, борода лопатой, глаза яблоками, на лобъ вылѣзали, наглые. Корпусомъ толстъ, голосъ зыченъ: какъ гаркнетъ въ полѣ — лошади шарахались въ стороны.

А удалъ была въ немъ степная, дикая: скакать бы ему на бѣшеное конѣ по полю, глушить бы проѣзжихъ съ товарами ямщиковъ, чиновниковъ, купцовъ.

Да такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Вѣдь, чортъ его знаетъ! Вѣдь горы золота нажилъ человѣкъ, а любилъ, бывало, пошалить темной ночью, съ лихими киргизами, друзьями своими, побарантачить. Видно кровь въ сердцѣ кипучая была.

Подобралъ себѣ шайку отпѣтыхъ — отъ нихъ и киргизы-то отказались — и сталъ съ ними по горамъ гулять.

Удали черезъ край въ Гнусѣ, а скупость сказочная.

Нѣсколько лавокъ у него было. Весь округъ былъ долженъ ему.

Долги собиралъ онъ натурою: возьметъ у калмыка телятъ двадцать за долгъ, за какіе-нибудь двадцать кирпичей чаю, по рублю кирпичъ, да и скажетъ ему:

— Ты, другъ, оставь телятъ-то у себя. Гдѣ ихъ буду пасти, у меня земли нѣту.

Калмыкъ пасеть ихъ годъ, и другой, и третій. А потерять или продать — не смѣетъ: телята всѣ купеческимъ, Гнуса, клеймомъ мѣчены.

На третій годъ присылаетъ Гнусъ подручнаго и беретъ своихъ трехлѣтнихъ быковъ.

А калмыкъ по простотѣ душевной думаетъ:

«Все вѣрно, все такъ... Теленокъ былъ, Богъ растилъ — быкъ сталъ»...

Какъ-то монголь задолжалъ Гнусу цѣлковый. Хорошую у него трубку купилъ. Монголу безъ трубки нельзя, какъ красавицѣ безъ румянъ. Бѣдный монголь, неимущій.

Гнусъ сказалъ:

— Вернешь мнѣ чрезъ годъ за цѣлковый пять шкуръ сурка: процентъ на тебя накладываю.

Монголь съ процентомъ очень хорошо знакомъ: монголы русскими обучены, процентъ вотъ гдѣ у нихъ сидитъ, ради процента, чтобы его шайтанъ съѣлъ, всѣ они, и бѣдные, и средніе, по горло въ долгахъ, въ кабалѣ вѣчной.

И случилось такъ, что у монгола не оказалось къ концу года лишнихъ шкуръ: на сторону продалъ, повинности справилъ, семью кормилъ въ голодный годъ. Уплатилъ всего двѣ шкуры.

— На будущій годъ уплатишь мнѣ двѣ овцы и три шкуры. Процентъ накладываю.

Монголь отлично понимаетъ, что такое процентъ, тяжело вздохнулъ монголь, но дѣлать нечего.

Вотъ и второй годъ кончается. Дѣла еще хуже идутъ. Одну овцу притащилъ.

— Теперь ты будешь долженъ мнѣ годовалаго бычка и пять овецъ. Теперь все дорого, доставка дорогая. Большой процентъ накладываю.

До пяти быковъ дошло дѣло, до пяти верблюдовъ. А каждый верблюдъ сотню рублей стоитъ.

И вѣкъ бы сидѣть въ неоплатныхъ долгахъ монголу, да догадался, умеръ. Процентъ сгубилъ молодца.

А и всего-то трубку купить, вещь малую.

Но были случаи и почернѣе.

* * *

Лихіе молодцы-киргизы. Но и Гнусъ охулки на руку не положить.

Завелъ себѣ весь нарядъ киргизскій, малахай бархатный съ лисьей выпушкой сдѣлалъ, чатпоръ березовый вырѣзалъ — такую палку съ корневищемъ на концѣ, трахнешь по головѣ — черепъ, какъ арбузы спѣлый, разлетается! А конь у Гнуса — чорту братъ: вѣтеръ ни по чемъ ему, что вѣтеръ! Стрѣлу пѣвучую обогнать можетъ.

Гнусъ атаманомъ сталъ.

И никто объ этомъ не догадывался. Только ночь темная, да широкая степь, да горы знали. Да еще тѣ, несчастные... Но тѣ слова не вымолвятъ, нѣмую жалобу съ собой унесли въ землю.

Надумалъ Гнусъ караванъ съ серебромъ обогнать: серебра въ Монголію идетъ много, въ слиткахъ, серебро тамъ цѣнится.

Издалека началъ выслѣживать Гнусъ, за границу проводилъ, въ Монголію. Тамъ степь, жилья нѣту, кричи сколько хочешь, плачь, умолай — степь все выслушаетъ скорбно, но защиты не дастъ.

Идетъ караванъ степью, и не чуеъ бѣды. А бѣда по пятамъ крадется, жметъся у горъ, сѣрая, какъ сѣрый щибень-курумъ.

Идетъ караванъ ходко, но и солнце не дремлетъ, книзу катится, вотъ-вотъ сядетъ за сизые хребты. Караванъ торопится: въ степи воды мало, надо у рѣчки ночевать, а до рѣчки добрыхъ десять верстъ.

Какъ палъ сумракъ, говоръ рѣчки послышался. И люди, и лошади обрадовались: отдыхъ.

Не успѣли еще коней выпрячь — вихремъ налетѣла шайка... Арканы въ ходъ пошли, руки ямщикамъ вязать начали, конвойныхъ смяли, много ли ихъ, всего три человѣка. Одинъ сопротивляться сталъ...

И быть бы злу великому, но кто-то помѣшалъ: то ли казаки изъ Кобдо въ Кошъ-Агачъ почту везли, то ли знакомый купецъ ѣхалъ, — гикнулъ Гнусъ, и вся его ватага умчалась въ горы.

«Сорвалось», — сердито думаетъ Гнусъ, губы себѣ въ кровь искусалъ, коня взмылилъ и долго, ругаясь, грозилъ кулакомъ золотому огоньку, что робко замигалъ у рѣчки.

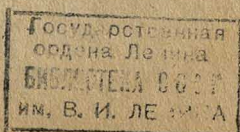
Этимъ дѣло не кончилось. Начальство узнало, кликнуло кличъ.

— Ребята! Кто желаетъ разбойниковъ ловить? Кто хочетъ получить награду? Шагъ впередъ!

Выискались двадцать пять казаковъ, двадцать пять отпѣтыхъ головъ.

Снарядились, поѣхали чуть свѣтъ въ путь-дорогу, съ казацкой пѣсней, съ бубнами.

Лихо кони мчатъ, лихо скачутъ: степь ровная, съ горъ прохладой вѣетъ.

Къ горамъ поѣхали казаки, въ балку заглянули — пусто, въ долину рѣчки заглянули — нѣтъ слѣдовъ, дальше поѣхали, пѣсни не поются, смолкли бубны. Тихо ѣдутъ, слова не пророняютъ: какъ бы не спутнуть врага.

Вотъ и дню конецъ, а казаки еще и привала не дѣлали, утомились, по сухарямъ соскучились, лошади похрапываютъ, корму просятъ.

Остановились на ночлегъ.

Гроза надвигалась. Сумракъ наполнилъ степь, скрылъ горы. Вдали безмолвно играла молнія: вспыхнетъ тамъ, гдѣ-то за хребтами, потрепещется надъ вдругъ всплывшими изъ мрака вершинами и тихо погаснетъ.

— Дождь будетъ, — сказали казаки и быстро палатки раскинули.

— Гроза идетъ, — сказали казаки, поужинали, чаю кирпичнаго напились и завалились спать.

Гроза надвигалась.

Двѣ грозы надвигались на казаковъ. Свѣтлая гроза, съ молніей и ливнемъ. Черная гроза — Гнусъ, душа коварная.

Карауль, сторожевой казакъ, карауль!... Черная гроза — опасная.

Сторожевой казакъ Петръ Байкаловъ боится небесной грозы, его громомъ въ дѣтствѣ еще оглушило. Стоитъ Байкаловъ, молитву шепчетъ, винтовку дрожащею рукою поглаживаетъ, собирается старшаго будить. А старшій злой: Байкаловъ и его боится, и грозы боится, не знаетъ, какъ быть.

Гроза надвигается быстро, вѣтерокъ впереди ея идетъ, разметаетъ степную дорогу, вольную.

Байкаловъ къ самой палаткѣ подошелъ, а войти не смѣетъ. На небо опасно смотритъ, какъ бы оттуда стрѣлой громучей не пустили. Небо огнемъ кроется, вздрагиваетъ казакъ, крестится:

— Святъ, святъ, святъ.

Громъ глухо стучить и разсыпается по горамъ горохомъ.

Тьма. Вѣтеръ травой шуршитъ, вѣтеръ палатку треплетъ, сталъ накрапывать дождь.

Тьма густая, предательская. И ничего-то въ ней не видать, ничего-то въ ней не слышать: лишь сухая трава шуршитъ.

Эй, смотри, казакъ!... Какъ блеснетъ молнія — смотри.

Товарищи храпятъ, пуще всѣхъ старшій храпитъ и что-то во снѣ бормочетъ.

И чуетъ казакъ: двѣ грозы идутъ; вторую, черную, сердцемъ чувствуетъ, защемило сердце тоской...

Крестится казакъ:

— Господи, спаси... Чего-то чижало...

Въ небѣ молнія золотой веревочкой съ краю въ край стегнула, засіяла степь, громъ ударилъ близко...

Байкаловъ проворно залѣзъ въ палатку и съ головой шинелью закрылся.

Эхъ, казакъ, казакъ...

Шорохи по степи ползутъ, много шороховъ...

То не дождь ли льетъ-поливаетъ, не градъ ли барабанитъ по землѣ?

Нѣтъ, не дождь... Нѣтъ, не градъ...

Шорохи крѣпче, шорохи сильнѣй. Это смерть по равнинѣ хлещетъ.

Двѣ грозы грянули вразъ надъ казаками: гроза огненная грохотомъ все заполнила...

А черная гроза съ лѣшевымъ гикомъ и посвистомъ мертвой лавой пронеслась: три тысячи бѣшеныхъ коней во весь опоръ проскакали по спящимъ казацкимъ тѣламъ.

Одну слякоть оставилъ отъ казаковъ Гнусь, душа звѣриная.

Далеко стегнула по Алтаю Чуя, священная рѣка!... Бурлить по крутому склону, вся сѣдая, вся косматая, яро камни точить, прозить своимъ гнѣвомъ человѣку. Стой, Чуя, стой!... Гляди: восходъ сталь розовымъ... День идетъ, день идетъ, ночь кончилась... Еще не много — и твои волны запоютъ иныя пѣсни и будутъ сказывать новыя были, свѣтлыя и радостныя. Да не повторится прошлое, да не затмитъ оно грядущаго дня. Эй, останови, Чуя, гнѣвъ свой, не точи яро камни, не кляни падшихъ... Милости, Чуя, священная рѣка, больше милости!

1913 г.

ПОМОЛИЛИСЬ.

I.

Сумерки сгущались; тускнѣлъ закатъ, кой-гдѣ мерцали звѣзды. Двѣ семьи тунгусовъ пробирались тайгой къ торговому селу Хватову, затерявшемуся въ безкрайномъ лѣсу, на берегу большой сѣверной рѣки. Не время теперь бродить тунгусамъ: вонъ, какой морозище стоитъ, дышать нечѣмъ. Но и старикъ Гирманча, и молодой Чумго обѣтъ положили снести въ церковь «прикладъ»: по двѣ сохатиныхъ и по одной оленьей кожи.

Послѣзавтра долженъ народиться большой русскій Богъ, то ли Никола-угодникъ, то ли Иннокентій-батюшка. Имъ это сказали купцы Харлашка да Петрунька, привозившіе въ тайгу лѣтомъ вино и товары. Плуты купцы, не дай Богъ, какіе оба плуты. Начисто ихъ обобрали, всю пушнину себѣ взяли, оленей сколько-то. А что дали взамѣнъ? . . . Мошенники.

Но когда они стали звать тунгусовъ къ себѣ въ гости и говорить о томъ, что у нихъ зимой въ церкви Богъ родится, что попъ Ванька пріѣдетъ, что огни зажгутъ въ церкви и будетъ тамъ ночью свѣтло, какъ днемъ, при солнышкѣ, что попъ будетъ пѣть молитвы, а народъ подпѣвать разными голосами, они повѣрили

и обѣщали придти. Да какъ не повѣрить? Говорятъ купцы, а на глазахъ слезы. Просили бѣлки тащить больше: цѣны хорошія установятся. Вотъ какъ просили, борони Богъ, какъ просили, много-много разсказывали, какъ прекрасно будетъ въ церкви. Во всѣ колокола стануть звонить.

Вѣдь вотъ, мошенники, плуты, а говорятъ — слезы на глазахъ. Все-таки народъ добрый, значить.

Какъ не добрый, извѣстное дѣло — добрый. Ну-ка, кто бы потащилъ имъ въ тайгу вино, это за пятьсотъ-то верстъ?

А теперь у нихъ маленько муки, слава Богу, есть, и кой-какое сукнишко, и порохъ, и дробь. А не будь всего этого, что бы тогда?

Правда, что денегъ купцы имъ не дали, пушнины у нихъ не стало, и на цѣлый десятокъ оленей уменьшилось. Зато недѣлю пили, напившись, дрались, и таскали другъ друга за косы. А олени или пушнина — что жъ? Богъ дастъ опять. У него, у батюшки, этого добра сколько хочешь. Только попросить его хорошенько, «прикладъ» пообѣщать, да шайтана, «звѣринаго хозяина», умиловить: саломъ губы смазать да у огня поводить его — и все это будетъ... Ха!.. Не первый разъ.

Оно такъ и вышло. Пушнины осенью добыли много. И не «подпаль» какая-нибудь, а первый сортъ, какъ на подборъ бѣлочки, одна другой лучше.

* * *

Зимой, когда столбы заходили по небу, а снѣгъ лежалъ въ тайгѣ толстымъ слоемъ, долго совѣтовались въ чумахъ, идти ли.

— Однако, пойдемъ, — наконецъ, сказалъ Гирманча.

— Какъ не пойдемъ... Пойдемъ, — подтвердилъ Чумго.

Купцы оставили имъ «рубешку», такую палочку, на струганной грани которой зарубками и крестиками были обозначены дни.

— Сколько нюльговъ, али переходовъ считаешь до села? — спросили купцы.

— Дюръ-дяръ... Давасать...

— Срѣжай каждый день по зарубѣ. До этой дойдешь — въ путь собирайся... Въ аккуратъ къ празднику попадешь... Понялъ?...

— Какъ не поняла... Помаленьку поняла... Помаленьку... — оба, старикъ и молодой, отвѣтили тонкими голосами.

И вотъ теперь они съ большимъ караваномъ оленей кончаютъ девятнадцатую нюльгу.

Когда запылалъ «гуливунъ» — огромный изъ наваленныхъ сухихъ листовенницъ костеръ, — мужики усѣлись прямо на снѣгу, возлѣ огня и, покуривая трубки, опять стали толковать о томъ, что дѣлать дальше.

Бабы разсѣдывали оленей, тараторили о чемъ-то безъ умолку, смѣясь и шутливо перебраниваясь другъ съ другомъ.

Мужики рѣшили: завтра пораньше надо налегкѣ идти въ село; Анна останется съ оленями здѣсь, всѣхъ оленей дальше гнать нельзя: нѣтъ корму.

Аннѣ было всего двѣнадцать лѣтъ, и когда она узнала, что ее не возьмутъ съ собою, стала кричать и плакать. Она не боялась остаться въ тайгѣ, что ей тайга? Хотѣлось ей погулять въ селѣ, побывать въ церкви и

поглядѣть, какъ попъ машетъ кадиломъ, и какъ горятъ предъ образами свѣчи. И когда мать начинаетъ ее уговаривать, она еще шибче кричитъ, капризно плачетъ и издали плюетъ во тьму, по направленію къ матери. Та ближе подходитъ къ ней и скороговоркой что-то угрожающе бормочетъ, а дѣвочка, взвизгнувъ и отбѣгая прочь, снова плюетъ, срыгаетъ по пути хвою и съ сердцемъ кидаетъ въ мать.

Мать останавливается, шипитъ въ отвѣтъ и, растягивая слова, бросаетъ:

— Га-а-а-дина...

Дѣвочка видитъ глаза и лицо матери и чувствуетъ, что нѣтъ въ нихъ злобы, что мать только притворяется злой, а сердцемъ жалѣетъ ее, Анну, маленькую, любимую свою дочь. И чуя это, Анна еще сильнѣй воетъ и визжитъ, и подступаетъ къ матери, и старается визжать какъ можно жалобнѣй, чтобъ тронуть мать. Но та непреклонна.

Опять среди тунгусской рѣчи слышится русское:

— Га-а-дина.

Анна еще разъ, теперь сердито, плюетъ и во всю силу звонко кричитъ серебрянымъ голосомъ, но тутъ отъ костра раздается грозное:

— Цыцъ!

И сразу все смолкло. Тихимъ эхо робко плаваютъ въ воздухѣ ребячьи всхлипыванія, но и они скоро стихаютъ.

* *
* *

Ночь пришла. Небо чернѣло надъ чумомъ.

Золотыя звѣзды дрожали въ вышинѣ.

Костеръ потухалъ. Собаки лѣзли къ самымъ

углямъ, свертывались клубкомъ и засыпали. Кругомъ бродили олени, отыскивая мохъ, или, утонувъ въ пушистомъ снѣгу, лежали смирно и пережевывали жвачку.

Анна долго не могла заснуть, а потомъ, среди ночи, вдругъ ее будятъ. Проснулась. Шепчетъ кто-то:

— Анна... Слышишь, Анна... Я — Богъ...
Я — русскій Богъ...

Дрожитъ, а слушать хочется...

Страшно, а такъ и слушалъ бы.

— Говори, — шепчетъ Анна.

— Ты не бойся... Ты не бойся, Анна... Гляди, сколько цвѣтовъ... Я пригону къ тебѣ всѣхъ бѣлочекъ, какія только есть на свѣтѣ... Къ тебѣ слетятся всякія птицы, красныя и желтыя, и будутъ пѣть... Я люблю тебя, Анна, моя дѣвочка...

Видитъ: свѣтъ льется откуда-то сверху, и весь чумъ въ цвѣтахъ. Тянетъ тоненькую ручку, срываетъ одинъ, другой, третій...

— А ты меня любишь, Анна?

— Я боюсь тебя, дядюшка...

А свѣтъ все ближе, ближе, и на сердце такая робость слетѣла вдругъ, что дѣвочкѣ захотѣлось плакать. И опять кто-то тормошитъ ее:

— Анна, эй, Анна!...

Просыпается. Отецъ сидитъ надъ ней, что-то приказываетъ. Въ чумѣ холодъ и мракъ, лишь угольки блестятъ золотомъ. Она смотритъ на отца и, сердито отвернувшись, плотнѣй укутывается въ парку. Когда проснулась, солнце высоко стояло, а чумъ былъ пустъ.

Вздыхнула Анна и стала разводить огонь.

II.

Въ село пришли еще засвѣтло на десяти оленяхъ. Далеко ль тутъ? Одна нюльга, да и та корыстна ли. Верстъ пятнадцать, больше не будетъ.

Ихъ было шестеро: два мужика, двѣ бабы да двое дѣтей — парень съ дѣвкой. Опять, подъ самымъ селомъ, чумъ раскинули. Въ немъ остались бабы съ ребятами, а мужики пошли къ своему «дружку», купцу Харлашкѣ, который ихъ звалъ.

Шли они прямокомъ, перелѣзали огороды и заходили въ чужіе дворы, держась прямо на бѣлую узорчатую трубу, — такъ лучше: подъ трубой, на горѣ, Харлашкинъ домъ, а по улицѣ идти — долго ль заблудиться. Тутъ не тайга, борони Богъ...

Въ одномъ дворѣ они наткнулись на мужика: лошадей поилъ:

— А-а-а... — изумленно протянулъ онъ и заулыбался всѣмъ лохматымъ лицомъ.

— Здорово, дружки... Откуда Богъ принесъ?

— Дорово, другъ, дорово... Тамъ... Тайгамъ бѣгалъ.

— Къ праздничку пришли?

— Праздникъ... Микола-батюшкѣ...

— Какой Микола... Микола прошелъ... Христово Рождество завтра...

— То ли Микола, то ли Рождество... Почемъ знать... Мы тайгамъ гуляль... Да-а-ле-е-ко...

Въ избу потащиль.

— Мы къ Харлашкѣ...

— Нѣту его, въ волость убѣжалъ...

— Ей Богъ?

— Ей Богъ.

Дверь захлопнулась, а затѣмъ, черезъ минуту, мужикъ безъ шапки, въ одной рубахѣ, вылетѣлъ на морозъ, побѣжалъ въ пригонъ, и оттуда раздался его призывной крикъ:

— Матре-о-на... Э-е-й... Бѣги скоряй: орда-а-а пришла... Бѣги-бѣги!...

Черезъ полчаса все село знало, что пришли тунгусы, и самъ Харлашка, торопливо застегивая на ходу лисій бешметъ, спѣшилъ въ домъ лохматаго мужика. Тамъ раздались вдругъ крики и ругань, потомъ вышли безъ шапокъ, пошатываясь, тунгусы, за ними купецъ. Онъ ругалъ мужика и тунгусовъ, что не къ нему первому пришли съ пушниной.

А тѣ, съ виноватымъ и испуганнымъ видомъ, вразъ говорили:

— Мой не надо виновать... Русакъ ругай... пошто вралъ, пошто путалъ... Какъ нѣту? Есть...

А купецъ, на ходу выхвативъ у растерявшихся тунгусовъ связку баранокъ, замахивался ими на стоящаго въ дверяхъ мужика и, шлепая губами, зычно ревѣлъ:

— Нѣтъ, тебѣ кренделямъ-то этимъ по башкѣ... Мои дружки... Стеррррва! а не твои... Поэтому не смѣй... — и быстро удалялся, увлекая попавшихся ему тунгусовъ.

Тотъ въ отвѣтъ всѣхъ лаялъ вдогонку тенористымъ крикомъ, и долго еще въ воздухѣ звенѣлъ его голосъ:

— Нѣтъ, врешь... Я тебѣ покажу!...

«Покажу, покажу, покажу!» — носилось въ деревнѣ, пока лохматая голова не исчезла въ избѣ: мужикъ пошелъ считать барыши.

III.

Тунгусы раза три бѣжали въ чумъ за пушшиной, били тамъ бабъ и тащили все къ купцамъ: и лисицъ, и бѣлокъ, и сохатину. Они были выпивши, но много пить воздерживались, поджидая праздника, чтобъ поблагодарить Бога за промыселъ, а потомъ начать гулянку.

Ужъ перевалило за полночь, когда ихъ, измученныхъ, утащилъ къ себѣ чуть не силой торговый человѣкъ, «Большой голова». Онъ злой былъ, ругался съ купцами пуще всѣхъ. Злой, а все таки тунгусовъ защищалъ: обзывалъ торговыхъ мошенниками и еще такъ ругалъ, что никогда и не выговоришь. Охъ, какой злой!...

Привель и дома заоралъ на свою бабу, на чужую бабу, на приказчика, на всѣхъ заоралъ:

— Живо!... Чтобы живо... Лови-бери-подхватывай!... Вина, чаю, щей...

Купецъ, дай Богъ, ласковый сдѣлался. Усадилъ, по головѣ гладить, чуть не цѣлуетъ тунгусовъ. А тѣхъ торговыхъ, и Харлашку съ Петрунькой, и лохматаго мужика, все ругаетъ разными словами.

Тунгусы сидятъ, улыбаются; самоваръ притащили, мяса притащили, вина притащили. Вотъ это хорошо. Тепло въ избѣ, и хозяинъ сталъ добрый, смѣется, по головѣ гладить, цѣловаться лѣзетъ. Вотъ это ладно...

Тунгусы распоясались: жарко, чай пьютъ, улыбаются, потомъ говорятъ:

— Когда праздникъ-батюшка? Когда колоколь стануть бухать?

— Да скоро: вотъ часокъ, другой и ударятъ...

Распрашиваетъ ихъ купецъ про бѣлокъ, хорошъ ли промыселъ былъ, про оленей, про семью, всѣ ли здоровы. Голосъ у купца ласковый, глаза ласковые, но въ глубинѣ ихъ блеститъ что-то злое, никакъ не можетъ скрыть того, что таится въ сердцѣ.

Тунгусы слушаютъ, отвѣчаютъ, жалуются на тяжелую жизнь.

И опять:

— Когда праздникъ-батюшка?... Чего колоколь молчитъ? Умеръ, что ли?..

Близокъ разсвѣтъ; купцу медлить нельзя. И онъ приступаетъ къ дѣлу.

— Бѣлки-то много у васъ осталось?

— Како осталось... Все тащилъ... Все кончалъ... Нѣту...

Лицо у купца налилось вдругъ кровью, и выкатилась ласковость изъ рѣчей и изъ глазъ.

— Сколько денег? ... Сколько грабители чистыхъ денегъ вамъ отсчитали?!

— А вотъ смотри ... Почемъ знать ... Много ... Видить купецъ — семьдесятъ рублей.

— Только-то?

Смекнулъ:

— Вотъ два креста у меня есть, золотые: ну-ка, покупайте ...

— Пошто крестъ ... Намъ не надо крестъ ... Есть крестъ: видишь, поди.

На груди у тунгусовъ были огромные, на толстыхъ цѣляхъ, серебранные кресты.

— Тоись, какъ не надо? — спросилъ угрожающе купецъ. — Тоись, какъ такъ? ... А? ... — и поднялся.

— У насъ, другъ, есть крестъ ...

— Тоись — какъ есть ... Эти-то? Да васъ кто крестилъ?

— Мишка, приказчикъ Валькинъ ... Маленько ...

— Попъ чей? ...

— Нѣтъ попъ ... Мишка, приказчикъ ...

— Дураки! ... Еще какіе дураки-то! ...

Торговый секунду подумалъ и заоралъ:

— Степанъ! ... Живо прорубь долби въ рѣкѣ: орду крестить по-своему, по-настоящему, будемъ ... Ха! ... Ха! ...

Одно зло въ глазахъ купца осталось, багровый стоять, кулаки сжалъ ...

Приказчикъ смотреть, недоумѣваетъ, но, поймавъ въ лицѣ хозяина нужное, бѣжитъ проворно на улицу.

Тунгусы присмирѣли, губы затряслись; блѣдные, сидятъ и не знаютъ какъ быть.

А тотъ оретъ:

— Берешь, или не берешь!? ... Берешь, или не берешь!?

И тонкими, чужими голосами отвѣчаютъ сначала старикъ, за нимъ молодой:

— Ну, ладно ... можно брать ... Давай, другъ, давай ...

И сквозь слезы:

— Крестить не дѣлай ... Рѣка тунгусъ боится ... Вѣра такой ... Борони Богъ, какъ ... Пожалуйста, не дѣлай ...

Купецъ молчитъ, деньги прячетъ въ карманъ, кресты мѣдные надѣлъ имъ.

— А еще деньги есть?

— Помаленьку, бое¹, помаленьку есть ...

— Сколько?! ...

— Какъ знать ... Помаленьку есть ... Одинъ Богъ знать ...

Старикъ робко приподнялся и, незамѣтно тронувъ молодого, тихо, почти шопотомъ сказалъ купцу:

— Я только на часъ, бое ... На ворота ... Не долго приду, бое ... Приду ... Вѣрно ...

А за нимъ молодой:

— Только на часъ, бое ... Шибко брюхо схватилъ съ вина ... Помаленьку ...

И, выйдя на улицу, оба припустились къ тайгѣ, по прежнему перелѣзая огороды и заходя въ чужіе дворы.

¹ Обращеніе: парень, товарищъ, другъ, господинъ.

IV.

Стали выючить оленей, разсыпая въ «потокуи»² покупки: ящикъ изъѣденныхъ мышами пряниковъ, зачѣмъ имъ пряники? Старые окаменѣлые баранки, зачѣмъ они? Муку, бисеръ, ленты, ситецъ, сколько-то сукна краснаго, сколько-то сукна желтаго, кусокъ сахару и всякаго хлама, ненужнаго, бросоваго, безъ чего всегда обходился тунгусъ. А вотъ чаю мало дали, сахару мало дали, пороху мало дали... Это плохо... Свинцу совсѣмъ не дали. Это больно худо... Охъ, какъ худо... Чѣмъ бѣлку бить, чѣмъ сохатаго бить...

Бабы выючатъ, брюзжатъ, бранятъ мужиковъ, оленей пинаютъ со злости, а мужики возлѣ огнища сидятъ, трубки курятъ и боятся глядѣть другъ другу въ глаза. Сидятъ и вздыхаютъ, крадучись.

— Отырканъ, тащи вина!... — вдругъ крикнулъ старикъ женѣ.

— Самъ тащи... Много дали тебѣ вина... Гдѣ твои бѣлки, гдѣ твои лисицы. Ахъ, старикъ, старикъ... Дуракъ ты, худой дуракъ!...

Старикъ принимаетъ упрекъ молча, потомъ говорить:

— Плуты! мошенники!... Все тащилъ, ничего не давалъ, — и никнетъ головой.

² Берестяныя, крытыя оленей кожей сумы.

Затѣмъ, повернувшись къ селу, кричитъ рѣзкимъ, со слезами, голосомъ:

— Я не къ тебѣ пришелъ, я праздникъ пришелъ, я Микола-батюшкѣ пришелъ!! А ты, плутъ, обижалъ... Ну, ладно...

Въ это время ударилъ колоколъ.

Воздухъ вздрогнулъ, и тягучіе металлическіе звуки поплыли отъ села къ тайгѣ, летѣли дальше въ глубь лѣса, туда, гдѣ живутъ бѣлки, горностаи, лисицы, гдѣ спятъ чуткимъ сномъ медвѣди, гдѣ Анна, маленькая дѣвочка, ждетъ своихъ съ подарками и радостными вѣстями. Спитъ, поди? Да, спитъ: время глухое.

Всѣ вмигъ затихли, мужики и бабы положили въ мѣшечки трубки, стояли молча, не шевелясь и, разиня рты, слушали благовѣстъ.

Тихо снѣгъ падалъ, и брезжилъ разсвѣтъ.

— Пойдемте молиться-то? — робко сказала старая Отырканъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ спокойнымъ голосомъ.

— Вѣдь, поди, праздникъ...

— Нѣтъ, все равно, нѣтъ... Мошенники!... Убьютъ...

V.

Немного помедля, тронулись въ обратный путь.

Звенѣли мѣдные боталы у оленей, галопомъ скакали оленята, отыскивая своихъ матерей, и по тайгѣ носилось тунгусское понуканіе:

— Мо-о-до!... Мод-мод-модь!...

Старикъ ѣхалъ сначала впереди, а Чумго сзади. Онъ хотѣлъ отвести съ Чумго душу, поговорить съ нимъ, высказать свое горе. Разсчитывалъ сказать ему: «Бойе, вотъ обобрали насъ, это плохо, бойе... Ой, какъ плохо».

Но когда увидалъ, подѣхавъ вплотную, широкую согнутую спину товарища и понуро опущенную голову, сказалъ совсѣмъ не то, что думалъ:

— Ты бы, Чумго, пожалѣлъ учуга¹, ишь хромаеть: слѣзь.

Хотѣлъ пересилить себя и сказать нужное, но не было у него теперь словъ: уста сомкнула обида, ныла грудь, и въ головѣ ходилъ зеленый угарь.

А Чумго, не слыша его, ѣхалъ дальше, вздрагивая плечами и закрывъ лицо лохматой рукавицей.

¹ Верховой (подъ сѣдломъ) олень.

Но вдругъ, вмѣстѣ съ гулкимъ благовѣстомъ кто-то стукнулся старику въ сердце, въ душѣ вспыхнула зарницей искра, и ему неотразимо захотѣлось вернуться въ село, пойти въ церковь, упасть предъ «Николой-батьюшкой» на колѣни и рассказать громкимъ голосомъ все, какъ было, нажаловаться ему при народѣ, пусть слушаютъ — на всѣхъ плутовъ и мошенниковъ, на Петруньку съ Харлашкой, и на Большого голову, и на всѣхъ, кто всю жизнь дѣлалъ ему зло... «По какому праву... Эй, по какому праву!»

И сердцу сдѣлалось сразу такъ больно, что старикъ чуть не крикнулъ на весь Божій свѣтъ.

Но въ это время начался радостный трезвонъ во всѣ колокола. Тайга шумѣла вершинами, и звуки перезвона то были близко, рядомъ, ласково просились въ душу, то замирали въ шопотъ лѣса и казались далекими и чужими.

Опять всѣ, будто по уговору, остановились, опять стали прислушиваться къ переливчатымъ, весело порхавшимъ по тайгѣ звукамъ и стали креститься трясущимися руками.

Постояли, вздохнули молча, и молча двинулись въ путь...

Старикъ ѣхалъ теперь сзади и, опустивъ низко голову, думалъ о томъ, что есть великій русскій Богъ, свѣтлый и милостивый. Но зачѣмъ Онъ такъ далеко живетъ. На солнцѣ, что ли? Зачѣмъ Онъ даетъ обижать тунгусовъ? Развѣ не видно Ему сверху? Али жертвой не доволенъ остался? Можно еще больше дать «прикладъ». Возьми, только въ обиду не давай...

— Пожалуйста, возьми, русскій Богъ, пожалуйста, возьми... Двадцать дней шель, бабу тащилъ, ребятъ

тащиль, товарища тащиль, оленей мучаль... Пожа-
луйста, давай защиту...

Обида вдругъ всплыла наверхъ, и старикъ запла-
каль, лицо сморщилось, скривился ротъ, закапали слезы.

Взглянулъ на небо... Но тамъ звѣздъ не было.

1912 г. Январь.

ВАНЬКА ХЛЮСТЬ.

I.

Угрюмая, необъятная, страхи таящая въ себѣ, тайга дремала.

Гдѣ-то, за далекой горой еще блуждалъ лучъ солнца, а тьма ужъ проснулась въ трущобахъ, поползла неслышно изъ берлогъ, распласталась по влажному сѣдому мху, нетерпѣливо дожидаясь, пока погаснутъ жемчужныя облака. Тишина была чуткая такая, выжидающая.

«Гу-гу-у... Хо-хо-хо!»

Вздрогнула тайга, насторожилась. Но меркли вверху облака, приподнималась тьма выше, баюкала тайгу и навѣвала ей сны. Дремала тайга. Еще не успѣли окрѣпнуть робкіе и неувѣренныя огоньки звѣздъ, а тайга до краевъ ужъ захлебнулась тьмою, хлынувшей къ померкшимъ небесамъ.

Тайга заснула.

* * *

Кто-то ходить во тьмѣ. Смѣется тихо. Тамъ, на пригорочкѣ, большой костеръ горитъ. А возлѣ него — двое.

Костеръ тихо потрескиваетъ, и языки пламени задорно и весело лижутъ тьму.

Дѣдъ Григорій, — восемьдесятъ лѣтъ скоро, —

кряхтитъ у костра, грѣется: износила съ годами кровь, похолодѣла. Лицо у него грубое, съ лохматой бѣлой бородой, но въ глазахъ блеститъ что-то такое хорошее, теплое, — словно поманилъ его Могущій въ иной міръ, умудрилъ его жизнью и открылъ невѣдомыя, простыя и великія тайны. Хмуритъ густыя брови, а на устахъ радость. Въ глазахъ небеса, а душа все еще по землѣ ползаетъ.

Говоритъ дѣдъ медленно, густымъ и хриплымъ голосомъ, и въ его разсказѣ всегда смѣшокъ слышится, — старикъ веселый.

Еще у костра, притулившись къ дѣду, сидитъ внукъ его — хорошій, лѣтъ шести, паренекъ Тимша.

Да еще двѣ собачки: Жучка съ Вѣрнымъ. Жучка молоденькая, какъ смола черная, юлитъ возлѣ Вѣрнаго. Вѣрный лежитъ смирно, морду на лапы положилъ, и умными глазами смотритъ въ лицо дѣда... Когда дѣдъ веселъ, и песъ веселъ, но чуть затоскуетъ старикъ, вздохнетъ и Вѣрный.

Тимша съ бѣлыми, въ скобу подрубленными волосами, остроносенькій, съ живыми сѣрыми глазенками, и когда смѣется, глаза превращаются въ узенькія щелки съ лучистыми, какъ у старика, морщинками. На видъ онъ щупленькій, блѣдный. Сидитъ съежившись, посматриваетъ на дѣда, чего-то ждетъ. Тотъ гладитъ его большой корявой лапой по шапкѣ и ласково говоритъ:

— Охъ, и лютой же ты, Тимша, сказки слушать...

Мальчонка ерзаетъ радостно и настораживается.

— А ты, дѣдушка, ну-ка скажи, слышь, про тигру-то...

— Хе-хе... Эвона-чо... Ну — ладно, коли такъ...

Дѣдъ толкаетъ въ костеръ смоляной пень, огонь жадно набрасывается на новую пищу и стрижетъ ее неугомонно острыми ножами своихъ языковъ.

— Дыкъ про тигру?.. Ладно-о-о...

Дѣдъ много знаетъ забавныхъ рассказовъ, ласково-грубыхъ, по таежному красивыхъ: весь свой вѣкъ въ тайгѣ прожилъ, но сейчасъ нарочно медлитъ, посматривая ссыска на внука, а тотъ весь нетерпѣніемъ пышетъ, какъ струна вытянулся слухомъ, ждетъ...

— Забѣжала разъ къ намъ тигра изъ Монголіи. Это лѣтъ съ пятьдесятъ тому, какъ не болѣ. Три волости, парнище, сбили, чтобы, значить, препону ей положить. Вотъ ладно. Окружили мы ее, чорта, а она промежъ насъ такъ вотъ и сигать, такъ вотъ тебѣ и сигать...

— Сигать?..

— У-у-у... Какъ молянья... Одному по рылѣ хвостомъ съѣздила, сразу салазки на сторону своротила... Вотъ, братъ, кака силища... Звѣрюга самая душевредная...

Тимша слушаетъ разиня ротъ и вытараща глаза отъ удивленія, а дѣдъ улыбается и хриплымъ басомъ говоритъ дальше.

И когда дѣдъ, увлекаясь, хватается черезъ край, испуганное лицо Тимши вдругъ покрывается смѣхомъ, и онъ, фыркая въ рукавъ, машетъ на дѣда рукой и вскрикиваетъ:

— Ври-ка больше...

Тогда дѣдъ на полусловѣ смолкаетъ, зло смотреть на внука, а потомъ нахлобучиваетъ ему проворно по самыя уши шапку, и оба вразъ заливаются смѣхомъ...

Въ темнотѣ, направо, то всхлипыая, то пересмѣхая кого-то, гуторить тихо таежная рѣчка: хоть поздно, — давно спустился съ неба сумракъ, — а сонъ не беретъ ее...

И вдругъ, тамъ раздалась пѣсня... Высокій голосъ, весь тоска и слезы, жаловался на что-то звѣздамъ, укорялъ кого-то... Это — Ванька Хлюсть, бродяга, что вчера присталъ къ дѣлу, какъ затерявшаяся собачонка.

Но вотъ послышался хрустъ валежника, шорохъ вѣтвей, все ближе да ближе: то Ванька Хлюсть продирается сквозь заросль тайги... Вотъ вынырнулъ: не идетъ, а скачетъ торопливо, подпираясь толстымъ батогомъ. Свѣтъ костра хлынулъ ему навстрѣчу, и въ трепетныхъ лучахъ видно было, какъ Ванька, прискакивая, волочить правую ногу.

— Ну, паря, и мастерица же ты пѣсни пѣть, — сказалъ Григорій, — за самое ты меня сердце взялъ...

— Это мы можемъ, — откликнулся Ванька, щуря отъ свѣта глаза, и подалъ дѣду котелокъ.

— Настораживай-ка, благословясь, къ огоньку: щерба знаменитая должна вытти...

Лицо у бродяги большое, корявое, ни усовъ, ни бороды нѣтъ, доброе, а изъ сѣрыхъ печальныхъ глазъ вдругъ веселье брызнетъ, удалъ какая-то... Расцвѣтетъ ненадолго улыбка и завянетъ; огоньки лукавые заиграютъ въ глазахъ, смѣхомъ заискрятся, но грусть вмигъ погаситъ ихъ и покроетъ лицо кручиной.

— Ну, калѣка ты моя, калѣка Божія... садись-ка во тутъ, умаялся, поди, сердешный... — участливо говорить старикъ...

Жучка вскочила, ластится; Вѣрный подошелъ — обнюхалъ и, рѣшивъ, что человѣкъ надежный, легъ.

Ноги у Ваньки культяпыя, сухія, въ бродни обу-ты... Эхъ, и руки же у парня — безпалыя, только на правой — большой палецъ торчитъ, да и тотъ безъ ногтя... Лѣвая рука въ локтѣ перевязана грязной тряпицей и веревками обмотана...

— Ну, што, не легче рукъ-то? — спросилъ дѣдъ.

Ванька глядитъ на него, — лицо печальное, — и нехотя говоритъ:

— Да што... ишь отгнила совсѣмъ. Развѣ это рука?.. Одно званіе, что рука, мѣшаетъ только, одна видимость. Весь суставъ въ локтю порѣшился, все головой погнило... На однѣхъ жилахъ, да вотъ еще на веревкахъ держится. Вотъ размотаю сбрую-то, да какъ шаркну по дереву — и отлетитъ къ чертовой матери... Охъ, горе-горе...

Ванька одернулъ свою синюю, съ бѣлыми разводами, рубаху и почесалъ культяпкой длинную худую шею.

— Лѣтъ пять вотъ такъ... Въ Смоленскомъ селѣ легъ въ больницу — тамъ докторъ пальцы рѣзалъ мнѣ, девять штукъ напрочь откатилъ, не усыплялъ, ничего... Рѣжетъ, а я смотрю... «Ну, и крѣпокъ, говорить, крестникъ» — крестникомъ меня своимъ назвалъ — «терплѣня, говорить, въ тебѣ множество». «Отнимите, говорю, и руку-то заодно». — «Нѣтъ, говорить, рука пройдетъ, лежи». Лежалъ я, лежалъ, а и раночка-то вся шиломъ чкнуть. Потомъ докторъ говоритъ: «Ну, братъ, крестникъ, рука твоя такъ что неизлѣчима... Шабашъ, братъ»... Я опять: «Отрѣжьте, Христа ради». — «Не могу, перація трудная...

Катай, какъ не то, въ городъ»... Ха-ха... Въ городъ... Да нешто у насъ, въ тайгѣ, до городу-то доскачешь... Чу-у-дакъ человѣкъ... Въ городъ!.. Пошелъ я прямо въ тайгу... Пришелъ, палъ на колѣни, реву: матушка — напитаи, матушка — укрой... Не выдавай, тайга-кормилица, круглую сироту Хлюста Ваньку. Говорю такъ, а слезы ручьемъ-ручьемъ, — торнулся носомъ въ мохъ, лежу, вою... И словно бы, кто шепнулъ мнѣ ласково, быдто приглубилъ меня... Не вижу, дѣдушка, а чувствую — стоитъ возлѣ меня кто-то, утѣшаетъ, — и башку отъ земли отодрать не смѣю. Слышу только, какъ въ грудяхъ радость ходуномъ заходила, быдто вода весной. Засіялъ я весь, приподнялся... Гляжу:: бурундучишка стоитъ у кедра на заднихъ лапкахъ, смотритъ на меня глазенками, а самъ посвистываетъ. Захохоталъ я тутъ радостно, грожу ему: ахъ, ты, такой сякой, бурундучекъ ты этакій, милый мой... А онъ смотритъ на меня бисеромъ, да знай посвистываетъ... Э-эхъ!.. И вдругъ не стало во мнѣ, дѣдушка, ни печали, ничего земного прочаго...

— А красно же говоришь ты, Ванюха...

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка... Вѣдь, башка-то у меня умная, вотъ только досталась-то она дураку, — хы-ы... Въ тайгѣ, братъ, всему научишься...

— Нау-учишься... — недовѣрчиво кряхтитъ Григорій. — Гдѣ тутъ научишься-то, съ кѣмъ?.. Съ медвѣдемъ, рази?

— И съ нимъ... Я, отецъ, ранѣ-то такъ жилъ: вотъ забреду на заимку какую, выпрошу хлѣбца Христа ради да чайку, и айда... Заберешься куда-нибудь въ отдаленье, на рѣчонку, и живешь тамъ, какъ вое-

вода: морды плетешь для рыбы, пѣсни поешь. А чортъ ли. Мнѣ ранѣ-то весело жилось, ни о чемъ не думалось... И разговоры разговариваешь въ тайгѣ съ кѣмъ придется: человѣка встрѣтишь — съ человѣкомъ, бѣлка на сучкѣ сидитъ — съ ней... Нѣтъ никого — съ деревомъ: и дерево, братъ, выслушать да понять можеть. А то съ тучкой, либо съ мѣсяцемъ. Орешь ему: ей, мѣсяцъ, батюшка! Вскочишь, подопреешься костылемъ, машешь рукой да орешь...

Замолкъ Ванька и опять тихо стало... Только костерь гуторилъ, да надъ прогалиной, трепетно и робко мерцая, звѣзды караулили ночь... Къ нимъ, къ звѣздамъ далекимъ, вспорхнулъ Ванька мыслью.

Но дѣдъ тутъ же стащилъ его на землю:

— А ты бы, паря, шелъ къ намъ на заимку, тебѣ бы бабка руку-то попользовала... Охъ, и знатецъ старуха... Мало ли есть какихъ средствѣвъ... Эво-на со мной случай какой произошелъ, слушай-ка. Была одна красивая-раскрасивая дѣвка, постоянный дворъ на пріискахъ содерживала, только одна нога деревянная... Съ деревяшкой, а вольная была. Пришли какъ-то, въ разъ угадали, три мужа — ейные дружки, значить. Она видитъ, что съ тремя-то не разсчитаться, шастъ въ сѣнцы, а тамъ на полкѣ стряхнинъ стоялъ, волковъ травить, она возьми да и выпей. А я въ та поры парнемъ былъ, работникомъ жилъ у ней. Слышимъ, что-то схлопало... Прибѣжали, вотъ такъ разъ! Лежитъ дѣвка, хрипитъ, почернѣла и деревяшкой вертитъ.

— Вертитъ?..

— Верти-и-ить... Страсти...

— Ха!.. Лловко, — хмуро вставилъ Ванька.

— Ну, ладно... А тутъ у насъ на шесткѣ масло разогрѣтое коровье было, мы ей и вбѣкали. Ротъ-отъ разщеперили да огромный ключище межъ зубовъ отъ кладовой вставили, да и лили масло-то. Польемъ — польемъ, да подыдемъ на дыбы, да встряхнемъ... А потомъ на доску положили дѣваху-то, да въ горячую печь и вбухали. И чтобъ ты думалъ? Вѣдь ожила, шельма, оклемалась... Вишь, какія средствая оказались... Вотъ оно што... А руку и подавно наладить можно... Кого тутъ!

Дѣдъ крикнулъ и исподлобья посмотрѣлъ на Ваньку.

— А и веселый же ты, дай Богъ, дѣдъ, ласковый...

— Хо-хо... Я-то?... Я, братъ, ничего, мастакъ на эти штуки... Артельный человѣкъ... Бывало чего-нинабудь сколоколишь смѣшное, вотъ и смѣхъ... А гдѣ смѣхъ, тамъ грѣха меньше, злобы... А вотъ еще со мной случай былъ, почище стряхнину... Въ аптекѣ я служилъ сторожемъ да замѣсто микстуры — просто попробовать хотѣлъ, побаловаться: сладкія другой разъ бываютъ — взялъ да, не разобравши дѣла, сѣрной кислоты ложку и царапнулъ... Дыкъ у меня, хошь вѣрь, хошь нѣтъ, вотъ тебѣ Христось, вотъ... какъ у окаяннаго, изо рта и изъ носу дымъ повалилъ!..

Ванька ухмыльнулся, заерзалъ по землѣ и звонкимъ голосомъ сказалъ:

— Ну, и развеселый же у тебя, дѣдъ, карахтеръ...

II.

Дѣдъ топчется у костра, хворость въ огонь подбрасываетъ, котелокъ съ ухой настораживаетъ и думаетъ: вотъ его, старика древняго, третьеводнись послалъ сынъ на сосѣднюю заимку, верстъ за пятьдесятъ, — чтобы самому слетать, такъ нѣтъ! — просить коновала добыть для жеребчика. Тимшу взялъ, все поваднѣй. Сѣли въ лодочку да благословясь и поплыли. А вечеръ, солнышко ужъ за лѣсъ падало, — въ тайгѣ дни короткіе, — глядь поглядъ: человѣкъ на берегу сидитъ, да таково ли жалобно поетъ пѣсни, и дымокъ возлѣ него вьется... Подъѣхали. Кто таковъ? Человѣкъ... Вижу, что не полѣно... Откедова? Бродяжка, Ванька Хлюстъ... Возьми, говоришь, дѣдушка, ради Господа... По народу, по слову человѣчьему я затосковался.

Суетится дѣдъ у костра, думаетъ, любовно посматриваетъ на бродяжку и говорить:

— Расскажи-ка, братъ, сдѣлай милость, какъ ты, не въ огорченье будь сказано, изувѣчился-то?..

Ванька медлилъ. Онъ снялъ шапку, съ ожесточеніемъ единственнымъ пальцемъ поскребъ кудрявую голову и, вздохнувъ, поглядѣлъ на дѣда измученными глазами...

— Такъ сказывать?

— Сыпь, пока уха прѣветъ... — отвѣтилъ тотъ.

— Поморозился я лѣтъ пять тому, а всего мнѣ будетъ безъ трехъ годовъ тридцать... Расскажу я тебѣ, дѣдушка родимый, всю жизнь. Не затоскуй только: жизнь моя не веселая...

Ванька сѣлъ поудобнѣе, кашлянулъ и тихо началъ:

— Родился я отъ своихъ родителей: отъ дѣвки да отъ солдата. Мамыньку сердешную схоронилъ нонѣ, а батъка живъ. Ну, ладно. Росъ я не какъ всѣ другіе прочіе, законные которые, а такъ... Самъ знаешь: прибудышь, такъ оно прибудышь и есть, какъ баранъ шелудивый... Ну, и озорнымъ же я парнишкой былъ, надо правду сказать... Первѣющимъ пакостникомъ меня считали, по всей округѣ наслыхахъ былъ... Одно слово — Ванька Хлюстъ! Стекла ли попу высадить, дубиной ли кого изъ-за угла огрѣть — это я... Подрастать зачалъ, дѣвокъ сталъ забижать, и не то чтобы пакостно, а такъ, гля антирису больше: зубы стиснешь, налетишь, разъ по уху! а самъ заливаешься, хохочешь, словно тебѣ въ душу-то мохнатый съ хвостикомъ залѣзъ... И никакой во мнѣ жалости не было къ человѣку... Пуще же всѣхъ ненавидѣлъ я батъку... Охъ, и звѣрь, охъ, и аспидъ родитель-то мой, прямо ресторантъ...

У Ваньки въ глазахъ огоньки замелькали, а голосъ трещину далъ:

— Вѣдь, онъ, идолъ, въ гробъ вогналъ мамыньку-то... А что мнѣ выволочекъ было, мордобоею этого самага, не есть числа: онъ и голодомъ-то меня моришь, и на морозъ-то въ одной рубашенкѣ выкидывалъ... Вотъ, погляди-ко-сь, башка-то у меня проломана мѣстахъ въ трехъ... А мамынька-то... А мамынька...

Ванька отвернулся отъ дѣда, засопѣлъ, въ землю уставился, шепчетъ:

— Покойна твоя головушка... Привѣчный тебѣ покой.

Руку занесъ, перекреститься хотѣлъ.

— Вотъ, ишь... Ну, чѣмъ я крестъ положу? Кулакомъ, что ли? Культяпкой?..

— Ему, Батюшкѣ, все единственно, — замѣтилъ дѣдъ, — хошь рукой, хошь ногой... Была бы душа настоящая...

— Душа?! — вскрикнулъ Ванька, — вотъ то-то и дѣло, что душа...

Тимша съ собаками у костра возился: всѣ трое катались клубкомъ по землѣ. Тимша, лежа на животѣ, по-собачьи влаивалъ, а Жучка съ Вѣрнымъ притворно урчали и, насѣдая на Тимшу, старательно теревали надѣтую на немъ мамкину кофту.

— Ну, дыкъ чо далѣ-то? — обратился Григорій къ Ванькѣ. — Карахтеръ-то у тебя, это вѣрно, съ загогулиной...

— Карахтеръ-то?... Не озлобляй!.. Я человѣкъ не злой, я нраву веселаго: ишь — ни рукъ ни ногъ, а сердце-то у меня ласковое... Да-а.

Ванька задумался. Но вдругъ на лицѣ затеплилась радость, улыбнулся бродяга, подбодрился:

— А гармонь у меня была первый сортъ; мамынька, дай Богъ, сгношила, да самъ въ пастухахъ жилъ, сколотилъ деньжонокъ, и пѣсенникъ былъ я отмѣнный.

Ванька окрѣпъ голосомъ:

— И такъ я, дѣдъ, на этой самой гармонѣ игралъ, что ахъ! Идешь, бывало, по улкѣ съ ребятами, о праздникѣ, да какъ разыграешь на всѣхъ переборахъ —

эхъ ты но... Дуй, не стой!.. Дыкъ не то что дѣвки, али бабы молодая — старухи-то и тѣ изъ-за печекъ, какъ тараканы, выползуть, да къ окнамъ прильнуть, чтобъ Ваньку Хлюста передъ смерточкой на послѣдяхъ послушаты... Во какъ! Не вѣришь?.. Ей Богъ... Господинъ баринъ какъ-то былъ у насъ изъ Питера, анжинеръ, значить, насчетъ пріисковъ пріѣзжалъ, развѣдку дѣлать... Хошь, говоритъ, Иванъ, въ столицю? Знатнѣющій музыкантъ, говоритъ, изъ тебя должонъ вытти... Подучить, говоритъ, тебя мало-мало... Пальцы-то золотые, говоритъ, у тебя... Цѣны нѣтъ твоимъ пальцамъ-то... Эхо-хо-о...

— Ну, такъ вотъ, — сказалъ, чуть помолчавъ, Ванька, — такъ оно и шло колесомъ покедова не выросъ, а какъ сталъ парнемъ, поступилъ я, отецъ, въ ямщики на трахтъ... Бывало, какъ выѣдешь въ ночку лѣтнюю, да какъ гаркнешь: «Соколики, грабятъ»... — вотъ и рвануть — рвануть тады лошаденки, дорога лугомъ, что скатерть гладкая; несешься — въ ушахъ вѣтеръ поетъ, ничимъ чего тебѣ не видно, словно валишься въ пропасть какую... На звѣзды взглянешь, а онѣ за тобой слѣдомъ катятся... И была тамъ у меня, на селѣ, зазноба, кабатчика нашего дочка—Дунюшка...

Ванька насупился, вздохнулъ, и, ковыряя костылемъ землю, прошепталъ:

— Нѣтъ, лучше ужъ не ворошить... Чево тутъ...

Дѣдъ крикнулъ, боднулъ лохматой головой и сказалъ, пристально поглядѣвъ на бродягу:

— Не ты ль, Ванюха, въ прошломъ году у Петрована Безденежныхъ на заимкѣ жилъ? Всю зиму быдто бы?

— Я... А что?..

— Да такъ... Сказываль Петрованъ: чево-й-то скучаль ты шибко... — и не дождавшись отвѣта, добавилъ: — это, братъ, плохо, соколикъ, ежели скучать... Укрѣпиться надо... Мало ль чего въ жисти случается... Ну, это я такъ, промежду прочимъ... Сыпь далѣ-то, какъ лапы-то ознобилъ, сказывай...

— А это, вишь ли, какимъ манеромъ дѣло-то вышло. Послѣ Покрова вскорости — ни зима, ни осень, а такъ, середка на половинѣ, хозяинъ мой, ямщину содерживаль, — изъ дому отлучился въ городъ, одинъ я остался. Вотъ ладно... Только что я пріѣхаль съ трахту, заколѣль, какъ анаѳема, сижу, отогрѣваюсь, въ хомутецкой на печкѣ — ночь темная и буранъ начинается, а теплынь стоитъ. Вдругъ изъ земской сотскій приѣзжаетъ: «Живо, гритъ, лошадей: лѣшакъ по па принесъ... Попъ ореть, ямщика къ себѣ требуетъ... Да попъ-отъ не одинъ, слышь, а съ бабой какой-то». А я зналъ, что у попа чередовскаго синпатія есть, родня не родня, а такъ, съ боку припека, пришей кобылѣ хвостъ, можно сказать... Ну, ладно... Хошь не хочется идти, а куда дѣваться — пошелъ... Въ бродняхъ грязныхъ прямо вверхъ лѣзу... А мнѣ что?!.. Еще докладаться, да внизу ждать?.. Наплевать можно, съ мужика спрость коротокъ: пружу прямо вверхъ... Вошелъ въ горницу, помолился. Попъ одинъ сидитъ, здоровенный, красный, сурьезный, знакомый попъ... Народъ, признаться, не шибко же его долюбиваль, не уважалъ... Крутой попъ былъ, ка-рахтерный, да и дралъ съ живого — мертвого просто ужаста какъ...

— У попа жисть хороша, — перебилъ дѣдъ, — помереть — не уйдетъ, и родится — годится. Ххе...

— Это самое... — ухмыльнулся Ванька, — Ну, дыкъ вотъ... Перекрестился это я на отмашь, — «Здравія желаю, говорю, батюшка». — «Лошадей». — «Никакъ не возможно», говорю. — «Ахъ, ты, сукинъ сынъ». — «Никакъ нѣтъ, батюшка, — отвѣчаю вдругорядъ, — я вашъ сынъ, а не сукинъ, потому какъ вы нашъ отецъ духовный... Ежели, говорю, отецъ духовный такой вопросъ обозначаетъ, то чего жъ родному-то отцу остается дѣлать? Одно: взять оглоблю, да оглоблей-то по темю». — Слово за слово, ну, только што онъ меня козырнулъ словцомъ однимъ удивительнымъ, вижу дѣло плохо, говорю ему: «Ежели, говорю, усердіе въ васъ такое есть, чтобы ѣхать, то я коней сготовлю, но безъ обиняковъ вамъ скажу, загинуть въ пути можемъ за милую душу». — «Не твое дѣло!» — «Ну, въ такомъ разѣ, я живчикомъ... Позвольте васъ съ папиросочкой поздравить». Обмякъ попъ, далъ папиросочку, улыбается. Ладно... Пригналъ я лошадей, самыхъ отчаянныхъ, тройку... Выходитъ попъ въ шубѣ енотовой, кушакомъ весь запоясанъ, отъ горла да вокругъ пузы, — ну, а у меня, самъ знаешь, шебуръ мужичій трижды черезъ нитку проклятъ, чрезъ двѣ — окаянный, да верхонки¹ мокрыя — вотъ и вся аммуниція...

— Кругомъ шестнадцать, — вставилъ, крикнувъ, дѣдъ.

— Хы-ы... Въ родѣ этого... «Отойди-ко-сь къ сторонкѣ», — попъ-отъ говорить... Отошелъ я, а самъ глазомъ этакъ покашиваюсь; гляжу: попъ госпожу на дно положилъ въ кошевку, самъ легъ, кочмой

¹ Кожаная руковицы.

накрылись. «Готово, кричить, садись, ямщикъ». По-
благословился про себя, сѣлъ. Поѣхали... Вѣтерокъ
дулъ маленькій, помню, утихъ буранъ-то, а выѣхали за
деревню, вѣтеръ крѣпчать зачалъ, и буранъ сталъ
опять разгуливаться. Верстъ пять отбѣжали — вдругъ
буранъ кэ-экъ ахнетъ! Какъ застонетъ все кру-
гомъ. Ну, думаю, плохо мое дѣло. А со мной на
облучкѣ еще мужичекъ увязался, попечитель школы
одной сельской. Тоже навродѣ меня одѣтъ — рыбій
мѣхъ, бобровый верхъ — сидимъ, трясемся оба. Что
дѣлать? А буранъ все пуще да пуще. Словно моло-
комъ все залито, у коней — скажи на милость, даже
головъ не видно. Снѣгомъ имъ всѣ глаза залѣпило,
они и стали. «Нн-у!»... — Стоять... «Малютки,
грабятъ!»... Кэ-экъ шарахнетъ тройка!.. Я вверхъ
ногамъ, попечитель вверхъ ногамъ — бухъ на попа съ
попадѣй оба, корячимся въ кошевкѣ, тпрукаемъ: я
тпрукаю, попечитель тпрукаетъ. А попъ выста-
вилъ изъ-подъ кочмы бороду да какъ началъ
меня козырять всячески. А я ему на опакишь...
Онъ мнѣ слово, я ему десять. Потому осерчалъ...
Кони несутъ, дорога ухабная, иначе я уцѣпился пла-
стомъ, къ облучку царапаюсь, а попечителя, какъ кулъ
съ мукой, на ухабахъ подбрасываетъ: то на голову оды-
бить, то пятки къ бородѣ подворотить... Смѣхи...
А буранище такъ вотъ и крутитъ, прямо съ огня рветъ,
по рождѣ снѣгомъ, какъ бичомъ хлещетъ, насквозь про-
хватываетъ, ажъ дышать нечѣмъ... Глядимъ — ого-
некъ. Мы туда цѣлиной поѣхали было. Пропалъ
огонь, точно его кто слопалъ... Ахъ, ты Господи!
Ровно бы и жилью-то тутъ быть не надо. Сбились мы
совсѣмъ съ дороги... А буранъ такъ разбушевался,

что надо бы пуще, да некуда, ревмя-реветь все кругомъ на разные лады. Жуть... Зачали мы съ попечителемъ дорогу искать: привяжешь возжи къ санямъ, да по возжѣ-то и ходишь во всѣ стороны... А то, чего добраго, отойдешь сажень на десять да и къ лошадамъ не вернешься. Кружились, кружились — нѣтъ дороги... «Батюшка, а мы съ дороги-то сбились»... «А ты ищи... ишь, ты». — «Самъ поди-ко поищи: ты въ енокѣ, а я замѣсто тебя подъ кочму-то прилягу»...

— Подъ кочму?... Ххе... — подмигнуль Ванькѣ дѣдь.

— Дыкъ какъ же... Знамо... Ну, ладно. Какъ обозначилъ я это, попъ и замолчалъ. А тутъ, братецъ ты мой, стало пристывать, морозомъ здорово прихватывать зачало. Ну, думаемъ, карачунъ пришелъ, терплѣнья нашего не стало... Глядимъ — стогъ... Мы туда. Отгребли кой какъ снѣгъ, сѣно маленько разрыли, сѣли за вѣтромъ. А буранище такъ вотъ и садить, знатъ надвигать, того гляди стогъ опрокинетъ. Я присѣлъ на корточки, замаялся... Сколь просидѣлъ такъ, не знаю. Гляжу: мѣсяцъ восходитъ изъ-за лѣса, и звѣзды въ небушкѣ загорѣлись. Потомъ, на вотъ те... вдругъ соловьи защелкали и такимъ быдто тепломъ повѣяло отъ кустовъ зеленыхъ, да отъ поля. Что за притча?... Всталъ, оглянулся — вѣрно: ночка лѣтняя, соловьи поютъ, свѣжимъ сѣномъ пахнетъ... А буранъ-то гдѣ?... А попъ-то гдѣ?... Стою, улыбаюсь... Глядь-поглядь: Дуня по лугу идетъ и мѣсяцъ ей по дорогѣ свѣтитъ. Кричу: «Дунюшка, желанная, ягодка моя боровая, здѣсь я! Иди-ко, чо скажу тебѣ, слушай-ко што мнѣ приснилось-то: я быдто попа, быд-

то попа, быдто попа»... Не могу отъ радости выговорить, да хоть ты што хошь. А она и словно бы не она, а чужая — смѣется издали, машетъ рученькой правой да кричитъ милымъ голосомъ: «Вставай-ка, вставай скорѣй, эй, ямщикъ»... И чувствую: хлопъ мнѣ кто-то по плечу: — «Эй, ямщикъ, ѣхать надо»... Открывъ глаза: попъ стоитъ, лицо злое... «Ты что, заснулъ? Поѣдемъ-ка, ишь, буранъ-то кончился и огоньки видать: должно Пазухино»... Гляжу: огоньки видать, и впрямь Пазухино село... А шебуръ-то мой колъ-коломъ сталъ на морозѣ, да и портки къ ногамъ примерзли, ажъ съ кожей отодралъ, руки ноютъ, зашлись совсѣмъ, верхонки какъ желѣзныя — позамерзли... А отъ попа, чтобъ его язвило, паръ валить, рыло красное...

— Буранъ, слава Богу, призатихъ, а я чувствій порѣшился, ничего не чувствую. Ужъ не помню, какъ и до деревни докатили... А пальцы у меня быдто палки сдѣлались, стучать, обмерзли. Я на печку, попечитель на печку съ дуру-то... Слышу: попъ хозяина кличетъ, за водкой его посылаетъ. Вотъ ладно, принесли живчикомъ водку. Попъ ставитъ себѣ, другой мнѣ: «Эй, ямщикъ, пей»... Поблагословился, выпилъ. Онъ въ другорядь: стаканъ себѣ, стаканъ мнѣ: «Пей еще». Выпилъ... Партоманетъ вынимаетъ: «Вотъ тебѣ прогоны, а вотъ тебѣ еще два цѣлковыхъ, потому какъ ты пострадалъ»... «Покорно, молъ, благодаримъ и на этомъ, два рубля на чай деньги не малыя, ну только что вы, батюшка, полжисти у меня отняли... Дай Богъ вамъ». — «Ничего, говорить, чадо, поправишься»... А попечитель на печкѣ сидитъ, дрожитъ весь, его не попотчевалъ попъ-то... Вино мнѣ

въ голову вдарило, вышелъ я, какъ очумѣлый, руки словно въ кипяткѣ ноютъ, быдто ножемъ отъ костей мясо сострагиваютъ... Я хозяину рубль — тащи водки — ужъ очинно попечителя сдѣлалось жалко — подаль попечителю, подаль хозяину, самъ выпить, потому терплѣнья нѣтъ... Опосля того свалился, не помню чего и было... Попечитель черезъ четыре дня Богу душу отдалъ, а я вотъ вишь какъ обсовершенствовался... Вотъ те и Ванька Хлюсть! Вотъ те и золотые пальчики... Вотъ такъ и маюсъ, отецъ, всю жисть свою...

— Чего подѣлаешь, сударикъ... — откликнулся душевнымъ голосомъ дѣдъ: — попала въ колесо собака — пицить да бѣжить. Такъ и человѣка жисть ущемить можетъ, ежели. Ау, братъ... Отъ-што...

Ванька вскинулъ на дѣда глаза:

— Чегой-то раздумье долѣтъ меня начало... Сонъ отъ меня по ночамъ прочь бѣжить. Ворочаешься, ворочаешься ночью, словно медвѣдь, съ боку на бокъ, потомъ сядешь, да и думаешь... А о чемъ, спрашивается? О жисти, да о Дунюшкѣ... Обо всемъ, вобще, думаешь...

И, вздохнувъ, добавилъ:

— Жисть штука великая, дѣдушка...

— Да, не малая, паренекъ.

— Она кому всласть, а другой отъ нея окарачь ползеть... Пришелъ я какъ-то къ попу, ужъ кады по міру ходить, бродяжить зачалъ: «Здравія желаю, батюшка». — «Ты кто таковъ?» — «А вотъ, смотрите» — самъ руки искалѣченныя показываю — «признали?» — «Нѣтъ». — «А помните буранъ-то? Окажите такую Божескую милость, придѣлите меня хошь въ по-

номари»... Повернулся попъ въ сердцахъ, вышелъ въ другу горницу, три пятака мѣдныхъ вынесъ: «На!»... «Да что вы, батюшка... Да на васъ креста нѣтъ». — «Проваливай, проваливай со Христомъ... А то живо работника крикну... Эй, Яфимъ!..» Я тутъ такъ слезами и захлебнулся. Ну, ловко онъ меня... Попривѣтствовалъ... Дай Богъ... Это за что жъ, дѣдушка? Въ сердцахъ-то за что? Не онъ ли виноватъ въ убожествѣ-то моемъ?... А?... Какъ же такъ не пожалѣть калѣку? Рази не такой же я есть человѣкъ, а?... Рази не изъ одного тѣста?

— Изъ одного дерева, братъ, Ванька, бываютъ лопаты и иконы. На иконы Богу молятся, а лопатой дерьмо гребутъ... Такъ, милай, и люди, бываютъ разной выдѣлки... Отъ што... Они, братъ, хозявы въ жизни, а мы что? Такъ, слякоть...

— Дыкъ рази въ томъ есть правда? Ну-ка, скажи.

— Правда-то на небѣ, Ванька... А, сказываютъ, семь верстъ до небесъ, да и тѣ кочебурами... Отъ што... Стало быть такой придѣлъ положонъ, чтобы по землѣ ползать. Отползалъ свое — ложись, умирай.

— Придѣ-ѣ-ль? — насмѣшливо протянулъ бродяга и вдругъ взвился: — А ежели я не жалаю придѣла-то?! Что мнѣ придѣлъ? Я самъ себѣ придѣлъ!.. Вотъ те и придѣлъ. Вотъ захочу, останусь, захочу — торнусь въ омутъ и крышка... Ха! придѣлъ!..

Дѣдъ усталъ на бродягу, подумалъ минуту, отвѣтилъ:

— Отъ жисти, братъ, не уйдешь, Ванька; наздогонить!

Ванька задумался, ничего не отвѣтилъ дѣду... И

погрезилось вдруг Ванькѣ, что тайга все знаетъ и чувствуетъ, на все можетъ дать совѣтъ мудрый, только выслушай ее, только сумѣй угадать, что она шепчетъ.

— Ну, а Дунька-то какъ же, Дунька-то? — громко спросилъ дѣдъ.

— Что? .. — встрепенулся бродяга и лѣниво перевелъ на дѣда все еще затуманенные глаза.

— Дунька-то, говорю, любушка-то твоя?

— Охъ, и не спрашивай... — упавшимъ голосомъ сказалъ Ванька: — Ище въ больницѣ лежалъ, слышно было, что дѣвка того гляди ума тряхнется. А какъ пришелъ я, безпалый-то, да съ костылемъ-то, да какъ увидѣла она меня, ажъ обмерла вся — на шею другъ дружкѣ бросились, да и завыли врьдъ страшнымъ голосомъ... «Сиротиночка ты моя, говоритъ, сиротиночка»... А потомъ за нее женихъ сталъ свататься...

И Ванька едва слышно добавилъ:

— А она головой, да въ прорубь...

Хоть тихо сказалъ Ванька, а ему опять померещилось, что тайга учуяла и отозвалась такимъ же шопотомъ: «головой, да въ прорубь»... И на рѣчкѣ кто-то откликнулся.

— Чу! — испугался Ванька. — Слышишь, дѣдъ?

— Ничего не слышу. Ты што это?

Бродяга всталъ на четвереньки, прислушался и, быстро поднявшись, закултыхалъ къ рѣчкѣ, подпираясь батогомъ.

— Эй, куда? — крикнулъ ему вдогонку Григорій.

Жучка въ обнимку съ Тимшей спитъ у костра, дрыгаетъ ногами и жалобно повизгиваетъ, сонъ, надо

быть видить. Дѣдъ ласково гладить пса и самъ съ собой тихо разсуждаетъ:

— Нѣтъ, чевой-то не ладное съ нимъ, съ Ванюхой-то. Пра-а-во... Шибко тоскуеть.

III.

Дѣдъ подымается, кряхтитъ, растираетъ затекшую спину и, сгорбившись, тянется къ котелку:

— А, мотри, упрѣла уха-то. — И не своимъ, бабьимъ голосомъ, ухмыляясь, монотонно бубнить, какъ въ дудку дудить:

Табашники къ табаку-у-у,
Пьяницы къ кабаку-у-у,
Обжоры къ у-у-ужину!..

Потомъ, вмѣстѣ съ проснувшимся внукомъ торопливо усаживается возлѣ котелка.

Вскорѣ на зовъ приходитъ и Ванька. Лицо бродяги спокойно, но что-то таится въ глубинѣ его усталыхъ глазъ.

Дѣдъ вытащилъ изъ мѣшка деревянную обмызанную ложку и, все тѣмъ же смѣшливымъ голосомъ, весело подмигнувъ Ванькѣ, сказалъ:

— Люди за хлѣбъ, а я рази ослѣпъ? Ну-ка-а разъ! А ты что, Тимша, зѣваешь? Имай рыбу-та... Первый сортъ мясо: отъ хвоста грудинка...

Отъ ухи валить паръ. Старикъ ѣстъ такъ, что за ушами пищить. Челюсти его работаютъ сосредоточенно и жадно. Тимша чавкаетъ, то и дѣло утирая носъ рукой и чему-то радостно улыбаясь. А Ванька ѣстъ вяло, нехотя, печальный такой сидить, пасмурный.

Дѣдъ, зорко покосившись на бродягу, вдругъ заулыбался, положилъ, неторопясь, ложку, пощупалъ мѣшокъ, вытащилъ бутылку и, поднявъ ее выше головы, весело прохрипѣлъ:

— Ну-ка, братья, зелено, — не прокисло бы оно!.. Самосядочки хошь, Ванька? Хоррошая штука. У насъ, въ тайгѣ, старухи ее изъ хлѣба сидятъ... Знаешь, поди?.. На-ка, благословись стакашкомъ...

Тотъ, очнувшись и вскинувъ на дѣда бѣлые свои брови, сглотнулъ жадно слюну.

— Благодаримъ, дѣдушка Григорій. Мы не пьемъ...

— Ты кому другому это скажи, — смѣясь кричить дѣдъ. — Не пьешь... Нешто не вижу я, какъ кадыкъ-отъ у тебя заползалъ. Пей, тебѣ говорятъ!..

Ванька смущенно скребетъ за ухомъ, и, круто передернувъ плечами, тянется дрожащими безпальными руками къ самодѣльному берестяному стакашку:

— Ну, за ласку твою, отецъ! Пригрѣлъ меня, сиротину.

— Во здравіе, — откликается дѣдъ.

Ванька чамкаетъ губами, сердито сплевываетъ, крутитъ головой и говоритъ:

— Ухъ, анаѰема! Штука лукавая... Ранѣ, бывало, я, дѣйствительно, завей горе веревочкой, водку эту самую довольно сурьезно сосалъ. Ну, только те-перича — аминь!..

Костеръ ярко пылалъ, тьма по сторонамъ клубилась, а вѣковые кедры, — богатыри таежные, — гурьбой обступили костеръ и, хмурясь, протягивали лапы свои къ теплу и свѣту.

Уха подходитъ къ концу. Дѣдъ всѣхъ удалѣй изъ котелка черпаетъ и балагурить, стараясь распотѣшить компанію. Тимша смѣется во все звонкое горло, то и дѣло расплескивая изъ ложки уху, но Ванька грустенъ.

Псы нетерпѣливо топчутся, повизгиваютъ и просительно гавкаютъ тонкими благопристойными голосами, а дѣдъ, чавкая беззубымъ ртомъ рыбу и вкусно обсасывая кости, небылицы рассказываетъ:

— И какъ легъ, это, значить, я не поблагословившись, не успѣлъ еще и заснуть-то путемъ, глядь: чертенокъ, будь онъ проклятъ, скокъ на меня...

— Всамдѣлишный?.. Большущій?.. — широко открывъ глаза, спрашиваетъ Тимша.

— Да какъ тебѣ сказать, не соврать: вершковъ этакъ пять, не болѣе... Я его кѣкъ сгребъ въ кулакъ, такъ всего, окаяннаго, и зажалъ. Только рога одни поверхъ кулака торчатъ, да темя видать... Вотъ ладно... И сталъ я кругомъ шарить, а самъ думаю, какъ бы его, собаку, ошарашить по маковкѣ-то, чѣмъ Богъ послалъ...

Босоногій Тимша, пыхтя и по-стариковски покрывавая, укрылся шубой, запихалъ чуть не въ самый костеръ озябшія ноги, циркалъ сквозь зубы въ огонь и облизывался на пекшіяся въ золѣ кедровыя шишки.

Вдругъ Ванька, перевалившись на бокъ, подползъ къ бутылкѣ:

— Дѣдъ, а дѣдъ... Можно, ежели?..

— Сыпь, сыпь...

Ванька облапилъ бутылку, задралъ вверхъ кудрявую голову и жадными глотками выпилъ все вино. Глаза его заблестѣли зазоромъ, а лицо сдѣлалось блѣднымъ и злымъ.

Дѣдъ на Ваньку уставился съ любопытствомъ, улыбнуться хотѣлъ — улыбки не было.

Ванька про себя всхлипнулъ, покрутилъ удрученно головой и, свирѣпо погрозивъ тѣмъ, сталъ, ругаясь, выкрикивать:

— Эвона, моклышки-то видишь, старикъ? А полѣно-то видишь?.. — ткнулъ онъ въ мертвую руку. — Ха-ха! Понимай, братъ. Чувствуй!.. А ни-и-чего-о... Слава Богу, не жалуемся, живемъ богато: домъ о семи жердяхъ съ подѣздомъ.

Дѣдъ, не спуская съ Ваньки удивленныхъ глазъ, костеръ оправлять началъ.

А Ванька, проворно поднявшись, посовался носомъ, и, ненавистно тыкая въ небо обезображенной рукой, взревѣлъ:

— Проклятые!! . Мучители!! . Ууухъ-вы!! .

Дѣдъ отъ неожиданности чуть котелокъ съ чаемъ не опрокинулъ, вздрогнулъ, выпрямился:

— Ванька, опомнись!.. Ванька, одумайся!..

Бродяга сразу смолкъ, словно грудь надорвалъ и, еле переводя духъ, угловато опустился на землю.

Къ нему Вѣрный подошелъ, смотритъ въ глаза, ластится. Обнюхалъ уродливыя руки и сталъ ласково лизать.

Ванька тяжело вздохнулъ.

— Скажи мнѣ по чистой совѣсти, какъ передъ Истиннымъ, скажи мнѣ, дѣдъ, вѣришь ты Богу, въ

правду-матушку, вѣруешь? — заговорилъ бродяга срывающимся голосомъ.

Поскребъ дѣдъ въ раздумьѣ голову и, бросая въ огонь валежникъ, не спѣша отвѣтилъ:

— Алтайцы Богу не молятся, у нихъ дворы скотомъ ломаются. А нашъ русакъ, хоша просить Вышняго, кола нѣтъ лишняго: кругомъ бѣгомъ... Это у насъ въ тайгѣ така присказка. А я тебѣ, сударикъ, вотъ что скажу: Бога я завсегда въ сердцѣ имѣю. И тебѣ совѣтую. Богъ — Онъ безъ насъ обойдется, а мы-то безъ Него, безъ Батюшки, затоскуемъ... Понялъ?... Вотъ что, мила-а-й...

Ванька мигаетъ часто, молчитъ, потомъ медленно, точно самъ съ собой, говорить:

— Ну, ладно... Ежели вѣришь, стало быть, Богъ есть по-твоему?..

— Дурр-а-акъ... За такое слово сто разъ дуракъ... По самое это мѣсто... — цѣдитъ сквозь зубы дѣдъ.

— Ну, ладно. Стало быть, есть, — заключаетъ Ванька. — А гдѣ же Онъ?... Я ли Ему не молился?... Я ли не ползалъ передъ нимъ на карачкахъ? У святителя Иннокентія въ Иркутскомъ былъ. Ты ушутилъ при моихъ-то ногахъ!.. Идешь, бывало, въ морозъ, ночью, вскинешь голову вверхъ, а тамъ звѣзды да мѣсяцъ по небу ходитъ... «Господи, шепчешь, Господи. Оглянись на Ваньку, пошли исцѣленье. Чего Тебѣ стоитъ, Господи. Не дай загинуть!.. Душа моя, Господи, душа опаршивѣла, коростой, какъ песь гнилой, вся покрылась»... Да ну плакать, да ну кувыраться въ землю, въ снѣгъ башкой... Я, братъ, слезоточивъ, изъ меня слеза даже неудержимо катится. Встанешь,

утрешь рыло-то, да на небо взглянешь, а тамъ все по-старому, только мѣсяцъ смотритъ на тебя да ухмыляется... А грѣхъ все на душѣ камнемъ лежитъ... — закончили онъ тихо и низко опустилъ голову.

— Да какой у тебя грѣхъ-отъ? Какіе у насъ съ тобой могутъ быть грѣхи?.. Ну-ка...

Ванька дѣланно захихикалъ, и торопливо, скороговоркой пробормоталъ:

— У меня, дѣдъ, грѣховъ сорокъ мѣшковъ. Одинъ грѣхъ продалъ — всѣхъ выпустилъ. Разбрелись который куда: кто по кабакамъ, кто по дуракамъ, а одного вотъ у васъ на заимкѣ пымали... Ххе... — и, помолчавъ, добавилъ, — поди и грѣховъ-то никакихъ нѣтъ на свѣтѣ... Каки таки грѣхи бываютъ, ты знаешь, дѣдъ?..

— Какъ, какіе? — встрепенулся старикъ и, придвинувшись вплотную къ калѣкѣ, сталъ подгибать по очереди корявые пальцы и перечислять монотоннымъ, какъ у начетчика, голосомъ:

— Непослушаніе, нерадѣніе, паки блудъ, лихоимство, гордыня — дочь дьявола, злоненавистничество, и самый смертный грѣхъ: хула на Духа Свята...

— Ха-ха-ха! Здо-о-рово... Расписалъ, какъ размазаль... А ежели какого зловреднаго человѣка жи-сти рѣшить?.. Это, какъ?.. Грѣхъ, али какъ?.. По маковкѣ ежели фомкой кокнуть, ломикомъ? — и въ голосѣ Ваньки замѣтенъ былъ хмель.

— Дурракъ... Язви-те!..

— Х-х-х-ха... — хрипѣлъ бродяга. — Не любишь?.. А ежели отъ котораго окромя зла никакой корысти, какъ отъ гадины, тады какъ? А?...

— Какъ: никакой корысти?.. Ме-ельница!..

— Ну, вотъ, хучь отъ меня, напимѣрича. Какой прокъ во мнѣ? И какой я есть человѣкъ глѣ міру?... Я столь же міру-то нужонъ, какъ дыра въ мосту... Вотъ и слѣдуетъ раздавить меня, какъ таракана. И я такъ умствую, что тому человѣку-то за меня, какъ за паука за добраго, сорокъ грѣховъ убавится. Ххы...

— Статуй этакій... Елыманъ, прости Богъ... Пей-ка, чай-то, умная твоя башка со вшамъ. Оно лучше дѣло-то будетъ. Ошпарь-ка душеньку-то...

Чай пьютъ безъ сахара изъ деревянныхъ чашекъ. Дѣдъ натолкалъ въ чашку пшеничныхъ сухарей и, прихлебывая, говоритъ резонно:

— Вотъ смерть придетъ, узнаешь, какъ таки грѣхи-то бываютъ. Пей-ка...

— А что мнѣ смерть? — оживился калѣка. — Нешто я боюсь смерти. Да хошь сейчасъ... Нашелъ чѣмъ пугать Ваньку... Я, дѣдъ, въ прорубь бросался — вытащили, давился въ лѣсу — веревка лопнула... А ты — смерть!..

— Ой, Ванька... Не торопись умирать...

— А какъ же жить-то мнѣ, ты подумай? Ну, куды я?..

— Жисть-то намъ единова дается. Эхъ, Ва-а-нька...

— Ну-къ чо?..

— Жалѣть, мотри, будешь...

— Я, братъ, дѣдъ, подохну скоро. Чую, что околѣть я долженъ неволѣ: замерзну али такъ гдѣ окочурюсь... Что мнѣ смерть?... Харкнуть да растереть... Во!.. Не боюсь я ее вотъ не на эстолько, — и Ванька прижалъ единственнымъ пальцемъ кончикъ костыля.

— Ой, вре... — недовѣрчиво вставилъ дѣдъ.

— Вотъ-те и вре, — передразнилъ калѣка.

— Ой, паря, вре...

— Тебѣ, можетъ, жить-то хорошо... дакъ...

— Тому хорошо, у кого брюхо большо, — перебилъ дѣдъ. — А ты живи да Бога благодари. Миръ должонъ, какъ-никакъ, прокормить тебя. Безъ этого нельзя...

— А рука-то?

— Руку напрочь отнять...

— А душа-то покалѣчена, промерзла наскрозь?..

— Ха, душа!.. Да она, можетъ, почище чѣмъ у кого другого процаго... Отъ-што...

— Да ты дуракъ, дѣдъ, прости Богъ, али умный?!— крикнулъ Ванька и ткнулъ дѣда въ грудь: — ежели я кудрявый былъ, ежели я пригожій былъ, и дѣвки отъ меня таяли?... А теперича... На-ка вотъ. Ты ушутить?..

И поднявшись во весь ростъ, Ванька, постукивая костылемъ о лежащую возлѣ лѣсину, раздѣльно произнесъ:

— Землю здря топтать ежели, въ томъ моего согласья нѣтъ!.. Понялъ?..

Старикъ ничего не отвѣтилъ, а только сказалъ:

— Пей-ка еще. Чаю много!

— Благодаримъ...

— А ты пей безъ сумлѣнья... Отъ чаю на брюхѣ веселѣй дѣлается... Отъ-што...

У Ваньки корявое лицо укоризной покрылось, и онъ, опускаясь на землю, сказалъ:

— Брюхо тутъ не при чемъ, ежели душа просится на волю...

— Ахъ ты, чтобы тебя черезъ сапогъ въ пятку яз-

вило... Онъ опять свое... Ххе!.. — запавшіе, вдавленные временемъ глаза старика грустно улыбнулись. — Какъ же я-то? Вѣдь, во мнѣ полторы жисти сидить, а я бы еще три прожилъ... Чо-ортушка, прости Богъ, этакій... Право!

И, чтобъ потѣшить загрустившаго Ваньку, онъ вынулъ изъ-за пазухи табакерку и, опять не своимъ, смѣшливымъ голосомъ, разыгралъ штучку:

— Къ голому голяку, къ бѣдному бѣдняку, къ нашему дѣду Масалову понюхать табаку носового. А для чего же табакъ нюхать? На гору одышка не беретъ, подъ гору спотычка не живетъ... Ну-ка ра-азъ!.. — и подморгнулъ дремавшему Тимшѣ. Понюхалъ, крикнулъ громко, по-цыгански: Кахы!.. — и самъ себя отвѣтилъ: — Кто крикнетъ, тому два!..

— Ну и ласковый же карактеръ у тебя, дѣдъ, — чуть ухмыльнулся Ванька.

Дѣдъ улыбается, кутаетъ Тимшу въ шубу.

— Спи, благословясь...

Тимшу сонъ не беретъ: ему хочется послушать, что говорятъ большіе. Но тѣ молчатъ, и Тимша заводитъ самъ разговоръ съ дѣдомъ:

— А смертынька, дѣдушка, по землѣ ходить?...

И не получивъ отвѣта, продолжаетъ:

— Это пошто жъ она, скажи на милость, ходитъ-то?..

— А вотъ по то, что тебя не спросила... По этому самому...

Дѣдъ опять набиваетъ обѣ ноздри табакомъ, чихаетъ свирѣпо, съ присвистомъ, и притовариваетъ:

— Чи-хи... Неумытому въ рыло!..

— Неумытый-то кто, дѣдушка, чортъ?..

— А вотъ дрыхни, тады и узнаешь кто...

— Нѣтъ, впра-авду?...

— А вотъ вправду и есть...

Становилось холодно; туманъ поползъ отъ рѣчки сѣдыми лохмами. Норовиль онъ, цѣпляясь за стволы деревъ и кусты боярки, подняться ввысь, но таежный сумракъ давилъ его къ землѣ. Справа, надъ рѣчкой, въ прогалинкѣ, серебрился мѣсяцъ, и его тихій голубой свѣтъ всталъ и расплескался надъ объятый мракомъ тайгой.

Костеръ меркнетъ... Старикъ нехотя подымается, бросаетъ смолье и укладывается спать. Бродяга, свернувшись калачикомъ, лежитъ молча, должно быть, спать. Возлѣ него Вѣрный.

Тимша пыхтитъ подъ шубой, съ Жучкой возится, а потомъ, высунувъ голову, говорить дѣду:

— Анадысь, я обортня на заимкѣ видалъ съ парнишками... Здо-ро-в-е-енный!..

— Что и говорить...

— Нѣтъ, вправду... Кобелемъ борзымъ прикинулся... Матеру-у-у-шшій...

— Съ тобой-то слово, — подсмѣивается надъ внукомъ дѣдъ, сладко позѣвывая.

Тотъ обиженно слатываетъ, плазенки блестятъ огнемъ, и онъ рассказываетъ дальше, стараясь придать голосу вѣсь:

— Я схватилъ кость аграма-а-а-днищую, да кэ-экъ этимъ костемъ-то звѣздану кобеля-то по рожд!..

— Ври-ври...

— Вотъ-те и ври-ври... — Тимша вылѣзъ изъ подъ шубы, лицо его вытянулось страхомъ, и онъ, самъ себя пугаясь, прохрипѣлъ: — Дыкъ кобель-отъ такъ

весь тутъ тебѣ и разсы-ы-ыпался. Ажъ искрушки полетѣли!...

Когда старикъ загремѣлъ густымъ смѣхомъ, Тимша, смутившись, виновато улыбнулся и юркнулъ подъ шубу...

— Вотъ какъ выволоку тебя за волосы, — сказалъ, хихикая, дѣдъ, — да спущу штаны... Эвона чо городить... Баранъ этакій!

Дѣдъ вскорѣ начинаетъ съ присвистомъ, всхрапывать, и мальчонка, надрожавшись досыта подъ шубой, тоже крѣпко засыпаетъ.

IV.

...Костеръ погасъ. Ушелъ съ неба мѣсяцъ. Передвинулись звѣзды. Непрогляднымъ мракомъ охватило тайгу. Стоитъ тайга, не шелохнется, спитъ. Самое глухое время наступило: безъ звуковъ и шороховъ, словно вмѣстѣ съ мѣсяцемъ исчезла вся жизнь.

— Господи, батюшка... — слышалось еле внятно.

Это Ванька шепчетъ. Возится во тьмѣ, всхлипываетъ. Молчитъ.

— Дѣдъ, а, дѣдушка. Спишь?...

Не слышитъ, намаялся, спитъ старикъ крѣпко...

— Охъ, батюшки мои, батюшки... Что жъ это будетъ... А?...

Слышно — ползеть къ дѣду:

— Гдѣ ты тутъ? Проснись-ко, Григорій... Эй!

— Кто тутъ? Ты, Тимша?

— Нѣтъ, я, дѣдушка...

— Ты, Ванька?...

— Я... Я... Страхъ на меня навалился, дѣдъ! Порѣшу я свою жистъ! — въ голосъ его большія дрожать слезы.

— Ну, не паршивецъ ли ты?.. — зло и укоризненно шепчетъ дѣдъ, — ну, не озорной ли ты малый?.. Чтобъ на себя руки наложить?! Тьфу! Удди отъ меня къ ляду, дьяволъ этакій!..

Молчаніе. Опять тѣма проглотила звуки.

— Дыкъ, чижалехонько, вѣдь... Самъ не радъ, поди... Душа во мнѣ запищала... Ау, братъ... Сумлѣнье къ самому сердцу подкатилось. Гложетъ, окаянное, какъ собака кость, дыхнуть не даетъ. Хошь стой, хошь падай... Прямо — край!

Дѣдъ молчитъ. Неужели спать хочетъ? Нѣтъ. Къ его сердцу жалость вдругъ прихлынула, кровью облилось его старое, изжившееся сердце и тревожно застучало.

— Ну, скажи на милость... по чистой совѣсти, — шепчетъ бродяга. — Ну, кому нуженъ я? Каковъ теперича прокъ отъ меня? Одна помѣха...

— Какъ, кому? Себѣ нуженъ.

— И себѣ ненужонъ, — еще тише шепчетъ. — Жилъ я, радовался всему на свѣтѣ, а люди меня въ яму сбросили... Ослѣпъ я тамъ, руки-ноги поломалъ и нутро у меня порѣшилось. Ну, куды я должонъ?.. А

изъ ямы миѣ не вылѣзти, а смерть забыла про меня — нейдеть... Какъ тутъ? И еще разъ тебя, отецъ, упреждаю, попомни: здря топтать землю — въ томъ моего согласья нѣтъ!..

— Терпи. Значить, терпи, парнище... Отъ-што...

— Терпи... А ежели и терпѣлка-то спортилась, ржой покрылась... Тады какъ?

Молчитъ старикъ, что сказать — не знаетъ.

— Вотъ, видишь?... молчишь, дѣдъ... Я бы давно ушелъ, да тайга держить: живи, говоритъ... — задумчиво вымолвилъ бродяга и, шевельнувшись, крикнулъ съ угрозой:

— А уйду таки!.. Нѣтъ, дѣдушка, я уйду... Какъ хошь, братъ...

Тотъ все еще молчитъ, не можетъ съ мыслями собраться.

— Нѣтъ, нѣтъ, уйду... Уйду-уйду... Какъ хошь...

Тогда дѣдъ все такимъ же отечески-раздраженнымъ, чуть насмѣшливымъ, чуть укориженнымъ голосомъ, сказалъ:

— Ты еще молодъ, сударикъ. Жисти не знаешь... Тебя еще вареный пѣтухъ въ брюхо не клевалъ... Отъ-што-о-о...

— Боюсь я ее, окаянной!.. Смерти этой самой!..

— А какъ же ты даве... — обрадовался дѣдъ.

— Здря тады молоть, похвалялся. А теперича... Вѣришь ли, дѣдушка Григорій, какъ и разставаться съ жистью-то?... Неужли ты не боишься?..

Дѣдъ зѣваетъ, бормочетъ молитву и, неторопясь, чеканя каждое слово, говоритъ:

— А чего ее бояться-то?... Бѣдному, братъ Вань-

ка, умереть легко: стоять только зашуриться... Отъ-што-о-о... Сама придетъ, никуда, братъ, не дѣнешься... А ты не накликай ее... Грѣхъ... Отъ-што-о-о...

И минута и другая проходитъ. Оба молчать... Только Тимша тоненько во снѣ хохочетъ подъ шубой, да вдали ухаеъ филинъ.

Дѣдъ чиркаетъ спичку и разжигаетъ костеръ. Тѣни торопливо пляшутъ спросонья, наскакивая гурьбой на что попало, и подъ ихъ полусонной пляской горбатый носъ дѣда начинаетъ трястись, лицо то становится огромнымъ и плоскимъ, какъ лопата, то собирается въ клубокъ и пышетъ хохотомъ, то отливается въ страшную рожу съ перекосившимся въ страхѣ, сумасшедшимъ взглядомъ.

Ванька согнулся въ дугу, словно лѣсиной пристукнуло — сидитъ неподвижно, низко понуря голову... Живъ ли? Ярко вспыхнулъ костеръ, но нѣтъ въ огнѣ силы, сталъ потухать.

Дѣдъ укладывается, крестить размашисто вокругъ себя тьму и охаеъ.

Ванька молчитъ, только плечи вдругъ ходуномъ заходили, и затряслась голова. И изъ его груди прорываются робко придушенные вздохи и всхлипыванья.

— Ты чо это, Ванька? — тревожно бросаетъ дѣдъ.

Тотъ борется съ собой, но видно совладать не можетъ, начинаетъ, уже не сдерживаясь, выть чужимъ голосомъ, сплевывая сердито и ляская по-волчьи зубами.

Костеръ гаснетъ, вверху вѣтеръ начинается, и подъ легкій шелестъ тайги, Ванька надрывается звѣринымъ хриплымъ воемъ.

— Ванька!.. — кричитъ дѣдъ.

— Ууу... Ууууу...

Вѣтеръ все пуще, зашепталась тайга, всполошилась...

Сумасшедшій вой, навѣвая ужась, будоражилъ тьму, до боли сверлилъ сердце дѣда, наполнялъ неизъяснимымъ страхомъ все кругомъ.

— Да ты ошалѣлъ!!! — кричитъ испуганно дѣдъ, — что ты, чортъ, какъ лѣсовикъ!.. Ажъ жуть беретъ!..

Бродяга смолкъ сразу, знать всѣ силы напругъ, до крови закусилъ губы.

А тайга брюзжитъ, вершинами машетъ, спорить о чемъ-то съ вѣтромъ.

Вѣтеръ, злясь, треплетъ встрѣчныя деревья, и спѣшитъ дальше, въ глубь, будить тайгу. Шумитъ тайга, шумитъ. Капля за каплей падаетъ дождь.

— Григорій... — помедля немного, позвалъ Ванька рѣшительнымъ голосомъ.

— Ну, что, родимый? — учуявъ что-то, отвѣчаетъ ласково дѣдъ, — ты подь-ка поближе сюда... А то ишь тайга-то, матушка, гуторитъ... Отъ-такъ... Ну-ка...

И во тьмѣ чуть слышно:

— Покаяться я тебѣ должонъ, какъ передъ Богомъ... Видно, капутъ пришелъ мнѣ... Не совладать... Ау, братъ!.. Жила во мнѣ у сердца лопнула...

Помолчалъ. Вздохнулъ. И дѣдъ вздохнулъ...

— Попа-то... Помнишь?... Вѣдь я спалилъ... Я... А ты какъ думалъ?

— Ни-и-ичего... — еще ласковѣй отвѣчаетъ дѣдъ, — охъ, мила-а-й...

— Дунюшку-то.... Дунюшку-то, вѣдь... я... по-рѣшилъ...

— Нно-о-о?...

— Я... Я... Не досталась, чтобъ... Уманилъ я ее къ рѣчкѣ, да въ прорубь... Ву-у-у!... Ухухууу...

И сквозь вой слышенъ строгій, властный окрикъ дѣда:

— Ахъ, ты проклятая твоя душа!.. Варнакъ ты!.. Варначище, язви-те!..

— Про-сти-и... Христомъ прошу...

— Прочь удди!!.

— А ты пожалѣй, слышь, дѣдушка...

— Пожалѣть?!.. Вотъ я тебя пожалѣю, жиганъ ты этакій! Вотъ уже...

Ванька скачетъ прочь отъ дѣда, какъ отъ журавля лягушка:

— И ты?! И ты, дѣдъ?!.. Съ попомъ вмѣстяхъ?!

Вѣтеръ ураганомъ взвился по тайгѣ, обрывая шелковые хвои. Угольки въ кострѣ вспыхнули и зарницей на мигъ освѣтили поляну. Тайга заревѣла, затрещала вершинами. Дерево гдѣ-то ухнуло во тьмѣ и съ трескомъ и стономъ упало на землю.

* * *

Дождь тихо идетъ. Ураганъ умчался, лишь вѣтеръ робко блуждаетъ межъ хвой тайги.

Калѣка съежился въ клубокъ, лежитъ на боку, къ соснѣ привалившись, и зубы его отъ волненья лихорадочно стучать. Чувствуетъ Ванька, что нечѣмъ дышать становится: тоска душитъ, змѣей подкатилась къ горлу. Лежитъ, думаетъ, глаза открыты. И не можетъ понять, то ли наяву мерещится, то ли во снѣ видитъ жизнь свою, да не ту, что тучей надвинулась, камнемъ

повисла на шеѣ, а новую, свѣтлую и радостную, которая въ удѣлъ бы досталась Ванѣкѣ, не случись съ нимъ грѣха. Вотъ онъ сильный, кровь бушуетъ въ жилахъ, на щекахъ румянецъ играетъ. Тройку каурыхъ, своихъ собственныхъ коней, закладываетъ въ наборчатую сбрую, кореннику шаркунцы серебряные подвязываетъ. Возлѣ него карапузъ топчется: «Тятенька, — бормочетъ, — тятенька» ... Дуня вышла, румяная такая, дородная. Подошла, обняла Ваньку, въ глаза, усмѣхаясь, заглядываетъ и умильнымъ голосомъ шепчетъ: «Соколикъ мой ... Боровая моя ягодка».

Лежить Ванька. Спать не спать — глаза открыты.

— Ванька ... — любовно окликаетъ дѣдъ.

— Ну? ..

— Ты меня, Ванька, въ слезы вогналъ ...

Бродяга засопѣлъ, что-то сказать силился, но уста молчали.

Дѣдъ кряхтитъ, ворочается съ боку на бокъ:

— Ты ... не убивецъ, Ванька ... Я чую это ... И пошто ты, напримѣръ, такую неправду на себя прималь?

Ванька Хлюстъ точно тьму рубить:

— Душа требуетъ.

— Какъ такъ душа? Богъ простить, братъ. Онъ все простить. Всѣ грѣхи твои на обидчиковъ переложить. Чуешь? .. А я приютъ тебѣ предоставлю къ зимѣ ... Съ Бога-а-мъ ... Отъ-што ... Страданья твои не малыя ... Онъ, братъ, все видитъ. Отъ-што, мила-а-й ... Не робѣй ... Отъ-што ...

Ванька, повалившись на грудь, и обхвативъ голову руками, скулитъ, какъ малый ребенокъ, и не можетъ отъ волненія понять, что говоритъ дѣдъ.

— Слышишь?..

А тотъ все скулить и ничего не отвѣчаетъ...

Уснулъ дѣдъ и уже бредить во снѣ.

Въ глубинѣ слышится шопотъ: то Ванька молится, стучаясь лбомъ въ землю:

— Богородица... Богородица... Не дай загинуть...

Стонетъ въ болотѣ выпь, точно тупымъ ножомъ по стеклу скоблить, небо плачетъ, возвращая землѣ ея слезы, тайга шумить — и чуть внятно всхлипываетъ Ванька.

Потомъ все умолкаетъ...

* * *

Чась проходитъ. Другой проходитъ. Нагулялся вѣтеръ, поздній гость, палъ устало на дно тайги. И снова стоятъ въ вышинѣ и тихо мерцаютъ омытыя слезами звѣзды.

Но, чу... Застоналъ Ванька, заметался... Знать страхъ подползъ къ его изголовью и отогналъ прочь таежные сны.

Эй, не тужи, Ванька! Тайга обережетъ тебя.

... Темно. Костеръ погасъ, въ пепелъ разсыпался. Тихо. Слово смерти вошла сюда, и погасила свѣтъ, и смела всѣ звуки.

... Вѣрный гавкнулъ спросонья и залился тревожнымъ лаемъ. Побѣждалъ куда-то, ворчитъ, мечется, поблескивая въ темнотѣ угольками глазъ. Потомъ завылъ... такимъ протяжнымъ, тонкимъ, со слезами, голосомъ.

Въ тайгѣ еще темно было, а небо ужъ начало блѣд-

нѣтъ, и потянуло сырымъ холодомъ. Ночь кончалась.

— Ванюха... Ванюха-а!... — крикнулъ пробудившійся дѣдъ.

Но никто не отвѣтилъ.

1914 г. Октябрь.

СУДЬ СКОРЫЙ.

I.

Красное лѣтичко развернулось надъ тайгой неопи-суемой прелестью. Стояли погожіе дни. Солнце рано вставало изъ-за пологихъ хребтовъ, поросшихъ пих-тами, сосной и елью, разстиало по небу румяное по-крывало и, медленно поднимаясь ввысь, наполняло ра-достной жизнью и дебри лѣса, и широкую долину боль-шой сѣверной красавицы-рѣки. Тогда утренняя про-хлада смѣнялась знойнымъ днемъ. Таежный воздухъ насыщался смолистымъ опьяняющимъ ароматомъ, до-лина рѣки благоухала запахомъ ромашки, полыни, мя-ты и отцвѣтающей черемухи.

Жаркій день смѣнялся вечеромъ, за нимъ шла сѣ-верная таежная ночь, иной разъ такая холодная, что закрайки лѣсныхъ болотъ и мочежинъ покрывались тончайшимъ стекломъ ледка, а трава и листья деревь сѣдѣли и въ голубоватыхъ лучахъ луны казались со-тканными изъ серебра.

На самомъ берегу рѣки, прижавшись къ густой стѣ-нѣ лѣса, стояла небольшая кое-какъ срубленная изба. Днемъ ставни ея были закрыты, чтобъ не такъ пекло солнце; когда же спускалась на землю ночь, окна рас-крывались, а внутри зажигался огонь. Въ раскрытыя

окна порой вырывалась ругань и крикъ, порой разудалая пѣсня съ присвистомъ и гиканьемъ.

Маленькая эта избушка съ ея обитателями затерялась въ непроходимой тайгѣ, тысячами верстъ и бездорожьемъ отдѣленная отъ міра: сюда и воронъ-то залетаетъ рѣдко, здѣсь медвѣдь живетъ, да тунгусъ, тунгусъ да медвѣдь, да бѣлка съ горностаемъ и другіе звѣри. Да еще развѣ лѣшій съ комарами и прочимъ гнусомъ.

А вотъ русскій человѣкъ изъ міра пришелъ сюда, изъ того далекаго-далекаго сказочнаго міра, не побоялся лѣшаго, пришелъ, сѣлъ, срубилъ избу и сталъ хозяйничать. Онъ умный, этотъ молодой, съ чуть пробивающимися усиками человѣкъ, онъ ловкій и сильный, всего привезъ съ собою, приплавилъ по водѣ сверху, всякихъ товаровъ, какихъ только надо и, главное, водки. Такой хорошій этотъ Борька: какъ свѣтъ стоитъ, никто сюда не заглядывалъ, тунгусъ на Ангари ходилъ за «покрутой», за тысячу верстъ по тайгѣ, по звѣринымъ тропамъ, а теперь, слава Богу, тунгусу не надо заботиться, какъ раньше: все привезъ къ нему этотъ милый человѣкъ, дружокъ Борька.

Да онъ не одинъ пришелъ, а захватилъ съ собой двухъ парней-сподручныхъ, и еще дѣвушку Машу. Говорятъ сманилъ ее, насулилъ горы, — «поѣдемъ, женюсь, хозяйкой будешь», — дѣвку долго ль сбить съ толку, а тутъ еще у Борьки черныя кудри и глаза большіе-большіе, печальные, а лицо бѣлое и съ горбинкой носъ.

II.

Верстахъ въ тридцати отъ нихъ, внизъ по рѣкѣ, было стойбище тунгусовъ. Здѣсь жили три семьи, перекочевавшія изъ тайги на рѣку, гдѣ меньше гнуса, и есть долинки съ шелковой травой, хорошимъ для оленей кормомъ. Чумъ Конго, молодого и ловкаго тунгуса, стоялъ у самой рѣки, чумъ его брата Найканчи стоялъ повыше, а старикъ Унеканъ залѣзъ выше всѣхъ, расположившись на полянкѣ въ лѣсу.

Старикъ былъ большой задира и всегда буянилъ, когда напивался водки. Его толстогубое лицо было угрюмо и сосредоточенно, голосъ грубый и надменный, но глаза свѣтились нѣжными огоньками, и не было въ нихъ ни луча злобы.

Найканча съ братомъ были молоды, только что поженились, отчего лѣто казалось имъ особенно привлекательнымъ, улыбалось имъ солнце, а мѣсяцъ по ночамъ шепталъ имъ красивыя сказки.

Однажды утромъ, послѣ удачной охоты, старикъ сказалъ:

— Однако, огненной воды надо достать...

Оба молодыхъ промолчали, только почмокали губами и долго сквозь зубы сплевывали, сидя у костра.

Старикъ Унеканъ пошелъ въ чумъ, чтобы пососать трубку и сладко вздремнуть.

Онъ легъ поудобнѣе на оленью шкуру, закрылъ глаза и замурылкалъ пѣсню. Пѣль вяло, не могъ подобрать красивыхъ словъ, если же и находилъ ихъ, то языкъ не хотѣлъ выговаривать, скучно сдѣлалось, тоскливо такъ, а рядомъ, у лѣваго уха, сталъ насвистывать что-то другой голосъ, лукавый и тонкій: шайтанъ, что ли, выглядываетъ изъ пепла, комаръ, что ли, завязилъ свой острый носъ и пищитъ, не можетъ вытащить?..

— А — гыкъ, а — гыкъ... — рычитъ старый тунгусъ, оттопыривая губы и чему-то улыбаясь, и чувствуетъ онъ, какъ лукавый все ближе да ближе къ нему подступаетъ; вотъ залѣзъ въ него, вотъ къ сердцу пробирается, обжигаетъ внутри, словно уголькомъ горячимъ вкатился, и манитъ, и общаетъ, и туманитъ голову.

— А — гыкъ... — еще разъ рычитъ, чмокаетъ губами и обрываетъ пѣсню о сохатомъ.

Быстро, не по годамъ упругимъ движеніемъ вскочилъ онъ на ноги, ловко распахнулъ берестяную дверцу чума, вышелъ на воздухъ и частыми стройными шагами подошелъ къ костру, гдѣ сидѣла молодежь.

— Однако, надо бы... а? — сказалъ онъ.

— Какъ не надо... Надо, — уловивъ его мысль, нерѣшительно отвѣтилъ Конго и, покосившись на свою жену, добавилъ: — Только далеко...

Всѣ тогда вразъ заговорили:

— Какъ, далеко... Чего зря толкуешь...

Конго, перевернулся животомъ внизъ и, роясь въ землѣ сучкомъ, стыдливо лепеталъ:

— Маленько далеко, маленько близко...

Опять всё на него набросились, обзывали лѣнивымъ, русскимъ, лежебокомъ.

Конго въ мигъ вскочилъ и сказалъ, улыбаясь черными глазами:

— Давай деньги. Пойду...

Захвативъ пальму и ружьишко, онъ припустился вдоль рѣки по песчаному, покрытому мелкой галькой, приплеску. Рѣка шла здѣсь прямымъ и длиннымъ плесомъ. По берегамъ ея стояла стѣнной тайга.

III.

Еще не закатилось солнце, какъ вернулся Конго.

Онъ принесъ бутылку дрянного коньяку и двѣ бутылки водки, приготовленной изъ разведеннаго некипяченой водой спирту.

— Сколько заплатилъ? — спросилъ старикъ.

— Дян-тунго-делякѣ, пятнадцать... Другъ послѣднюю отдалъ, вся...

Тогда старикъ по-русски, путая слова, забурчалъ:

— Шибко плутъ сталъ... Шибко мошенникъ... Борони Богъ, какъ... Пошто такъ дорого бралъ?..

Найканча и старикъ лежали около костра, посматривали на бабъ, на сковородку, гдѣ вкусно закипало сало и бухались комочки тѣста, превращаясь въ поджаристыя лепешки.

— Конго! — крикнула румяная Чочакъ своему мужу, щепавшему пальмой длинную палку изъ сухой лиственницы, — не шайтанъ ли заткнулъ тебѣ мохомъ уши? — она разсыпалась звонкимъ смѣхомъ: — слышишь? Тащи ягодь...

И застрекотала своей подругѣ, рассказывая ей, какой хорошій сонъ видѣла прошлой ночью: будто пошла она стрѣлять бѣлку и вдругъ видить...

А старикъ говорилъ Найканчѣ:

— Ранѣ ружей и въ поминѣ не было... И народъ лучше былъ. Богатыри страшные.

Отхлебнули оба изъ чайныхъ чашекъ по небольшому глотку водки. Старикъ крикнулъ:

— Ну, бабы, скоро управитесь? Давай лепешки-то, давай мясо, давай чай... Чего моришь: время!

Жена Найканчи, гикая, бѣгала по тайгѣ и ловила оленюху, чтобъ надоить къ чаю молока, а Чочакъ звонко разсыпалась:

— Гей, бойе! Идите ѣсть.

Солнце уже закатилось за почернѣвшую стѣну тайги, потянуло сыростью, закурился туманъ надъ примокшей рѣкой, вдали, въ густыхъ заросляхъ лебедника крикали, гоняясь, утки, а на западѣ меркли краски зари.

Старикъ Унеканъ глодалъ громадную кость, обсасывая пальцы, вытиралъ руки о кудластые свои черные, съ просѣдью, волосы. Одна бутылка выпита, достали другую.

Старикъ все жаловался на свою жизнь, на то, какъ обидѣлъ его Богъ, наслалъ моръ на оленей, олени попадали, много ли ихъ теперь? Эхъ, что и говорить! Олени что жъ, олени ничего, олени туда-сюда... А

вотъ жену жалко, отца жалко, дѣтей жалко, всѣхъ слопала оспа, такое лихолѣтье выдалось, много тогда тунгусовъ сжила эта самая болѣзнь со свѣту. И вотъ остался онъ сиротой. Съ молодыхъ лѣтъ остался. Одинъ, да одинъ. Все одинъ, всю жизнь одинъ, старикомъ сталъ, помирать скоро, а все одинъ.

— Это больно не хорошо, это больно плохо...

Борони Богъ, какъ, — заключаетъ онъ, опускаетъ низко голову и долго сидитъ молча.

Конго подалъ чашку съ водкой:

— Пей, бое, пей...

IV.

Водка убывала. Лицо старика становилось шире, толстая, лоснящаяся отъ сала губы, то подбирались колечкомъ, словно хотѣли поцѣловать сидѣвшую рядомъ Чочакъ, то вытягивались смѣхомъ чуть не до ушей, и тогда старикъ, сюсюкая, хихикалъ, крутилъ головой, махалъ весело руками, а глаза его совсѣмъ исчезали съ лица, и только лучистыя складки кожи изобличали то мѣсто, гдѣ они притаились... Вотъ-вотъ блеснуть...

И мысли въ головѣ стараго Унекана потекли иныя, радостныя и пріятныя.

У него, слава Богу, и оленей много, и всѣ они здо-

ровы и сыты, толсту-ущіе, и есть, слава Богу, много пушнины — лабазъ ломится. Раньше, что? Ха!.. раньше — тьфу! Жены нѣтъ — это ничего, куда ему. Дѣтей нѣтъ — это ничего, проживетъ и такъ, одному легче, самъ себѣ голова, всталъ, пошелъ. Зато собаки есть: Омкѡ, Биря, Урядникъ, Кáмса... И онъ ихъ любить пуще всего. Особенно Урядника: самый лучший песъ, съ нимъ не пропадешь, хозяина не выдастъ. Онъ всѣхъ любить, онъ все любить: вотъ дымъ курится — любить, комаръ жужжить и сѣлъ на носъ — любить и комара, утка крикнула: «Ахъ, утка, ты, моя утка». — Все любить и сейчасъ запоетъ русскую пѣсню, которую онъ перенялъ у своего друга Борьки.

Бабы тоже выпили по чашкѣ коньяку и еще норовили выпить, но мужики отняли.

Старикъ клевалъ носомъ, бормоталъ какія-то слова и время отъ времени что-то ловилъ руками въ воздухѣ.

Вотъ и звѣзды разсыпались по небу, въ тайгѣ стало темнѣть.

Старикъ поглядѣлъ вверхъ, подмигнулъ звѣздочкѣ, погрозивъ ей пальцевъ, и захохоталъ. И всѣ захохотали: и Конго, и Найканча, и обѣ женщины.

Старикъ вдругъ смолкъ, поглядѣлъ сонливо запавшими чужими глазами на друзей, медлительно потянулъ руку къ головѣ Конго, сгрѣбъ его за косу и сталъ пригибать къ землѣ. Тотъ вырывался, все еще улыбаясь, но старикъ, какъ слѣдуетъ вцѣпился въ его волосы уже обѣими руками и хрипло крича: — Г-г-г-а-а-а... — возилъ Конго по землѣ. Тогда Конго, переставъ улыбаться, тоже уцѣпился въ волосы старика, и такъ они оба катались возлѣ костра и кричали что-то гортанными голосами.

Въ Конго вцѣпился Найканча, въ него — жена Конго — Чочакъ, въ нее — жена Найканчи. И всѣ, избразивъ копну пыхтящихъ, лѣнливо и медленно, словно во снѣ, барахтающихся тѣлъ, теребили другъ друга за волосы, царапали лица, бабы повизгивали, мужчины гыкали, а старикъ Унеканъ, очутившись внизу, выпустилъ изъ рукъ космы Конго и, скверно ругаясь по-русски, норовилъ какъ-нибудь выползти изъ-подъ живой шипящей и плюющей кучи.

Двадцать двѣ собаки, сбѣжавшіяся на шумъ и видя знакомую картину, заливались радостнымъ лаемъ, скакали, какъ угорѣлыя, сшибая другъ друга, и теребили за одежды своихъ хозяевъ, притворно ворча и присѣдая на заднія лапы.

Унеканъ, наконецъ, выползъ, всталъ, весь мокрый, на ноги, схватилъ срубленную Конго кудрявую сосенку и, суясь носомъ, принялся ею возить съ размаха невѣрными пьяными ударами то по кучѣ тѣлъ, то по угасавшему костру, подымая тучи пепла.

При каждомъ ударѣ онъ крякалъ и, взвизгивая, кричалъ:

— А-гыкъ! А-гыкъ... А, шайтанъ... Тебѣ мало?! А-гыкъ!

Всѣ вразъ остановились, поглядѣли на него и другъ на друга дикими глазами, поправили волосы и, тяжело дыша, принялись опять хохотать.

Лицо старика передергивала еще не утихшая пьяная злоба, лѣвый глазъ прыгалъ, то закрываясь, то открываясь, и непослушно косился ротъ. Онъ, тяжело засопѣлъ, подскочилъ къ улыбававшемуся Конго и молча треснулъ его кулакомъ въ глазъ.

Конго всплеснулъ руками, закрывъ ими лицо. —

— Это ничего, — равнодушно сказалъ старикъ и ударилъ его въ носъ.

У Конго показались слезы. Старикъ похлопалъ его по плечу, и они оба принялись цѣловаться, хохотать и плакать.

Вина больше не было, сонъ наваливался, стали укладываться на ночлегъ тутъ же, у костра. Въ чумѣ душно, здѣсь свѣжо и горитъ веселымъ огнемъ костеръ. Комары? Но они тоже, можетъ быть, выпили водки, они уснутъ. А если и попьютъ маленько крови — пусть. Всѣ уснутъ крѣпко и будутъ видѣть хорошіе сны. Медвѣдь придетъ? А собаки... Да развѣ онѣ подпустятъ звѣря... Эй, Урядникъ, Камса, фють!.. Олени бродятъ возлѣ... Орѣнь, орѣнь¹, въ лѣсъ не ходи... Боллѣй, звѣриный хозяинъ-батюшка, береги оленей, карауль... Добрый духъ, свѣтлый, а ты стой тутъ, чего тебѣ, сторожи, батюшка, свисти шибче, гикай, кукшей реви, сядь на лѣсину, сядь на лѣсину да реви: гони всѣхъ въ «черный день»...

Укладываются и все говорятъ, все говорятъ, потомъ умолкаютъ.

Только Чочакъ не хочетъ молчать. Она сидитъ у костра, смотритъ, какъ переливаются серебромъ и золотомъ угольки. Глаза задумчивы, дрожатъ пушистыя рѣсницы, черныя косы въ бисерѣ разметались по огненно-красной въ лучахъ костра рубашѣ, а смуглыя щеки рдѣютъ румянцемъ, и яркія маленькія губы трепещутъ отъ милыхъ, такихъ родныхъ сердцу, словъ рѣсни, которая льется и звенитъ, и летитъ надъ рѣ-

¹ Орѣнь — Олень.

кой, въ лѣсъ, въ горы, въ небо, гдѣ звѣзды ходятъ табунами, и слушаетъ, улыбаясь, мѣсяць.

Она поетъ:

«Вотъ солнце утромъ покажетъ изъ-за деревьевъ свое темя, тогда Конго пойдетъ къ дружку. Какъ только свѣтъ бѣлый будетъ, Конго побѣжитъ стрѣлой къ дружку. Конго ловокъ и силенъ. Онъ скачетъ какъ олень, когда за нимъ гонится смерть. Онъ принесетъ вина сладкаго-сладкаго, какъ сахаръ. Чочакъ любитъ сахаръ. Чочакъ красивая. Она, пожалуй, пойдетъ съ Конго. Имъ будетъ дорогой весело. А у дружка ихъ угостятъ самымъ сладкимъ виномъ, отъ котораго загорятся глаза и захочется цѣловаться и плакать».

Долго она пѣла звенящимъ своимъ серебрянымъ голосомъ. Старикъ уже спалъ, обхвативъ крѣпко Конго. Дремали, растянувшись на оленьей шкурѣ, Найканча съ женой, а Чочакъ пѣла чуть не до разсвѣта, то подползая къ мужу и глядя его волосы, то вскакивая и принимаясь припрыгивать и бесконечно повторять только одно слово:

— Ехор-ёхор-ёхор-ёхор...

V.

На заимкѣ у торговца съ часу на часъ ждали сверху большую ладью-шитикъ съ товарами. Разсчитывали приплыть за льдомъ слѣдомъ. Вотъ ужъ июнь

начался, вода скатывается быстро, скоро появятся въ рѣкѣ мели, а шитика не видать.

Наступило время охоты за сохатымъ, тунгусы изъ ближнихъ мѣстъ: и Буркіуль, и Рыньчай, и Чуччу съ Васильемъ давно ужъ навѣдываются у своего дружка, Борьки, плыветъ ли его братъ, Гришка: порохъ весь вышелъ, свинець весь вышелъ, надо сохатаго промыслить, а ничего нѣтъ, пистоновъ нѣтъ, дроби нѣтъ. Кланяются Борькѣ, просятъ: «дай, сколько хочешь, бери, только дай, ради Бога дай». Въ ногахъ у него не валяются. Нѣтъ, отъ тунгуса этого не жди, тунгусъ знаетъ себѣ цѣну, и знаетъ цѣну торговому: мошенникъ, больше ничего.

Они прямо ему говорятъ, въ лицо говорятъ:

— Ты плутъ, Борька... Шибко мошенникъ сталъ...

Борька въ отвѣтъ мигаетъ, хохочетъ и угощаетъ тунгусовъ водкой. Пьютъ и все мягче становятся. Глаза изъ сверкающихъ гнѣвомъ превращаются въ покорные и полные тоски.

— Ты, другъ, не обижай насъ... Пошто такъ?.. не славно...

— Да вѣдь дешево беру, гдѣ найдешь дешевле?..

— Дешево бралъ, а пошто писалъ лишку?.. Пошто расписка вралъ? Плутъ...

Борька божится, иконы цѣлуетъ, на стѣну лѣзетъ, увѣряя тунгусовъ, что большой убытокъ взялъ. Нѣтъ, Борька уйдетъ отсюда, совсѣмъ разорился, это что же такое, прямой раззоръ, и за что его зовутъ мошенникомъ и плутомъ. Онъ всей душой норовить, а его ругаютъ.

Говорить такъ Борька, а самъ, знай, подливаетъ водки.

Глаза тунгусовъ становятся ласковыми, рѣчи спокойными. Цѣлуютъ Борьку и говорятъ ему:

— Ты, другъ, не уходи... Живи... Пошто такъ... Тоски-ли-и-иво, какъ уйдешь... Борони Богъ, какъ...

— Нѣтъ, уйду, — говоритъ Борька, — вотъ торгую годъ, долгъ соберу и поминай какъ звали.

Тогда всѣ вразъ кричатъ:

— Пошто: поминай, не надо: поминай!... Живи...

Такъ изо дня въ день: то одинъ чумъ придетъ, то другой, то цѣлое стойбище.

А Гришки нѣтъ.

Маша, румяная, маленькаго роста, дѣвушка, каждый день надѣвала корсетъ, купленный Борькой, завивала темные волосы, надѣвала голубенькое, съ бѣлой тесьмой, платье и чаще всѣхъ сбѣгала съ крутого берега къ водѣ, шла по приплеску въ самый изгибень рѣки, залѣзала тамъ на вершину высокой, стоящей у берега сосны и подолгу смотрѣла въ ту сторону, откуда долженъ показаться шитикъ. Она тосковала по своему дому, по подругамъ и парнямъ, а пуще по отцѣ съ матерью, и все ждала хоть какой-нибудь вѣсточки, которую вотъ-вотъ привезетъ Гришка.

А Гришки все нѣтъ.

И Маша, сидя на соснѣ, затягиваетъ пѣсню, тоскливую и протяжную, а сама все смотритъ вдаль, смотритъ и поетъ, и не замѣчаетъ, какъ вдругъ захлынуть слезы и скроютъ изъ глазъ и рѣку, и тайгу, и солнце. Тогда Маша, прислонивъ голову къ смолистому дереву, начинаетъ, не узнавая и пугаясь своего голоса, выть.

Борька дома кричить:

— Ты, чортъ, опять ревѣла?!

— Нѣтъ...

— А почему бѣльма распухли и морда красная? Стоскова-а-лась?

— Меня, Боря, комары...

— Комары?!.. Вотъ тебѣ комары, а вотъ тебѣ мошки!.. — размахнулся Борька и далъ ей двѣ пощечины.

Маша взвизгиваетъ и, семеня ногами, бѣжитъ въ свой уголь, валится животомъ на кровать и, рыдая, стонетъ:

— Безсо-о-вѣстный... Уйду...

— Никуда ты не уйдешь... Куда ты, сука, можешь отсюда уйти...

И Маша замолкаетъ, зная хорошо, что уйти отсюда некуда.

VI.

Вчера къ торговому прибѣжалъ Конго, взялъ вина.

Борька былъ увѣренъ, что Конго завтра опять придетъ за водкой, и радовался, что вышелъ изъ тайги Унеканъ, старый, богатый тунгусъ.

Сегодня къ обѣду, дѣйствительно, опять прибѣжалъ Конго:

— Давай, другъ, вина... Все кончалъ... Много давай... Маленько много...

— Вина? ладно... А что это у тебя щека-то?
Конго стыдливо прикрылъ рукой распухшую щеку и, бѣгая глазами, молча сѣлъ въ уголъ, подь образа.

— Дрались?

Конго, запинаясь, отвѣтилъ:

— Маленько... тыкалъ... мордамъ...

— Кто? Старикъ?

— Кто болѣ, онъ... Маленько...

— Чего дѣлили, чего мало стало? — скалитъ зубы Борька.

— Вѣра такой...

Больше ничего не могъ добиться торговый отъ Конго.

Впрочемъ, на прощанье Конго сказалъ:

— Маленько мирно... Мирилъ...

— Помирились? — переспросилъ вышедшій провожать его Борька.

— Мирились, другъ, мирились... Вѣра такой...

Торговый взялъ двухъ собакъ: одноглазую Пальму и трехногого Ушкана, взялъ ружье и направился, вмѣстѣ съ Конго, по таежной тропѣ.

Съ версту прошли, какъ вдругъ услышали позади себя: аукалъ и кричалъ женскій голосъ.

— Марья бѣжить... — остановился торговый, скинулъ ружье и выстрѣлилъ.

— Ау-ей!.. — послышался въ отвѣтъ ея крикъ.

— Однако, пріѣхали, — сказалъ Борька и повернулъ назадъ.

— Однако, пріѣхали? — вопросительно повторилъ Конго, поворачивая за нимъ.

Изъ-подъ горы, гдѣ журчалъ ключикъ, подобравъ высоко юбку, бѣжала, суча локтями, Маша.

— Гриша пріѣхаль... Охъ-охъ... Письмо привезъ мнѣ... Пойдемъ, пойдемъ скорѣй, Боря... — вся радостная, взволнованно кричала она.

— Ну, прощай! — наскоро бросилъ Борька тунгусу.

— Ну, прощай! — отвѣтилъ тотъ, улыбаясь.

Пробѣжавъ шаговъ десять, Борька остановился и позвалъ:

— Конго!..

Но того уже не было видно. Торговый вскинулъ ружье и выстрѣлилъ въ воздухъ. Собачонки, прыгнувъ и насторожившись, осматривали сучья деревъ: нѣтъ ли гдѣ бѣлки. Вдали щелкнулъ отвѣтный выстрѣлъ Конго. Борька еще выстрѣлилъ и побѣждалъ къ нему. Навстрѣчу, безъ тропы, прямо черезъ тайгу, вмахъ летѣлъ обратно Конго.

— Конго! — крикнулъ Борька.

Тотъ остановился.

— Толкуй Унекану, чтобъ шелъ завтра сюда на оленяхъ. Пушнины тащите больше!.. Самъ приходи, слышишь?!

— Говорю, боей, говорю!.. Ладно, дожидай, боей!.. Какъ не придемъ, придемъ!..

— Ба-а-бъ, бабъ берите!!.

— Бралъ, боей, бралъ!

А Маша кричала хозяину:

— Пойдемъ... Да Бо-оря же!..

— А-гый! — крикнулъ гортанью Конго, начавъ рокочущей нотой и кончивъ тонкимъ ястребинымъ голосомъ, и опять пустился къ себѣ, держа въ рукѣ единственную бутылку водки.

VII.

Гришка привезъ съ собой въ приказчики какого-то пропойцу верзили Оглашеннаго, человѣкъ пять рабочихъ и сѣрую кобылу.

Оглашенный былъ саженнаго роста дѣтина, съ тупымъ взглядомъ оловянныхъ глазъ, безбровый, безбродый, усатый человѣкъ, прошедшій огонь и воду. Во всей его фигурѣ было что-то звѣриное, вызывающее страхъ. Говорилъ онъ густымъ осипшимъ дикимъ басомъ. Пиджачишко его былъ не по росту узокъ, съ короткими рукавами, штаны широки и старые, съ заплатами и прорѣхами, изъ которыхъ сквозило нагое тѣло, давно не знавшее бани.

Во время обѣда, когда изрядно «на радостяхъ» подвыпили, Борька, между прочимъ, сказалъ:

— Ребята!... А знаете что? — и обвелъ всѣхъ смѣющимся полупьянымъ взглядомъ. — Давайте-ка завтра тунгусовъ судить. Идетъ?

Верзила прохрипѣлъ:

— Идетъ... Это мы можемъ. По тунгусамъ я хаживалъ... Всякія явленія пустить могу.

Долго сговаривались, какъ это все устроить, шумѣли и пили вино, обдумали все какъ слѣдуетъ, хохотали и пѣли, цѣловались и ссорились, мирились и плакали, жаловались другъ другу, какъ скучно жить, какъ тя-

жело жить, и если бы не вино, надо бы лѣзть въ петлю, вино все уносить, вино даетъ покой человѣку, а потому надо пить, и пили, и плакали, и ссорились, пока наступилъ разсвѣтъ.

Борькѣ было жаль тунгусовъ: онъ любилъ Конго, и любилъ Чочакъ, которую зналъ еще дѣвочкой. Ему первому принадлежитъ ея любовь, и вотъ она завтра придетъ сюда, и опять будетъ его женой. Конго напьется пьянымъ, а онъ, Борька, царь и богъ, онъ будетъ цѣловать Чочакъ въ ея маленькія губки, будетъ говорить ей сказки, играть на гармоніи и пѣть пѣсни. Маша? Машу прибьетъ, прогонитъ къ брату, прогонитъ къ рабочимъ:

— Ребята, хошь?

А Маша стоитъ трезвая, прислонясь къ косяку двери, стоитъ, вся, какъ снѣгъ, бѣлая, шатается, въ глазахъ темно. Шепчетъ:

— Чортъ, Борька, чортъ... Окаянный чортъ...

Прикрывается фартукомъ и бѣжитъ въ кухню, опять валится на кровать и, уткнувъ голову въ подушку, начинаетъ голосить.

Въ комнатѣ слышится смѣхъ, и ругань, самая скверная, и рассказы, самые дикіе, безудержные. И все это покрывается хохотомъ Оглашеннаго, сиплымъ, надсаженнымъ, страшнымъ.

— Мамынька... Вызволи меня... Мамынька... — убивается Маша. Но знаетъ она, что нѣтъ отсюда выхода.

Борька сидитъ, обхвативъ руками кудрявую свою голову, плачетъ и говоритъ:

— Жаль... Мнѣ жаль... Вотъ какъ жаль ихъ...

— Кого? — хрипитъ Оглашенный.

— Тунгусовъ жалъ... Проклятые вы всѣ...

— Тунгусовъ?

— Да, тунгусовъ... Убѣжалъ бы... Да куда?... Куда?... Батка послалъ... Убѣтъ...

— Чего ихъ жалѣть, кого жалѣть-то... Тунгусъ развѣ человѣкъ?... Тунгусъ — звѣрь... Звѣрь и звѣрь...

— Самъ ты звѣрь... Толстобрюхій этакій... а я люблю ихъ... Люблю... Сволочи вы всѣ... Окаянные вы всѣ... Живорѣзы...

Сидитъ пьяный и плачетъ. Слезы текутъ неудержимо, и онъ ничего не видитъ, кромѣ Маши, кромѣ Чочакъ и стараго Унекана, котораго завтра онъ, Борька, окаянный Борька, хриstopродавецъ Борька, будетъ дурачить и обижать. А почему? Да жить скучно... А Чочакъ?... Милая Чочакъ... Улетѣлъ бы съ тобой, ушелъ бы на край свѣта...

Плачетъ и сидитъ. А всѣ валяются подъ лавками. Спятъ пьяные, грязные, храпятъ, и уста все еще твердятъ срамныя рѣчи.

Только Оглашенный не спитъ. Сидитъ, суется носомъ и дожидаетъ, когда свалится подъ столъ новый хозяинъ. Можетъ быть, удастся пощупать его карманъ.

Къ Оглашенному подходитъ старикъ рабочій и говоритъ, встряхивая желтой бородой:

— Пойдемъ-ка, паря, взглянемъ на шитикъ, не угнало бы вѣтромъ: ишь, верховка начинается.

Пошли. Свѣтло было. Пташки пробудились. Изъ за горъ выползали лохмы тучъ, и дымились вдали вершина высокой каменной сопки.

Волны шлепались о бортъ шитика, вѣтеръ колы-

халь парусинную на немъ палатку, рѣка была покрыта мелкой рябью и шумѣла тайга.

— Поспать бы, — сказалъ Оглашенный, потягиваясь и зѣвая огромнымъ своимъ ртомъ.

Учаливъ покрѣпче шитикъ, направились оба къ амбару, гдѣ была торговля, открыли никогда незапиравшіяся двери, — къ чему въ тайгѣ запирать, кто возьметъ, куда схоронится, — раскинули двѣ кипы сукна, одну на прилавкѣ, другую на полу, въ головы бросили по куску ситцу, притворили дверь, — сразу темно стало въ лавкѣ, — и улеглись спать.

Старикъ рабочій, лежа на полу, говоритъ Оглашенному:

— Тебя, конечно, какъ это, паря, принесло-то къ намъ, въ такую гибель-то?

Тотъ шевельнулся на прилавкѣ, вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Да такъ... Обыкновенно, какъ... Хозяинъ пьянаго подобралъ въ Киренскѣ, да и обдѣлалъ... Всю дорогу наубой поилъ до самой вашей рѣки. А какъ на нее попалъ, хозяинъ, это Гришка-то, и говоритъ: «Ну, теперь ты нашъ. Теперь никуда не дѣнешься».

— Куда отсюда тронешься, — прервалъ старикъ злымъ голосомъ: — птицей обернись, и то не улетишь. Въ какую сторону броситься-то, не знаешь, не то что... Охо-хо... По тайгѣ пойдешь, съ голодудохнешь, али звѣрь заломаетъ, по рѣкѣ сплавляться безъ малаго двѣ тыщи верстъ до жилого мѣста, да и пороги, сказываютъ, бушуютъ впереди...

— Да какъ же быть-то? — упавшимъ голосомъ не то старику, не то себѣ, задалъ вопросъ Оглашенный.

— Давай лучше спать, паря, — откликнулся старикъ, — гляди, день скоро... Чего-то сонъ долить.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Слышно было, какъ сердито шумѣла тайга, словно несмѣтные табуны птицъ, свистя крыльями, непрерывно неслись надъ амбаромъ.

— А Гришка-то, по-моему, фру-у-кть... — протянулъ Оглашенный.

— Онъ-то? Хо-хо-о-о... ты еще его, паря, не знаешь... Ужо — онъ... У него, у мошенника, правда-то, конечно, что харьковская дуга, прямая...

— Какъ встрѣтился онъ съ Борькой-то и сталъ ему нашептывать за кустомъ: «оплелъ, говорить, я Оглашеннаго-то, подходяще: за пятьсотъ на годъ подрядилъ, а рассчитаемъ по сту»... А я подслушалъ...

Верзила сердито замолчалъ и шевельнулся такъ, что заскрипѣлъ прилавокъ.

Старикъ сталъ посвистывать носомъ и легонько всхрапывать.

— Ты спишь, старикъ?

— А? Ты чего?..

— Спишь, моль?..

— Нѣтъ...

— А Борька-то какъ, ничего?..

— Борька что жъ, Борька ничего, доберъ... До насъ доберъ... — сквозь сонъ мямлилъ старикъ. — Только шалый, не приведи Богъ, какой: пьяный плачетъ объ тунгусахъ, жалость будто на него нападаетъ, а тверёзый — опять за свое. Али взять хоша бы тунгусокъ: онъ ихъ, молоденькихъ-те, самыхъ зелененькихъ-то, сколь перешерстилъ? А такъ ничего, ничего... Оно... Этово... Какъ колоколъ тащили... прямо по ногѣ...

— Какой колоколь?

— А? ..

— Ты про какой колоколь говоришь?

— Ни про какой не говорю, — сонливо отвѣтил старикъ и явственно выговорилъ: — давай, паря, спать.

Тайга гудѣла несмолкаемымъ гуломъ. Что-то охнуло вблизи и встряхнуло землю.

— Дерево упало, — октавой сказалъ Оглашенный.

Вѣтеръ распахнулъ дверь, съ силой ударилъ о стѣну и опять захлопнулъ, обдавъ холодомъ дремавшихъ въ амбарѣ людей.

— Пойдемъ ка, паря, народъ будить... Однако, надо вытащить шитикъ-то, — сказалъ, подымаясь, старикъ.

Оглашенный недовольно, съ злорадствомъ, прохрипѣлъ:

— Гори онъ огнемъ, окаянный, и съ добромъ-то ихнимъ... На-гра-а-бятъ, не безпокойся. — И хвастливо-угрожающе добавилъ: — Я еще, язви ихъ, покажу имъ фигуру!

VIII.

Старикъ проснулся, разбуженный руганью. Слышно было, какъ у рѣки говорилъ народъ, пѣли отчаянными голосами «Дубинушку» и звенѣлъ фальцетомъ голосъ Гришки:

— Нѣтъ, васъ въ тюрьмѣ сгноить надо, окаянныхъ!..

Старикъ прислушивается, кряхтитъ и тормозитъ за плечо храпящаго Оглашеннаго:

— Эй, ты... Чего ворчишь... Вставай-кось... Слышь?... Пугало...

— Уйди къ ляду... — бормочетъ Оглашенный и продолжаетъ храпѣть.

— Ну, песъ съ тобой, — отвѣчаетъ тотъ и выходитъ на воздухъ.

Сѣетъ тихій меленькій дождикъ, все сѣро кругомъ и грустно. Двѣ сороки стрекочутъ, посматривая на хмуро стоящую кобылу. Противоположный гористый берегъ чуть маячитъ сѣрой безформенной массой, а каменную грудь сопки принакрыли сѣдя лохмы ползущихъ облаковъ.

Возлѣ шитика народъ, безъ штановъ, въ вымокшихъ рубахахъ; ходятъ въ водѣ, блѣдные отъ холода, таскаютъ на берегъ мокрые мѣшки съ мукой.

Борька съ братомъ отливаютъ воду и, поощряя рабочихъ, покрикиваютъ повеселѣвшими теперь голосами:

— Ну-ну, ребяташки, постарайся!

— Ходи удалѣй, вотъ выпьемъ!

Солнца нѣтъ, и никто не знаетъ, день теперь или вечеръ: Борька часовъ не имѣлъ — зачѣмъ знать ему время, въ тайгѣ торопиться некуда.

— Какъ думаешь, дѣдушка, должно быть къ вечеру дѣло-то? — спрашиваетъ Борька подходящаго, съ заспаннымъ измятымъ лицомъ, старика.

— А кто его знаетъ: чего... То ли вечеръ, то ли день... Не угадаешь, — осмотрѣлся кругомъ, погля-

дѣль на сопку, на стрекочущихъ сорокъ, задраль вверхъ желтую бороду, пощупаль слезящимися глазами пелену дождевыхъ облаковъ и, почесавъ спину, изрекъ: — Стало быть, вечеръ...

На него сразу набросились:

— Ври... Чего околесицу-то несешь: ве-е-черъ... Лѣсовикъ этакій... Мы какъ вскочили, такъ и бросились на воду... Не жрали еще... Ве-е-черъ...

Старикъ крикнулъ, снялъ безъ козырька картузь, поскребъ голову, поглядѣль на кобылу, опять на небо, на амбаръ, на лежащую въ кустахъ корову, и тѣмъ же тономъ изрекъ:

— Стало быть, день.

Но старику не вѣрятъ, хохочутъ надъ нимъ: «заспаль!» Онъ и самъ понимаетъ, что смѣшно, теребить смущенно бороду, и идетъ, присѣдая на каждомъ шагу, къ рѣкѣ умыться.

Старикъ фыркалъ, плескалъ на лицо воду и, утираясь подоломъ рубахи, вдругъ прокричалъ:

— Однако, робяты, орда идетъ!

Дѣйствительно, налетая тихо, какъ въ дремѣ, изрѣдка прорывались далекія позвякиванья мѣдныхъ бубенцовъ и тѣни звуковъ: Мо-о-до! Мод-мод-мод...

— Идутъ! — сказали всѣ вразъ и, побросавъ работу, стали прислушиваться, настораживаясь всѣмъ тѣломъ.

Борька залѣзъ на крышу шитика и смотрѣль внизъ по рѣкѣ, щупая глазами опушку лѣваго берега.

— На рѣку выходятъ, на рѣку, — шопотомъ говорилъ онъ и, обратясь къ стоявшему въ кормѣ парню, таинственно приказалъ:

— Матвѣй, веди ка проворнѣй кобылу за мысокъ...

Сѣрая лента все выползала и выползала изъ темно-зеленой, пасмурной тайги, спускалась къ рѣкѣ и, мѣрно колыхаясь, извивалась по приплеску.

Дождь кончился, стало посвѣтлѣй, морока подобралась, великанъ-гора, четко очерченная и омытая дождемъ, стояла за рѣкою.

Изъ-за ея темени вдругъ брызнули лучи вечерняго солнца и плавно распространяющимся свѣтомъ неторопливо залили всю долину рѣки.

Все стало сразу ласковымъ и улыбающимся: серебромъ покрылась легкая рябь воды, вспыхнули пожаромъ окна точно привставшей на цыпочки и улыбнувшейся міру избушки, зарозовѣли стволы сиротливыхъ березокъ, до краевъ захлебнулись пурпуромъ плывущія на востокъ облака, и видно было, какъ кропили онѣ золотистой сѣтью дождя хмурые, уходящія на край свѣта, таѣжныя дебри.

Всѣ, сколько было народу, залитые лучами солнца, смотрѣли пристально вдаль на приближавшійся караванъ оленей.

Караванъ шель крупной ступью, быстро подаваясь впередъ. Весь бѣлый, передній олень гордо несъ свою красивую, съ вѣтвистыми раскидистыми рогами, голову. На немъ, въ заливчатской позѣ, съ длинной пальмой въ рукѣ, гарцовалъ всадникъ въ ярко-красномъ камзолѣ, съ красной повязкой на головѣ. Онъ иногда останавливался и пропускалъ предъ собой ленту каравана, или, гикнувъ и ударивъ пятками по шеѣ оленя, скакалъ впередъ, что-то крича и размахивая пальмою. Олени шли другъ за другомъ гуськомъ, связанные поводками по восьми штукъ, и на переднемъ оленѣ каждой такой связки цѣпко сидѣло по маленькому чело-

вѣку, то въ синемъ, то въ красномъ, то въ желтомъ камзолахъ. По бокамъ взадъ-впередъ носились олени; спускались къ водѣ, птицей взлетали по откосу въ тайгу, выпархивали вновь на опушку, отыскивали глазами матерей и, не найдя, октависто рычали, вытягивая шеи.

Солнце медлило прятаться, но вечеръ бралъ свое: каменная гора за рѣкою росла и росла, пока не закрыла мрачной своей громадой послѣднихъ золотыхъ лучей дня. Сразу стало холодно, сразу стало тоскливо и скучно, погасла рѣка, провалились въ избушкѣ окна, она присѣла и перестала улыбаться, тайга насупилась и потеряла радость. Крики тунгусовъ и ревъ оленей казались растерянными и печальными, плакали бубенцы, а комары особенно сильно и назойливо насѣдали на все живое.

Вскорѣ караванъ поднялся вверхъ, и тунгусы принялись разсѣдывать оленей.

Это пришелъ съ своей бабой и тремя дѣтьми-подростками богатый тунгусъ Василій.

Слѣдомъ за ними пришли на восьми оленяхъ и Унеканъ съ Конго.

IX.

Василій — тунгусъ богатый. Онъ взялъ пять мѣшковъ муки ржаной, два мѣшка бѣлой, сколько надо сахара и чаю, сукна и кожи, дробы, свинца и пороху, не-

много вина, двѣ горсти конфетъ, бисеру и ситцу, заплатилъ за покупку тысячу бѣлокъ, двѣнадцать сохатинъ и остался долженъ сто рублей и пятнадцать копѣекъ. Но Гришка — человѣкъ ласковый, онъ пятнадцать копѣекъ скостилъ и еще подарилъ вдобавокъ тунгусу очки, а его бабѣ маленькое зеркальце.

Оба, мужъ и жена, остались очень довольны. Тунгуска глядѣлась въ зеркало, а у нея наперерывъ выдывали изъ рукъ ея дѣти, тоже глядѣлись, хохотали, всѣ вразъ тараторили, тыча пальцами въ волшебное стекло и строя гримасы.

Василій, въ очкахъ, часто мигаль глазами, и, улыбаясь, вопросительно говорилъ:

— Однако, хорошо видать?.. А то глазъ кудой сталь, совсѣмъ моя слѣпился, бѣлка мимо маленько стрѣлять...

Онъ выбѣгалъ въ тайгу, къ рѣкѣ, смотрѣлъ на противоположный берегъ, на блѣдные огоньки лѣтнихъ сѣверныхъ звѣздъ, чмокалъ губами, крутилъ головой, и, хотя ему ломило глаза, онъ, войдя въ избу, говорилъ радостно:

— Однако, лучше?.. Совсѣмъ близилъ...

— Приближаетъ?

— Би-ли-и-зко...

Онъ выпилъ водки, напился чаю, закусилъ и чувствовалъ себя хорошо.

Старый Унеканъ былъ несговорчивъ и золъ. Ему ничего пока, кромѣ водки, покупать не надо: у него, слава Богу, запасъ дома хоошій. Онъ принесъ пятьсотъ бѣлокъ и двухъ чернобурыхъ лисицъ. Триста бѣлокъ онъ уплатилъ за старый долгъ покойнаго отца

Конго, двѣсти — промѣняль на серебряный для Чочакъ поясъ.

А вотъ лисицъ хотѣлъ продать, но Гришка мало даетъ.

Старикъ деньги любитъ, особенно серебряные рубли, звонкіе, круглые, большіе. У него ихъ много.

Вотъ и теперь надо бы побольше взять у торговца этихъ рублей да зарыть ихъ въ тайгѣ, подъ колодиной: пригодятся... какъ не пригодятся, конечно, пригодятся: помретъ, — Чочакъ оставитъ, Конго оставитъ, оба бѣдные, ничего нѣтъ у нихъ, а онъ ихъ жалѣетъ, пуще себя жалѣетъ, но Гришка, безсовѣстная рожа, совсѣмъ не подходящія рѣчи толкуетъ, смѣется, волчья душа этакая, скалить зубы да и на!

Унеканъ проситъ по сто рублей за лисицу и десять бутылокъ вина, а Гришка даетъ пять бутылокъ вина и по три рубля. Старикъ кричитъ, спорить:

— Больно дешевилъ, другъ... Пошто такъ...

— Какъ хошь, не надо...

— Пошто не надо?... Надо!... Шибко хорошь, бери... Пасибо толковать будишь... Бери!...

Но Гришка и слушать не хочетъ. Онъ всталъ и, громко засвиставъ пѣсню, пошелъ въ амбаръ.

— Готово, али нѣтъ? — спросилъ онъ Борьку.

— Готово.

Еще громче и удалѣй свистя, онъ трусцой бѣжитъ въ избу и говоритъ притворно-взволнованнымъ голосомъ:

— Вотъ что, дружки... Судья скоро пріѣдетъ сюда. Всѣхъ тунгусовъ судить будетъ.

Конго и Василий встали съ мѣстъ, такъ перепуга-

лись. А старый Унеканъ, выдавшій виды, спросилъ насмѣшливо:

— Какой судить? .. Чего мелешь? ..

— А вотъ, увидишь. Плыли мы вчера, обогнали его, верхомъ на лошади ѣдетъ. Большой начальникъ...

Но Унеканъ не унимался:

— Чего путаль? .. Вчера нѣту было, сегодня есть?.. Враль! .. Какой лошадь, съ роду нѣтъ? ..

Гришка опять вышелъ, тунгусы же всѣ сразу что-то заговорили, къ нимъ пристала баба, зашептались и завсхлипывали ребята.

Унеканъ кричалъ громче всѣхъ, размахивалъ руками, зло выколачивалъ о скамейку свою мѣдную трубку, билъ себя въ грудь, и сквозь тунгусскій гулъ голосовъ раздавались русскія фразы:

— Мошенникъ ... Плуть ...

— Начальникъ надо толковать ...

Въ избѣ никого, кромѣ тунгусовъ, не было. Рабочіе топили баню.

Вдругъ раздался одинъ за другимъ три выстрѣла. Эхо покатилося по тайгѣ. Потомъ явственно зазвенѣли бубенцы, опять приближалъ Гришка и крикнулъ тунгусамъ:

— Ребята, выходи!

Всѣ вышли, кромѣ Унекана, и остановились у избы, а Унеканъ прильнулъ къ окну и смотрѣлъ съ любопытствомъ, что будетъ дальше.

Бубенцы слышались все яснѣй и яснѣй. Опять раздался въ тайгѣ выстрѣлъ. Сквозь деревья замелькалъ движущійся огонекъ, ближе, ближе, что-то храпѣло тамъ и фыркало. Наконецъ, показался верхомъ

на лошади челоѡкъ. Лошадь кто-то велъ въ поводу съ зажженнымъ факеломъ.

Гришка возился возлѣ амбарчика, торопливо втыкая въ землю двѣ палки. Воткнувъ ихъ, онъ подпалилъ, ухмыляясь, ниточки. Вдругъ вспыхнуло пламя, зашипѣло и двумя огненными хвостами шаркнуло въ небо, загрохотало въ вышинѣ, разсыпалось въ падучія звѣзды и растаяло.

Тунгусы попятились назадъ, хватаясь другъ за друга; старый Унеканъ отскочилъ отъ окна.

А всадникъ подѣхалъ къ тунгусамъ и заораль зычнымъ голосомъ:

— Здорово, орда!..

Всѣ стояли, раскрывъ рты, мiali въ рукахъ камзолы и, пораженные, глядѣли и на невиданную здѣсь лошадь, и на огромную, всю усыпанную крестами и звѣздами, фигуру всадника.

На головѣ Оглашеннаго былъ надѣтъ, ручкой впередъ, эмалированный горшокъ, отчего одутловатыя щеки его еще болѣе раздались въ стороны, а усы грозно были опущены книзу.

Къ ручкѣ посудыны, какъ киверъ къ каскѣ, была укрѣплена сдѣланная изъ конскихъ волосъ якутская махалка отъ комаровъ. Черезъ плечо, по солдатскому мундиру, повязанъ синій шарфъ, а сверхъ него, на груди лежала вырѣзанная изъ жести цѣпь, съ большимъ посрединѣ крестомъ.

Оглашенный былъ пьянъ, онъ сидѣлъ на лошади криво — одна нога выше другой — и держался обѣими руками за гриву.

Рабочіе стояли и улыбались, нѣкоторые начали острить.

— Никакъ кобыла-то подъ хмѣлькомъ, сѣдока-то не сдержитъ...

— Сде-ержитъ... Не брякнись, Оглашенный: тутъ коренья... Держись за хвостъ...

Гришка что-то шепнулъ имъ, они замолкли, и всѣ, какъ одинъ, сняли съ головъ шапки, переглядываясь другъ съ другомъ.

Тунгусы слѣпо вѣрили, что это — начальникъ, судья строгій, который сажаетъ въ тюрьму, котораго всѣ трепещутъ: и Борька, и Гришка, и попъ Ванька, и старшина въ Кежмѣ, и урядникъ, и царь. Нѣтъ, царь, поди, не боится, царь главнѣе, а можетъ быть, судья главнѣе, гляди, у него сколь заслугъ, кресты, кресты, кресты и цѣпь. Батюшки, цѣпь-то какая... А самъ-то онъ толстый, голосъ толстый, брюхо толстое, не то что у судьи въ Кежмѣ, котораго они видѣли на ярмаркѣ; этотъ самый большой, самый главный: поди, что захочетъ, то и сдѣлаетъ; поди, велитъ оленей отнять, и отнимутъ; поди, велитъ бабъ и дѣтей отобрать, и отберутъ; поди, велитъ убить, и убьютъ, а тушу псамъ скормятъ.

Стоять, трясутся. Ужъ очень грознымъ имъ показался судья.

А если убѣжать? Нѣтъ, поймаютъ. Лошадь, борони Богъ, какъ проворно бѣгаетъ: вскочить, свистнеть, никакому тунгусу ходу не дастъ... Ой, амака-дѣдушка, Боллѣй-Боллѣй, Микола-матушка... Что будетъ, что будетъ...

А Унеканъ все въ избѣ, нейдетъ, вотъ отчаянная голова, нейдетъ. Надо бы сказать, чего онъ нейдетъ, какъ не боится, чего не встрѣтилъ. А можетъ, онъ лежитъ подъ лавкой, а то со страху въ печь залѣзъ?

Вотъ какой товарищъ, вотъ какой плохой товарищъ, а еще старикъ. Чего нейдетъ... Ой, Микола-матушка, Инокентій-батюшка...

— Пожалуйте, господинъ начальникъ.

— Пожалуйте, господинъ судья, — на перебой, притворно лебезя, сказали Гришка съ Борькой...

Оглашенный, поднявъ руки, хотѣлъ опереться на Борьку, но лѣвая, что подлиннѣй, нога перетянула, и онъ неожиданно кувырнулся по другую сторону лошади, грузно шлепнувшись на землю. Посудина съ головы укатилась подъ гору къ рѣкѣ, лошадь, сѣменя ногами, захрапѣла, и во всю глотку захохотали рабочіе. Оглашенный молча всталъ на четвереньки, съ усиленіемъ приподнялся, далъ коню сапогомъ въ морду, опять кувырнулся, потомъ, овладѣвъ собой, выпрямился и, ругаясь на всю тайгу, бодро зашагалъ къ избѣ, сопровождаемый торговыми.

Ой, батюшки, что-то будетъ! Начальникъ разсерчалъ, свалился, а рабочіе хохочутъ, нечего сказать, нашли время... вотъ ужъ, онъ дастъ имъ, вотъ ужъ!.. Зачѣмъ онъ свалился-то, чего напрасно беспокоится... усталъ съ дороги, охъ засудить, охъ, конецъ пришелъ! Начальнику надо бы отдохнуть, шутка ли: пока ѣхалъ, мѣсяцъ въ небѣ, поди, два раза пропадалъ.

Чего жъ Унеканъ не выходить?...

X.

За столомъ сидѣли Оглашенный, Борька и Гришка. У Гришки глаза суетливые, борода клинышкомъ, рыжая, голова облѣзлая, носъ крючкомъ, алчный, щека платкомъ завязана: флюсь. По угламъ стола горѣли четыре свѣчи, вставленныя въ подсвѣчники изъ ножекъ дикаго оленя, подъ потолкомъ висѣла зажженная лампа, въ избѣ было свѣтло и жарко.

Рабочіе жались у печки, куря и плюя на полъ, скалили тихомолкомъ зубы, а нѣкоторые дремали.

Тунгусы, выстроившись въ рядъ, почтительно стояли, ожидая грозы. За что — не знали, но думали, что разъ сюда, въ такую сторону, пріѣхалъ человѣкъ судить тунгусовъ, значить есть за ними важные проступки. А какъ иначе и подумать? Здѣсь отроду никто не былъ, какъ свѣтъ стоитъ, никто не былъ, солнце не видало здѣсь судьи, мѣсяцъ не свѣтилъ ему по дорогѣ, вѣтеръ не игралъ съ нимъ. Какъ съ неба упалъ. Значить, что-то есть...

Стоять, думаютъ, откуда онъ зайдетъ, съ какого мѣста прицѣпится, и Унеканъ стоитъ, хоть шибко-то не боится, а стоитъ. Онъ судей видалъ, судья ничего, съ нимъ говорить можно, за себя постоять можно: поди не Богъ, чего бояться. Все одно помирать: эка штука. Медвѣдей бивалъ, сколько ихъ положилъ. /

судья что... Судья ничего... Не обидить... Ноги трясутся, — это отъ старости, зубы стучать—это, это...

На столѣ книга, — оракуль, — единственная въ станѣ.

«Законъ» — думаетъ Унеканъ, глядя на потрепанную книгу и, ткнувъ Конго въ бокъ, шепнулъ ему: — Законъ.

Оглашенный засопѣлъ, закашлялся пропойнымъ кашлемъ и принялся чихать.

Тунгусы кричали:

— Здравья пуще, батюшка, здравья пуще...

Оглашенный бодался, махалъ рукой и, весь отъ напращенія и водки красный, чихалъ и чихалъ, колебля полъ.

Наконецъ, сказалъ:

— Который есть тунгусъ Унеканъ...

Старикъ сдѣлалъ шагъ впередъ и твердо отвѣтилъ:

— Я.

— Ты?

— А кто же болѣ?... Я...

— Который есть на лицо тунгусъ Конго...

Унеканъ потянулъ за рукавъ Конго, тотъ робко шагнулъ впередъ, всталъ рядомъ со старикомъ и, поглядѣвъ на ноги, ровно ли стоитъ, боязливо, робкимъ голосомъ, не подымая головы, отвѣтилъ:

— Моя налiso...

— Т-э-к-съ, текстэкъ-съ... А для чего у тебя на мордѣ дуля?

Конго стоялъ, красный и растерянный, не понималъ, что спрашиваетъ судья, и, поглядывая на Унекана дѣтскими глазами:

Тоть дерзко сказалъ:

— Какой такой дуля?... Толкуй лучше...

— Молчать!... — крикнулъ Оглашенный. И всѣ вздрогнули.

Рабочіе, дремавшіе у печки, открыли глаза и, поглядѣвъ осовѣлымъ взглядомъ, плюнули и выругались.

— Пошто молчать?... Говорить нада... Чево кричишь?... Слышу...

— Молчать, тебѣ говорить!...

— Пошто злой... — сверкая глазами, кричалъ старикъ. — Чего гаркашь?... Не глушился, слышу...

Тунгусы, пріободрились, шевельнулись, переступили съ ноги на ногу, обтирая потъ съ взмокшихъ лицъ.

Унеканъ опустилсѣ на полъ, поджавъ подъ себя ноги, и говорилъ:

— Ну, чево далѣ-то?

— Встать!...

— Ну, ладна... Усталъ... старикъ, поди... Обсуждай скорѣ... Ночь...

Опять поднялся Унеканъ и сталъ закуривать трубку.

Гришка нагнулся и шепнулъ на ухо судѣ. Тотъ, уставившись на Василья, строго спросилъ:

— Ты есть тунгусъ Василій?

— Моя, господинъ начальникъ, моя будить, — виновато, плотая слова, отвѣтилъ тунгусъ чужимъ голосомъ.

— Сколько у тебя оленей, али орѣнъ, по-вашему, по-тунгусскому?

Тоть долго подгибалъ пальцы рукъ, шевеля губами: тунго, дюръ-дяръ, илянъ-дяръ, нямади, да болѣ, да болѣ...

Унеканъ опять дерзкимъ голосомъ ввязался, вновь, по забывчивости, сядясь на полъ:

— Тебѣ коли надо, поди, считай самъ... Одинъ Богъ знать...

Оглашенный привскочилъ, ударивъ каблуками въ полъ, и рявкнулъ:

— Молчать!.. встать!!.

— Ачать — сать... — всплеснувъ руками и подпрыгивая, взвизгнула Васильева жена. Рабочіе грохнули хохотомъ и улыбнулся Борька.

— Тебѣ еще, старому лѣшему, морда не бита, нѣтъ?!

Унеканъ, шлепая губами и задыхаясь отъ злобы, стоялъ къ судѣ въ полъ-оборота и срывающимся голосомъ черезъ плечо бросалъ ему острые, крикливые слова:

— Такой законъ не есть былъ!.. Пошто мордамъ... Кажи такой законъ, гдѣ?!

— Вотъ, погоди, я те покажу!

— Ну, ладно, буду погодить, кажи, пожалуйста!!.

Гришка опять нагнулся къ Оглашенному, опять шептались. Двое рабочихъ храпѣли; тунгуска, сидя съ ребятами вдоль лавки на полу, икала и охала.

Оглашенный всталъ и заявилъ:

— Судъ удаляется въ кухню на совѣщаніе. По выходѣ будетъ объявленъ вердиктъ и сдѣланъ перерывъ.

И твердой, грузной походкой, задѣвъ ногой табуретку, вышелъ въ кухню, притворивъ за собою дверь.

Онъ выпилъ тамъ водки, вытеръ усы, закрутилъ ихъ кверху, кашлянулъ и торжественно направился въ ту половину, гдѣ происходилъ судъ.

А Борька тѣмъ временемъ шепталъ тунгусамъ:

— Не бойся, дружки: я заступлюсь.

XI.

Маша сидѣла у рѣки на сыпучемъ желтомъ пескѣ. Разложивъ курево, она сначала тихонько мурлыкала какую-то пѣсню, потомъ вынула изъ-подъ кофты письмо съ родины, развернула, поцѣловала бѣлый, исписанный каракулями и засушенный листокъ бумаги и задумалась.

Мысли ея прерывались пьяными криками Оглашеннаго, вылетающими изъ открытыхъ оконъ избы.

Ночь была блѣдная, сѣверная. Отъ воды несло холодомъ и запахомъ испорченной рыбы. За рѣкой била крыломъ и плакала ночная птица, а Машѣ казалось, что это мать кличетъ ее и убивается, не получая отвѣта.

— Мамынька! — шепчетъ Маша, едва шевеля дрожащими губами и смотритъ вдаль, на тотъ берегъ, гдѣ плачетъ одинокій, такой сиротливый среди ночи, голось.

И видитъ, какъ, сквозь капли слезъ на глазахъ, дрожить тотъ берегъ, какъ пляшутъ, дробятся и расплываются бѣлыми пятнами и тайга, и горы, покрытыя туманной мглой.

Къ Машѣ подошелъ старикъ-рабочій.

— Тоскуешь, дѣваха? — вздохнулъ онъ, и опустился возлѣ. Оба посидѣли молча.

Потомъ старикъ, хихикнувъ, сказалъ:

— Ну, и Оглашенный, будь онъ проклятъ... Вотъ это варнакъ, такъ варнакъ...

Маша ничего не сказала, сидѣла, согнувшись и подперевъ рукой низко опущенную голову, покрытую сдвинутымъ на глаза бѣлымъ платкомъ.

А старикъ затѣмъ и пришелъ, чтобы поговорить съ ней, и онъ, посасывая трубку, началъ:

— Конечно, вышелъ, это, онъ изъ кухни взялъ оракуль, держитъ вверхъ ногамъ, да вычитываетъ по-своему законъ: такую дурнинушку сталъ выворачивать, самую что ни на есть похабщину-то: тунгусы стоятъ, разиня рты, слушаютъ, имъ что хошь читай, народъ безъ понятіевъ, а наши ржутъ, конечно, у печки... рады. Присудилъ быдто всѣхъ тунгусовъ къ тюрьмѣ.

— Потѣшаются, — грустно сказала Маша.

— А вотъ хозяева обдерутъ ихъ, какъ липокъ.

— Какъ обдерутъ, врешь?..

— Обдерутъ, Машенька, обдерутъ... Вдругъ, конечно, Борька всталъ и говоритъ Оглашенному: «Господинъ судья, смилуйтесь, пожалуйста, надъ старикомъ Унеканомъ, и надъ Конгой съ Васильемъ, ослобоните отъ тюрьмы.

— Ну-ка, ну-ка... — торопила Маша.

— Вы, говорить, всѣмъ троимъ запишите имъ страхъ, оштрафуйте, говорить, ихъ, Ваську съ Конгой по пятьдесятъ рублей, я за нихъ внесу, а имъ запишу, вотъ, пожалуйста, — вынулъ Оглашенному сотенную, — а Унекана оштрафуйте, говорить, на двѣ, конечно, лисы, у него здѣсь онѣ. А то какъ такъ возможно старику тащиться до тюрьмы. Смилуйтесь.

— Ну?... — строго спросила Маша и встала.

— Ну, тутъ я и ушелъ... Унеканъ шумить что-то... порядки ругаетъ. Жаль, знать, лисичекъ-то... Ай, яй-яй... Кабы въ городъ, каки бы деньги взялъ... Ухъ-ты!.. Ну-ка, пойду я...

— Посиди, дѣда: чего-то боюсь.

— Нѣтъ, пойду... Догляжу камедь-то... Пойдемъ.

— И туда боюсь... Чего-то страшно. А за рѣкой, ишь какъ стонетъ.

— Птица это... Мало ль ихъ, сиди, не бойся, коли такъ...

И старикъ, кряхтя и сгорбившись, сталъ карабкаться по откосу вверхъ. Выбравшись, онъ крикнулъ:

— Гляди, дождь будетъ завтра... Спинушку прямо отсѣкло.

— Мнѣ, хошь снѣгъ, — откликнулась дѣвушка, и тоже поднялась наверхъ.

Изъ избы выбѣжалъ проворно Унеканъ, посовался возлѣ избы, завернулъ за уголъ и вскорѣ вновь появился, волоча за хвостъ двѣ пушистыя лисы шкуры.

— Унеканъ! — крикнула дѣвушка, — Унеканъ!

Онъ остановился, смотреть на нее, а она подходитъ къ нему и говоритъ:

— Ахъ, ты, дуракъ... Старый, ты, дуракъ...

— Вѣрно, Машка, дуракъ... Какъ не дуракъ... Зачѣмъ мордамъ тыкалъ, — и быстро засѣменилъ къ избѣ.

— Унеканъ, стой-ка ужо! — побѣжала за нимъ Маша, но тотъ успѣлъ скрыться за дверью.

— Вотъ, дуракъ...

Хотѣлось ей броситься туда, — эхъ, если бъ сила!.. хотѣлось изругать ихъ, обидчиковъ, этихъ нахальныхъ

парней, этого пропойцу Оглашенного. Нѣтъ, не изругать, а вотъ если бы безмѣномъ, да по башкамъ, да по башкамъ, эхъ, кабы шапка-невидимка, какъ въ той сказкѣ, что говорила ей въ дѣтствѣ бабушка Олена...

Не знаетъ, что дѣлать.

— Дѣдъ, — кричить она, — дѣдъ!.. Борька!..

Прислушивается Маша, ждетъ. Нѣту.

— Бо-о-ръка-а...

Лишь за рѣкой бьетъ крыломъ и надывается птица.

XII.

Въ избѣ очень жарко и душно, пахнетъ прѣлью, табакомъ, потомъ и виннымъ перегаромъ. Тунгусы еле держались на ногахъ, тоскуя по свободѣ, рабочихъ не было. У Оглашенного больше и больше наливалась на лбу жила и подергивалась верхняя губа.

— А ты, Гришка, сволочь, — спокойнымъ голосомъ сказалъ онъ вдругъ хозяину, когда Унеканъ убѣжалъ за пушниной.

Тотъ, учуявъ въ Оглашенномъ звѣря, заерзалъ на скамейкѣ, посмотрѣлъ на брата, сердито нахмурился, но ничего не отвѣтилъ.

— Ты меня за сколько нанималъ въ годъ, а? За пять сотъ?... А?

— Послѣ, послѣ... — отвертываясь и избѣгая страшныхъ глазъ, скрипѣлъ Гришка.

— Послѣ?! — крикнулъ Оглашенный, и лицо его побагровѣло. — Послѣ?!.. Когда это — послѣ?? — Тамъ пятьсотъ сулилъ, а сюда привезъ, сотню говоришь?!.. Сма-а-три, робенокъ... Я тебѣ не дѣдь!.. — и погрозилъ пальцемъ.

Конго съ Васильемъ удивленно наблюдали происходящее и во все лицо пріятно улыбались, прикрываясь ладонями.

Вошелъ, волоча лисицъ, Унеканъ. Глаза его были хитры и рѣшительны. Онъ пошептался съ тунгусами, указывая пальцемъ на Оглашеннаго, посоветовался съ ними, поспорилъ. Наконецъ, тѣ вразъ отвѣтили ему:

— Добро... | Это ладно...

Тогда Унеканъ подошелъ къ столу, положилъ обѣ шкуры возлѣ Оглашеннаго, и уже тонкимъ, покорнымъ и заискивающимъ голосомъ, сказалъ:

— Вотъ, батюшка... Получай, батюшка... Пасибо, батюшка...

Потомъ тѣмъ же тономъ, спросилъ:

— Ты самый большой въ городу начальникъ, али самый большущій есть?

— Есть, братъ, есть... Тамъ все есть, тамъ не тайга...

— Есть? Добро, — сказала Унеканъ и, подойдя къ Конго съ Васильемъ, подмигнулъ имъ: тогда всѣ трое дружно опустили на колѣни и устремили на Оглашеннаго, какъ на икону въ церкви, полные упованія и мольбы глаза.

Унеканъ теперь твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, держа сложенные на животѣ руки, началъ:

— Судья-батюшка, пиши такой расписка, я толковать буду, ты толкуй большущему, дѣлай милость, толкуй: приказчикъ самый плутъ...

— Плутъ...—испуганно вторили остальные тунгусы.

— Борька самый плутъ есть...

— Плутъ...

— Гришка самый плутъ, борони Богъ какъ... все путаль, все враль... Маленько вовсе обижать, мошенникъ шибка...

Оглашенный захохоталь, поерошилъ себѣ волосы и сказалъ:

— Гришка мошенникъ, дѣдъ, это вѣрно... Онъ, подлець, и меня надулъ...

— Молчи, тварь!! — зашипѣль, брызгая слюной, Гришка, и ударилъ кулакомъ по столу.

Оглашенный едва успѣль открыть ротъ, какъ раздался рѣзкій, словно ударъ косы о камень, голосъ тунгуса:

— Самъ молчи!.. Что больна!.. — подскочивъ вплотную къ Гришкѣ, кричалъ Унеканъ. — Мошенникъ и есть... — Что больна!.. — все громче и громче звенѣль его голосъ, и вздрагивали толстыя губы. — Въ тюрьму сажать нада?!. Самъ, плутъ, сиди... обираль больна, богатъ сталъ больна, всѣхъ тунгусовъ давилъ! Вотъ начальникъ учить тебя будить, Борьку учить будить... Что больна... Плутъ!.. Тащи его судья-батюшка... Пуще тащи!..

— Ха-ха-ха... — дѣланно и зло захохоталь озлившійся Гришка, — дуракъ, ты, старый чортъ, и больше ничего... Судья?!. Это, по-твоему, судья?! На, тебѣ, судью голоштанную, на!!.. — взвился вдругъ и, стиснувъ зубы, вмигъ сорвалъ съ растерявагося было

Оглашеннаго цѣпь, кресты, ленту. — Нна, смотри!!

Вихремъ влетѣла въ избу Маша:

— Бей его, Гришенька, бей! — и влѣпила двѣ звонкія затрешины по жирной щекѣ Оглашеннаго.

Тотъ качнулся, хрюкнулъ и, взревѣвъ медвѣдемъ: — А! .. такъ?! . — опрокинулъ разомъ столъ, и съ страшной силой сгребъ Гришку за горло. — Будешь? .. — насадиво хрипѣлъ Оглашенный, — будешь тунгусовъ обирать?! .

Борька, внѣ себя, кинулся въ защиту брата: — Я тебѣ покажу!! . — и въ кровь расшибъ Оглашенному носъ.

Тотъ, боднувъ головой, выпустилъ Гришку и торчмя такъ ударилъ Борьку въ лобъ, что тотъ, взметнувъ вверхъ руки, побѣждалъ на однихъ пяткахъ задомъ къ двери, стукнулся бокомъ въ печь, отскочилъ, перелетѣлъ черезъ табуретку и докатился по полу до стѣны. Гришка ножъ искалъ, никакъ найти не могъ.

— Я вамъ всѣмъ дамъ пить! .. — вопилъ Оглашенный, мечась по избѣ и вышибая пойманной скамейкой рамы.

— Топоръ, гдѣ топоръ... Топоръ! — кричалъ Борька, держа рукой разбитое лицо. — Зови рабочихъ!! .

Маша визжала, какъ поросенокъ:

— Рѣжутъ, батюшки, рѣжутъ! ..

— Карау-у-ль!! ..

Тунгусы выскакали въ окна, какъ только началась свалка.

— Убѣгай, Конго ... пуще убѣгай! .. — не чуя земли подъ ногами, кричалъ товарищу Унеканъ.

Въ избу ввалились рабочіе.

По тайгѣ разстился поднявшійся съ рѣки туманъ. Храпѣла, отбиваясь отъ гнуса, лошадь и заливались на разные лады переполошенные собаки.

Конго и Унеканъ быстро собрали своихъ восемь оленей, осѣдлали и поѣхали въ обратный путь.

А Василий съ семьей долго еще ходили по темнымъ проваламъ тайги.

— Мо-о-до! мод-мод-модъ... — звенѣли призывные женскіе голоса.

* * *

Спустившись къ водѣ и доѣхавъ до изгиба рѣки, гдѣ тропа взбѣгаетъ на пригорокъ, Конго замѣтилъ просвѣчивавшее сквозь тайгу пламя и игриво взлетавшіе вверхъ надъ лѣсомъ клубы дыма, охваченные свѣтомъ яркаго огня.

— Гляди-гляди! — крикнулъ Унекану, — это чего же такое?..

— Это чего же такое? — и тотъ сказалъ, соскакивая съ оленя.

— Однако, Борька горитъ...

— Кому болѣ-то... Онъ, поди...

Постояли, посмотрѣли, вынули трубки, закурили и пощелкали отъ удивленія языками.

— Машка подожгла... — сказалъ жалобнымъ голосомъ Конго.

А Унеканъ твердо отвѣтилъ:

— Ты еще молодой, чего знаешь... Не Машка, а самъ начальникъ.

Конго, цѣпенѣя отъ удивленія, протяжно посвистать и тронулъ оленя. За нимъ поѣхалъ и старикъ.

Перейдя въ бродъ двѣ рѣки и выбравшись на ровную тропинку, они окончательно пришли въ себя.

Унеканъ ѣдетъ-ѣдетъ, да захихикаетъ, а самъ ничего не говоритъ. Конго ѣдетъ рядомъ, молча, и тоже улыбается, подражая старику.

Унекану нипочемъ, что забылъ тамъ, у дружка, серебряный для Чочакъ поясъ, что потерялъ двѣ дорогія лисьи шкуры: «Богъ опять дастъ». Подвигается впередъ и не знаетъ, куда несетъ его олень, ночь ли, день ли теперь, не чувствуетъ, хотя въ тайгѣ темно. Гдѣ онъ, кто съ нимъ ѣдетъ и что-то говоритъ, кто онъ самъ, живъ или умеръ, сидитъ у костра или видитъ сонъ, — не понимаетъ: весь погрузился въ только что пережитое, такое страшное и необычное, большое и угловатое, которое никакъ не можетъ умѣститься разомъ въ его тунгусской душѣ, чистой и праведной, какъ душа ребенка.

Ѣдетъ Унеканъ, глаза закрыты, губы улыбаются и что-то шепчутъ.

Словно осенній листопадъ, подхваченный порывомъ вѣтра, скачутъ и крутятся передъ нимъ и здоровенный, весь обросшій шерстью, кулачище судьи, и дикій Гришка съ высунутымъ краснымъ языкомъ, и кувыркомъ летящій къ стѣнѣ озорникъ Борька, и семеро рабочихъ, и дѣвка Машка, — весь этотъ кавардакъ то вихремъ вьется передъ смѣющимися закрытыми глазами стараго Унекана, то стелется понизу, сучить локтями, мечется изъ угла въ уголъ и натывается на этотъ страшный, какого еще бѣлый свѣтъ не родилъ, кулачище.

Унекану любо:

— Такъ, судья-батюшка, такъ . . . лупи пуще . . . —

шепчуть, кривясь улыбкой, его губы, душа играет у него и вдруг, будто глухой ударъ въ шаманскій бубень, рокочетъ далекимъ громомъ чей-то голосъ: «Будешь тунгусовъ обирать? ... А? ...»

Старикъ открываетъ глаза, озирается, ищетъ скрывагося за поворотомъ Конго, кричитъ ему:

— Конго, имиткаль ... Имиткалѣ-ё-о-о! ... Дожида-а-й! ...

Подъѣзжаетъ къ нему вплотную и, весь наполненный восторгомъ, глядитъ въ улыбающіеся, лучистые глаза своего молодого друга, потомъ, наслаждаясь смысломъ своихъ словъ и хитро прищелкивая языкомъ, по-русски говоритъ:

— Справедливо обсуждать начальникъ-та ... Борони Богъ, какъ ... шибка правильна ...

— Обсуждать ладна ... — вторить, захлебываясь отъ удовольствія, Конго.

И оба раскатываются гортаннымъ хохотомъ.

1914 г. Мартъ.

К Р А Л Я.

I.

Стоялъ октябрь. Погода направилась свѣжая, тихая. Солнце такъ же ярко свѣтило, но уже не было въ лучахъ его прежней ласки. Бодрящимъ, трезвымъ окомъ созерцало оно слегка застывшую землю. Посѣдѣли травы. Подернулись лужи и болота тонкимъ стекломъ молодого ледка. Опалъ листь на кустахъ и деревьяхъ. Разсвѣты стали туманны, задумчивы утра, тревожно-чутки дни, угрюмы ночи.

А вверху, по поднебесью, лишь выгянетъ солнце, тянулись къ югу длинными колеблющимися углами запоздавшіе журавли, торопясь отъ грядущихъ бурь и непогоды въ теплыя страны, туда, гдѣ солнце еще не состарилось, гдѣ сверкаютъ тихія рѣки да зеленѣютъ мягкіе, бархатистые луга. Летятъ, курлыкаютъ тоскующими голосами. Скорѣй, скорѣй...

Грустятъ ли, покидая сѣверъ, радуются ли, стремясь въ невѣдомыя страны, какъ утадать?

Лишь человѣкъ, прикованный неволей къ землѣ, провозжааетъ ихъ благословляющимъ взоромъ; только щемлящая тоска вдругъ схватить его за сердце, а глаза нѣтъ-нѣтъ да и заволокутся слезой.

И загрузитъ человѣкъ, что нѣтъ у него крыльевъ.

Темнымъ вечеромъ, по шершавой, съ глубокими, застывшими колеями, дорогѣ ѣхали купецъ Аршининъ да еще докторъ Шеръ.

Торопились скорѣй добраться до города, опасаясь, какъ бы не вспыхнуло вновь въ небѣ солнце и не растопило подстывшую грязь.

Сибирскія дороги длинныя — ѣдешь сутки, ѣдешь другія, — третьи, а конца пути все не видать.

Купецъ былъ тучный, разсудительный, выдавшій виды, съ большебородымъ ликомъ и веселыми, чуть-чуть наглыми глазами. Докторъ, худощавый, подвижной и нервный, съ разсѣяннымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ, безбородый.

— Скоро? — рявкнулъ купецъ.

Ямщикъ пощупаль глазами тьму и хрипло отвѣтилъ:

— Кажись, надо быть скоро... Быдто недалече...

И быстро вскинувъ вверхъ руку, онъ браво зыкнулъ:

— Дѣла-а-й!!.

Лошаденки боязливо покосились на кнутъ, проворнѣй засѣменили, и тарантасъ заскакалъ по замерзшимъ комьямъ грязи.

Темень висѣла кругомъ; но вотъ мигнулъ и опять погасъ огонекъ, а за нимъ мигнулъ другой, мигнулъ третій...

— Деревня?...

— Она самая...

Всѣмъ вдругъ стало весело.

Докторъ закурилъ папиросу, а купецъ сказалъ:

— Жарь на земскую...

Когда лошади поплелись тише, ямщикъ обернулся къ сѣдокамъ:

— Охъ, тамъ и краля есть... Солдаточка...

Докторъ торопливо затянулся папирской, улыбнулся самому себѣ и переспросилъ:

— Краля?...

— И-и-и... прямо медъ...

Купецъ икнулъ на ухабѣ и сказалъ чуть-чуть насмѣшливо, обратясь къ доктору:

— Вотъ бы вамъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ, въ экономочки кралю-то подсортовать... А?... Хе-хе-хе... Вы **вотъ** все ищете подходящаго резону, да на путную **нататься** не можете...

Докторъ не отвѣтилъ.

— Вѣдь жениться на барышнѣ не думаешь? — спросилъ купецъ, — переходя вдругъ на «ты»: съ нимъ случалось это часто.

— Ну, вотъ... Да оно и лучше... Возьми-ка, братъ, крестьяночку... На подходящую натакаешься — какъ собака, привяжется... Чего тебѣ — кровь здорвая, щеки румяныя... Хе-хе-хе... Слышите?

И дѣловито добавилъ:

— Только надо поприглядѣться — какъ бы не тово... не этово...

Опять не отвѣтилъ докторъ.

— А звать ее Авдокея Ивановна, — сказалъ ямщикъ, видимо, прислушиваясь однимъ ухомъ къ разговору и, ошпаривъ тройку кнутомъ, вновь гикнулъ не своимъ голосомъ:

— Дѣ-ѣ-лай!!.

Лошади птицами взлетѣли на пригорокъ, спустились, опять взлетѣли и, врѣзавшись въ улицу села, по-

неслись по гладкой, словно выстланной дорогѣ. У церкви сиротливо мерцалъ одинокій фонарь, да еще зданіе школы свѣтилось огнями. Было часовъ восемь вечера.

— А вотъ и земская...

Къ подъѣхавшей тройкѣ подбѣжалъ дежурный десятскій съ фонаремъ въ рукахъ и, снявъ шапку, спросилъ:

— Лошадокъ прикажете, али какъ?..

Фонарь бросалъ дрожащіе снопы свѣта на перекосившееся крыльцо земской, на курившихся паромъ лошадей. Подошли два-три мужика да собачонка.

— Вноси въ избу всю стремлюндію, — сказалъ купецъ, — куда въ этаку пору ѣхать?..

— Куды тутъ, — радостно, всѣ въ разъ, заговорили мужики: — ишь, кака темень... Ха!.. ты ушлеть?..

И весело засуетились возлѣ тройки.

II.

Въ земской было тепло, пахло кислой капустой, печенымъ хлѣбомъ и сыростью отъ неумытого еще пола. Пламя сальнаго огарка, стоявшаго на лавкѣ, всколыхнулось, когда Аршинины крикнулъ, хлопнувъ дверью, и заиграло мутнымъ колеблющимся свѣтомъ по оголеннымъ до колѣнъ ногамъ ползавшихъ на че-

тверенькахъ двухъ женщинъ, по ихъ розовымъ рубашамъ и мокрымъ юбкамъ, по сваленнымъ въ кучу половикамъ, столамъ и стульямъ и стоявшимъ на полу цвѣтамъ герани.

Женщины поднялись съ полу, бросили мочалки и одернули торопливо подолаы.

Купецъ размашисто перекрестился на образа:

— Ну, здравствуйте-ка...

— Здрасте, здрасте... — вразъ отвѣтили обѣ.

А одна, постатнѣй да попроворнѣй, привѣтливо метнула карими глазами и молвила лѣвучимъ, серебристымъ голосомъ, отъ звуковъ котораго чуть дрогнуло сердце доктора, а пламя свѣчи насмѣшливо колыхнулось.

— Вотъ пожалуйста въ ту половину, тамъ прибрано...

И стояла молча, играя глазами.

Купецъ прошелъ какъ-то бокомъ, на цыпочкахъ неся въ рукахъ чемоданъ, а докторъ стоялъ столбомъ и мѣрять съ ногъ до головы женщину.

— Вы не Евдокія Ивановна? — спросилъ онъ.

— Да... Она самая... А вы откуда знаете?..

Купецъ высунулъ изъ двери бороду:

— Тебя-то? Авдокею-то Ивановну не знать?... Да про тебя въ Москвѣ въ лапти звонять... Ха-хъ ты, милая моя...

— Милая, да не твоя...

— Ну, ладно... Давай-ка, Дунюшка, самоварчикъ... Сваргань, братъ, душеньку чайкомъ ополоснуть...

— Чичась...

И пошла, ступая твердо и игриво, къ двери.

Босая, съ еле прикрытой грудью, съ двумя большими, черными косами, смуглая и зардѣвшаяся, — вся она, вся свѣжая и радостная, казалось, опьяняла избу тревожнымъ желаніемъ, зажигала кровь и дурманила сердце.

Купецъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ плотоядными, масляными глазами:

— Охъ, навожденіе... Ишь, толстопятая, вся ходуномъ ходитъ...

И пошелъ къ чемодану, бубня себѣ въ бороду:

— Охъ и я-а-адъ баба... Ядъ!..

Доктора бросило въ жаръ.

Толстая, вся заплывшая жиромъ, баба летала проворно по избѣ, разставляя столы и стулья.

— Подъ въ ту комнату, я половики раскину...

Докторъ очнулся и пошелъ на улицу вслѣдъ за Дуней, а тетка полѣзла на печку.

Купецъ, утративъ на время благочестивый обликъ, подползъ къ ней сзади и, ради перваго знакомства, хлопнулъ по широкой спинѣ ладонью.

Зардѣлась баба, улынулась и, погрозивъ кулакомъ, сказала, скаля бѣлые, какъ сахаръ, зубы:

— А ты проворенъ, Богъ съ тобой... Ерзокъ на руку-то.

Купецъ хихикнулъ, тряхнулъ бородой и, почесавъ за ухомъ, сокрушенно отвѣтилъ:

— Есть тотъ грѣхъ, кума... Есть!...

Онъ, крадучись, щипнулъ ее за ногу и, прищелкнувъ языкомъ, прошепталъ:

— Кума, ей кума... Слышь-ка...

— Ну, чо надо? — сбрасывая половики, задорно спросила баба.

— Слышь-ка, что шепну тебѣ.

Она неуклюже повернулась къ нему, свѣсивъ голову. Онъ обнялъ ее за шею и шепнулъ.

Вывалась, плюнула, захохотала.

— Чтобъ те борода отсохла... Тьфу!..

— Вотъ те и борода... Стой-ка ужо...

Вошелъ докторъ, весь радостный. Купецъ отскочилъ быстро прочь, степенно прошелся по комнатѣ, взглянулъ украдкой на иконы и тяжело вздохнулъ. Лицо опять сдѣлалось постнымъ, набожнымъ.

А баба слѣзла съ печи и пошла, почесывая за пазухой, къ двери, брюзжа на ходу притворно-строгимъ голосомъ:

— Ишь, долгобородый, оха-а-льникъ какой... Право...

Докторъ быстро, взадъ-впередъ, бѣгалъ по комнатѣ, улыбался, выхватывая изъ жилета часы, открывалъ крышку, безцѣльно скользилъ по нимъ взглядомъ, совалъ въ карманъ, чтобъ чрезъ минуту вытащить вновь. И никакъ не могъ сообразить, который теперь часъ.

Купецъ, сидя подъ образами, въ углу, наблюдалъ доктора, а потомъ плутовато подмигнулъ ему и, раскотившись чуть слышнымъ смѣшкомъ, долго грозилъ скрюченнымъ пальцемъ.

— Докторъ, а докторъ, знаешь что?

— Ну?

Купецъ еще плутоватѣй подмигнулъ:

— А вѣдь у тебя на ликѣ-то... хе-хе... выраженіе...

— Вотъ это мнѣ нравится... Ну, а дальше?..

И опять забѣгалъ, то и дѣло выхватывая изъ жилета часы и улыбаясь сладкимъ мечтамъ.

III.

Когда на столъ появился большой самоваръ, миска меду и шаньги, купецъ съ докторомъ усѣлись пить чай. Оба они частенько прикладывались къ бутылкѣ съ коньякомъ.

Отворилась дверь, и легкой поступью, поскрипывая новыми полусапожками, вошла Дуня.

— Дунюшка-а-а... родименькая-а-а... иди-ка выпей чайку съ лимончикомъ, — обрадовался купецъ.

— Кушайте... Куды намъ съ лимономъ: мы и морщиться-то путемъ не умѣемъ...

И прошла въ маленькую комнатку, гдѣ лежали вещи проѣзжающихъ.

Въ комнаткѣ былъ полумракъ. Дуня что-то передвигала тамъ съ мѣста на мѣсто, лазила въ шкафъ, бренчала посудой.

Чувствовалось, что она томится ожиданіемъ.

Купецъ шепнулъ, хлопая доктора по плечу:

— Иди-ка, иди... Потолкуй...

И опять подмигнулъ смѣющимся глазомъ.

Тотъ улыбнулся и, поднявшись, пошелъ въ комнату, гдѣ Дуня звякнула замкомъ сундука.

Купецъ пилъ рюмку за рюмкой, заѣдая шаньгами и солеными огурцами.

До слуха его долетали обрывки фразъ:

— Евдокія Ивановна ... — говорилъ докторъ, и голосъ его дрожаль.

— Вы не цѣните красоту свою ... Ваши глаза ... брови ...

— А какой толкъ въ нихъ? .. ,

— Вы любите мужа, солдата?

— А гдѣ онъ? .. Нѣтъ, не шибко люблю ... Не скучаю ...

А потомъ раздался тихій вздохъ, за нимъ другой, и тихій-тихий шопоть ...

— Пусты ... такъ не хорошо ... не на-а-до, не надо ...

— Дуня, милая ...

Купецъ выразительно крикнулъ, и прохрипѣлъ пьянымъ голосомъ:

— Такъ-такъ-такъ ... Хи-хи ...

Докторъ вышелъ, весь встревоженный, опустилсѣ возлѣ купца и сидѣлъ молча, закрывъ лицо руками.

— Вотъ что, господа проѣзжающіе, — сказала вдругъ появившаяся Дуня и, поправляя волосы, добавила:

— Вы, тово ... лучше бы выбрались изъ той горницы вотъ сюда. Кажись, нонѣ урядникъ должонъ прибыть со старшиной ...

— Урядникъ? .. Ха-ха ... Эка невидаль ... Урядникъ ... Подумаешь ... — брюзжалъ купецъ и, подавая рюмку, сказалъ:

— На-ка, красавица, выпей ... Окати сердечушко ... Садись-ка вотъ такъ ... Вотъ чайку пожалуйте ...

Жеманься, выпила она вино и утерла губы краемъ голубой, свободной кофточки, изъ-подъ которой блеснула свѣжая рубаха. А потомъ сѣла и заиграла глазами.

Докторъ, овладѣвъ собой, тихо спросилъ:

— Такъ поѣдешь, Дуня?

У нея чуть дрогнула тонкая лѣвая бровь.

— Пустое вы все толкуете... Развѣ вы можете насъ, мужичекъ, полюбить?..

Она сложила малиновыя губы въ насмѣшливую гримасу и молчала.

— Овдотья, эй, Овдотья! иди, слышь, въ баню, штоль!.. — проскрипѣлъ изъ сѣней старушечій голосъ.

— Иду, бабушка, иду, — торопливо отвѣтила Дуня.

И, обратясь къ доктору, сказала тихо, словно пѣсню запѣла:

— И поѣхала бы къ тебѣ, и полюбила бы, да боюсь, брошишь...

Купецъ отвѣтилъ за доктора:

— Мы не изъ такихъ, чтобы... Наше слово — олово... Обману нѣтъ...

— И вѣрной бы была тебѣ по гробъ, да вижу, смѣешься ты...

Докторъ потянулся къ Дунѣ съ лаской:

— Милая ты моя, чистая...

Та встрепенулась, вскочила:

— Не трогъ... не твоя еще, — и сверкнула огоньками своихъ лучистыхъ карихъ глазъ.

Купецъ уставился удивленно въ чуть насмѣшливое лицо Дуни, стараясь понять, что у нея въ сердцѣ.

Дуня пошла легкой поступью къ двери, а докторъ, — видно, хмѣль въ головѣ заходилъ, — нахмурилъ вдругъ брови и тяжело оперся о край стола:

— Постой!.. Слушай, Дуня... А любовникъ есть?.. Любишь кого?..

Та вздрогнула, повернулась и, держась за скобку, гнѣвно крикнула:

— А тебѣ какое дѣло!.. Ты кто мнѣ — мужъ?..

Она вышла, хлопнувъ дверью. Черезъ мгновеніе чуть пріоткрыла дверь и голосомъ мягкимъ, съ оттѣнкомъ грусти, сказала:

— Кабы былъ кто у меня, неужели стала бы языкомъ трепать? Ни сномъ, ни духомъ не виновата.

IV.

Когда купецъ былъ совершенно пьянъ, а докторъ въ полугарѣ, въ комнату быстро вкатилась толстая баба: — Урядникъ... — она влетѣла въ сосѣдную каморку и стала выносить вещи путниковъ: — Ужъ вы здѣсь, ужъ здѣсь, господа проѣзжающіе... Я вотъ тутъ постелю... Ужъ, извините...

Купецъ, ничего не понимая, мычалъ, а докторъ разсѣянно поглядывалъ на носившуюся изъ комнаты въ комнату, какъ угорѣлую, бабу.

Но вотъ распахнулись сѣни, и сначала вбѣжалъ безъ шапки рыжій мужиченко съ испуганнымъ лицомъ и бляхой на сѣромъ зипунѣ, а за нимъ ввалилось какое-то чудище необъятныхъ размѣровъ, съ пьянымъ, одутловатымъ, лохматымъ лицомъ, съ мутными, косыми, на выкатѣ, глазами.

Впереди, семеня ногами, суетился десятскій:

— Ваше благородіе, вотъ сюда...

За нимъ — осанистый чернобородый крестьянинъ, со строгимъ, хмурымъ лицомъ.

— Ннда... нда-а-а... Ха-ха! тоже птица ничего себѣ... Урядникъ... — заплетающимся языкомъ бормоталъ купецъ — Эй, ты, докторъ, понимаешь?... Уррядникъ... Можешь ты своей ученой башкой понять? А?

Урядникъ, услыхавъ купца, появился въ дверяхъ своей комнаты и, держась за косяки, обиженно сказалъ:

— У меня, господа, дѣло, примите къ свѣдѣнію: убійство въ волости; надо допросъ снимать... такъ что... маленькую комнату мнѣ. Покорнѣйше прошу...

У купца, когда онъ выпивалъ лишнее, голосъ становился пискливымъ, а временами срывался на низкія ноты. Исподлобья посматривая на урядника и тебѣ себѣ бороду, онъ задирчиво сказалъ:

— Бери-бери-бери!.. получай на здоровье... свою комнату... съ периной... съ двуспальной... Хе-хе... Ннда-а... Ты человѣкъ козырный... А мы что... мы — людишки маленькіе, тварь проѣзжающая разная... Докторишка какой-то, да купчишка паршивый, соборный староста, напримѣръ, съ позволенія сказать... Хе-хе... Эка невидаль...

— Что-съ?

— Я тебѣ дамъ — что-съ! — стукнулъ купецъ кулакомъ въ столъ и, грузно шевельнувшись, какъ куль, шлепнулся на полъ.

— Ого! вотъ какъ... — бормоталъ онъ, барахтаясь межъ столомъ и лавкой, — господинъ докторъ...

врачъ... Эй, гдѣ ты? Подсоби ка... А на Дуньку плюнь. Плюнь, не подходяще. Чи-и-стая... Солдатка-то, Дунька-то? Она те оплететь, какъ пить дать. Дурракъ.

Урядникъ крякнулъ, покосился свирѣпо на доктора и съ трескомъ захлопнулъ дверь.

Купецъ доползъ до брошеннаго въ уголъ постельника, а докторъ забѣгалъ — руки въ карманъ — по комнатѣ и, остановившись возлѣ лежавшаго пластомъ купца, прошипѣлъ:

— Я вамъ не дуракъ! Вы пьяны! О Дунѣ же прошу такъ не выражаться... Слышите?... — и опять забѣгалъ.

А купецъ, приоткрывъ одинъ глазъ, засыпая, мямлилъ:

— Дуррракъ... Семь разовъ дуракъ...

V.

Купецъ спалъ, задравъ вверхъ бороду и посвистывая носомъ.

Въ переднемъ углу, на полочкѣ, стоялъ большой мѣдный крестъ да два мѣдныхъ складня, поддѣланныхъ подъ старину, съ безобразно отлитыми фигурами святыхъ. Тутъ же, на гвоздикѣ, висѣли ременныя лѣстовки, а на полкѣ, возлѣ креста и складней, стояла мѣдная, въ видѣ кадила, посуда для ладана.

«Народъ набожный», — подумалъ, разсматривая, докторъ, и ему было пріятно, что Дуня живетъ въ такой строгой, религіозной обстановкѣ.

— Должно быть, кержаки.

По комнатѣ то и дѣло проходили къ уряднику и обратно какія-то фигуры не то мужиковъ, не то бабъ — докторъ не обращалъ вниманія, — а изъ полуоткрытыхъ дверей доносилось:

— Онъ к-э-экъ его тарарахнеть... Да кэкъ надасть...

— Трезвый?..

— Какò тверёзый... Кабы тверёзый былъ, нешто саданулъ бы ножомъ въ божъ...

Затѣмъ слышался старческій кашель и глубокій вздохъ:

— Охъ, грѣхъ-грѣхъ...

Докторъ взглянулъ въ зеркало и не узналъ себя: лицо было красное, возбужденное, а мускулъ надъ правымъ глазомъ подергивался, что бывало каждый разъ, когда онъ волновался.

— Ты у меня не финти, сукинъ сынъ!.. — вдругъ заревѣлъ урядникъ.

— Ваше благородіе, Господи... Да неужто жъ я смѣлъ бы?.. Что ты, что ты... Пожалѣй старика... Ба-а-т-ю-ю-шка-а...

— Я тебя пожалѣю... Вотъ, я тебя пожалѣю...

Шелъ судъ и расправа, а купецъ храпѣлъ на всю избу и охалъ, да тоскливо попискивалъ самоваръ.

Докторъ надѣлъ пальто и вышелъ на улицу. Въ вискахъ его стучало. На душѣ ползало что-то, похожее на тревогу, и кралась къ сердцу грусть.

Вотъ онъ тутъ сядетъ и подождетъ Дуню. Онъ

скажетъ ей много хорошихъ словъ, ласковыхъ и сердечныхъ. Можетъ — пойметъ его, можетъ — дастъ ему счастье, надежду на хорошую, радостную жизнь.

Онъ сѣлъ на приступкахъ покосившагося крыльца и, обхвативъ колѣни, вглядывался въ тьму звѣздной ночи.

Ночь была тихая, ядреная.

На горѣ, за селомъ, колыхалось пожарище. Видно было, какъ клубились космы изжелта-сѣраго дыма, а искры вились и уносились къ темнымъ небесамъ.

Гдѣ-то далеко-далеко заревѣли коровы да прогротала по мерзлой дорогѣ телѣга. И опять тишина.

За воротами слышался чей-то разговоръ.

Выйдя на улицу, докторъ увидалъ трехъ мужиковъ.

— Что, пожаръ?

— Да... — отвѣтили всѣ вдругъ: — рига у крестьянина горитъ...

— Не опасно?

— Нѣтъ... далече... такъ что за селомъ... А окромя того — тихо.

Еще что-то говорили, спрашивали его. Онъ отвѣчалъ и самъ какъ будто спрашивалъ. Но все это: и разговоры, и зарево пожара — плыло мимо его сознанія.

Онъ пошелъ во дворъ и опустился на приступки крыльца. Тоскливо стало.

— А что, Евдокія Ивановна не вернулась изъ бани?

— Поди, нѣтъ еще... А тебѣ пошто?

Докторъ не зналъ, что отвѣтить старухѣ.

— Да я такъ, собственно... Хотѣлъ самоварчикъ попросить...

— Ну-къ, я чичасъ.

Онъ курилъ папиросу за папиросой, и думаль:

Чортъ знаетъ... Какъ это такъ, сразу... Стра-а-нно... Это водка... все водка надѣлала. Пьянъ...

«Водка?» прозвучало въ ушахъ. «Водка ли?»

Вдругъ выплыли изъ тьмы чьи-то родные, ласковые глаза, поманили, усмѣхнулись, прильнули вплотную, смотреть

«Что, любишь?»

Отмахнулся рукою. Замолкло, спряталось, притаилось.

Волна за волной шли мысли, то робкія и расплывчатые, то дерзкія и неотразимо влекуція.

Вотъ возьметъ Дуню, красавицу, какихъ нѣтъ въ городѣ. Привяжетъ ее къ себѣ лаской, умомъ. Привьетъ ей любовь къ знанію, и заживетъ тихой-тихой, хорошей жизнью. Можетъ быть, уйдетъ въ деревню.

— Да, да... въ деревню, — думаль онъ вслухъ... — Понесу туда свѣтъ, знаніе... помощь... А если... А вдругъ...

Онъ не кончилъ, не хотѣлъ кончать: боялся.

Пожаръ на горѣ затихаль.

— Дуня, дорогая моя...

Вотъ скатилась съ неба звѣзда и, вспыхнувъ, исчезла въ синемъ мракѣ неба.

— Сорвалась звѣздочка... А я пьянъ... И не идетъ Дуня... Краля?... Ты говоришь краля?... Допустимъ... — бормоталь, потягиваясь, докторъ.

Подошла собака, поласкалась, лизнула въ лицо и ушла.

Выплывали откуда-то звуки гармошки и пѣсня. Прислушался докторъ:

— Должно быть, рекруты...

Голосъ выводилъ, а ему подъ визгъ гармошки, подгавкивали два, либо три другихъ голоса:

Какъ во нашемъ во бору,
Тамъ горитъ лампадка:
Неполюбить-ли меня
Здѣшняя солдатка...

Залаляли собаки, набрасываясь съ остервенѣніемъ. Хлопнули ворота. Раздались ругань и крикъ. А затѣмъ большой камень, очевидно, пущенный въ собаку, ударилъ въ заплоть. И опять ругань. И опять пьяная пѣсня да лай собакъ.

— Что пригорюнился? спать пора...

— Дуня!.. — встрепенулся докторъ. И, приподнявшись, обнялъ ее, теплую, пахнущую свѣжимъ вѣникомъ.

— Сядь... посидимъ...

— Да некогда... право... Пусти.

— Сядь, поговоримъ...

— Нѣтъ, пусти... некогда...

Однако, сѣла, склонила голову къ его плечу и заглянула въ глаза.

— Вотъ я хотѣлъ сказать тебѣ, — началъ докторъ, чувствуя, какъ дрожь овладѣла имъ, и какъ стучать отъ волненія зубы. — Хотѣлъ сказать, что полюбилъ тебя горячо...

— Горячо-о-о?.. Не обожги, смотри...

Она засмѣялась тихимъ серебристымъ смѣхомъ...

— Хочешь ли, я возьму тебя съ собой? Ты будешь моей подругой. Я покажу тебѣ хорошую жизнь... Хочешь?

— Охъ, мутишь ты меня, баринъ... И зачѣмъ тебя нелѣгкая принесла сюда?..

— Я тебя люблю... Приворожила, что ль, ты меня?

— Въ куфарки зовешь, али какъ? Поди, жена, али зазноба есть?

— Нѣту, Дуня, нѣту... Никогда, никто...

Докторъ опустилъ голову.

— Ахъ, бѣдный ты мой, бѣдный... Дай пожалуйста. — Она высвободила руку изъ-подъ накинутой на плечи шубы и стала нѣжно гладить его лицо.

— Одинъ... какъ сычъ... столько лѣтъ безъ любви, безъ ласки... Ахъ, какъ тяжело...

А Дуня ласково, нараспѣвъ, говорила, обнимая доктора:

— Милый ты мо-о-й... ребеночекъ моо--ой... Дака-сь поцѣлую тебя.

Вдругъ скрипнула дверь: кто-то поставилъ на полъ ведра и сталъ шарить по стѣнѣ.

Дуня шмыгнула на улицу и притаилась, припавъ къ стѣнѣ крыльца.

Докторъ сидѣлъ молча, не двигаясь, словно боясь спугнуть сладостный сонъ.

Опять скрипнула дверь: закрикалъ кто-то, икнулъ, завозилсѣ, а затѣмъ изъ темноты сѣней раздался старушечій шепелявый окрикъ:

— Ай!.. Кто тутъ!.. Ты што-йто хваташь?!.

— Да это я... Саквояжъ ищу... Чемоданъ...

Дуня прыснула, узнавъ голосъ купца, и плотнѣй запахнула въ шубу.

— Чиквая-а-нъ?... Я те такой чикваянъ покажу... Язви те!.. Ишь, облапилъ...

— Это ты, бабушка?.. — хрипѣлъ купецъ.

— А тебѣ ково?.. Грѣхо-во-о-дникъ...

Дуня давилась отъ смѣха. Купецъ пошелъ къ выходу, а старуха все еще шепелявила ему вдогонку:

— Чикваданъ... ишь ты, чего захотѣлъ... какой такой тутъ чикваданъ про тебя dospѣлся... Тыфу!..

Купецъ наткнулся на доктора:

— Кто тутъ?.. Ахъ, это ты?.. мечтаніямъ предаешься?.. Ну, ладно, мечтай, мечтай... О чистой... хе-хе.

И онъ полѣзъ по ступенькамъ, держась за поручни.

Дуня скользнула въ сѣни, но докторъ настигъ ее, распахнулъ ей шубу и жарко цѣловалъ шею, губы, грудь, угорѣвъ отъ страсти.

— Пусти, — молила его, — пусти...

— Не могу...

— Пусти... ну, пусти.

А уходя, бросила:

— Я приду къ тебѣ...

— Дуня-я-а...

— Родной мой... желанный...

VI.

Самоваръ опять попыхиваль на столѣ, и поставленный на камфорку чайникъ недовольно стучаль крышкой.

Было часовъ десять вечера. Допросъ все еще продолжался:

— По первоначалу онъ его въ зубы съѣздиль, а опосля того въ зашей, значить... въ лёнь.

— Въ лёнь?..

— Въ лёнь, въ лёнь...

— Та-а-къ...

Купецъ, лежа на полу, что-то бредиль, стональ, ругался.

По избѣ ходила толстая баба, вся красная, лазила на печь, заглядывала въ шкапъ.

Купецъ вдругъ быстро-быстро заработаль во снѣ ногами, точно стараясь отъ кого убѣжать, потомъ вздрогнуль, припрыгнуль на постельникѣ всѣмъ тѣломъ, открыль глаза и гаркнуль:

— Карауль!.. Ксы!

Баба кинулась къ нему и, припавъ на колѣни, прошипѣла:

— Тшшш... Чтобъ тебя притка задавила. Это котъ... Брысь!

— То-ись, какъ котъ?..

— А я почемъ знаю, то-ись какъ... котъ да и котъ... Спи-ка знай...

— Боднулъ кто-то . . .

Купецъ сейчасъ же захрапѣлъ, обхвативъ руками голову.

Докторъ цѣлый часъ бродилъ по деревнѣ, погруженный въ думы. Онъ замѣтно охмѣлѣлъ. Ему хотѣлось спать, и глаза его, утомленные, стали слипаться. Онъ, придя въ земскую, сѣлъ къ столу и налилъ стаканъ чернаго, какъ деготь, чаю. Вскорѣ явилась и Дуня.

Она несмѣло подошла къ полуотворенной двери и спросила:

— Вамъ, господинъ урядникъ, чайку не прикажете? . .

— Убирайся! . . Некогда! . . — послышался злой, грубый окрикъ.

Дуня съ омерзѣніемъ взглянула на жирный, ползущій на воротникъ загривокъ, торчащіе изъ за одутловатыхъ щекъ усы и оттопыренные уши.

— Лѣшій . . . каторжникъ . . . — сдвинувъ брови, бросила она шипящимъ, придушеннымъ голосомъ и тихо пошла къ двери.

— Евдокія Ивановна! — ласково позвалъ докторъ.

— Ну, что?

Онъ поманилъ ее и придвинулъ табуретку.

Дуня улыбнулась, смахнула слезы, выпрямилась вся и, не подходя къ столу, издали переговаривалась тихо съ докторомъ.

Онъ разъ и другой пытался подойти къ Дунѣ, но она испуганно грозила ему пальцемъ, пятилась къ двери, кивая глазами въ сторону урядника.

— Почему, Дуня? — удивленно шепчетъ докторъ.

— Охъ, боюсь я его, окаяннаго... — ея лицо покрылось страданіемъ, а межъ крутыхъ бровей легла морщина. — Звѣрь... Прямо звѣрь...

— Но почему? — еще удивленнѣй шепчетъ докторъ.

Дуня мнется, хруститъ пальцами рукъ, взглядываетъ смущенно на доктора и говоритъ, всхлиывая и проглатывая слова:

— Охъ! не спрашивай ты меня, Христа ради. Услышать — убьетъ...

Докторъ вздохнулъ и выпилъ водки. А Дуня шептала:

— Прямо Иродъ, а не человѣкъ... Всѣхъ заѣздилъ... Всѣхъ слопаль... Жену, варнакъ, въ гробъ вогналъ; робятъ изъ дому выгналъ... Охъ-ти-мнѣшеньки... Змѣй подколодной къ мужикамъ присо-сался, кровушку-то изъ насъ всю, какъ пѣявица, выпилъ... А куда пойдешь, кому скажешь — неизвѣстно... Охъ, бѣда-бѣда...

Докторъ подозрительно смотритъ на Дуню, хмурится.

Но та, какъ солнце изъ-за облака, вдругъ засіяла вся улыбкой, сверкнула радостно глазами, подбоченилась и, тряхнувъ бусами, гордо откинула голову:

— Вотъ бери, коли любя!.. Не гляди, что криво повязана; полюблю — въ глазахъ потемнѣетъ...

Докторъ, счастливый и взволнованный, все забывъ: манитъ къ себѣ Дуню, говоритъ ей:

— Вотъ завтра, любочка моя... вотъ уѣдемъ завтра...

— А не погубишь?... — она стоитъ, улыбается, того гляди смѣхомъ радостнымъ прыснетъ. — Ну, смотри,

баринъ... — задорно погрозила она пальцемъ, а въ карихъ глазахъ лукавые огоньки забѣгали.

Незамѣтно уходило время, а Дуня все еще говорила съ докторомъ. Давно погасъ самоваръ, кончился допросъ, затихла деревня вмѣстѣ съ собаками, пѣсней, пожарищемъ, только тутъ двое любовно бесѣдовали да строчилъ протоколы урядникъ.

— Подожди денечекъ... Ну, подожди... — вся въ счастье и радости проситъ Дуня.

— Что жъ ждать-то?

— Надо, соколикъ мой, надо... Потерпи; навѣки твоя буду... — влагая въ слова всю любовь и нѣжность, шепчетъ она и вдругъ, съ тревогой:

— Ты крѣпко спишь?

— А что?

Лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, въ глазахъ мелькнулъ страхъ, но чрезъ мгновеніе все прошло.

Еще нѣжнѣе и радостнѣе, издали цѣлуя его, едва слышно сказала:

— Приду... на зорькѣ... милый...

— Что? — какъ камень въ воду, бухнулъ внезапно появившійся урядникъ. — Что?!

Дуня побѣлѣла.

Онъ посмотрѣлъ тупымъ, раскосымъ взглядомъ сначала на Дуню, потомъ на доктора.

— Вы огурчиковъ приказывали? — растерянно спросила Дуня доктора. — Чичась, — и скрылась.

Докторъ удивленно поглядѣлъ ей вслѣдъ: такимъ обычнымъ и земнымъ показался ему голосъ чародѣйки Дуни.

Урядникъ круто повернулся и пошелъ на свое мѣсто, оставивъ открытой дверь.

Докторъ, посидѣвъ немного, разулся и сталъ укладываться спать возлѣ купца. Сразу, какъ погасилъ лампу, комнату окутала тьма, но скоро сталъ видимымъ лунный свѣтъ, лившійся черезъ окна съ улицы. Хмельной утаръ все еще ходилъ въ головѣ доктора, и, въ предчувствіи чего-то неизвѣданнаго, замирало сердце. Когда онъ ложился, хотѣлось спать, а легъ — ушелъ сонъ, а на смѣну ему явились думы.

Онъ лежитъ, вспоминаетъ и улыбается. Радостно ему, что Дуня стала его подругой, что за солдата выдали ее силой, что никого не любила и не любить она, кромѣ него: такъ сказала ему Дуня. Лежитъ, удивляется: скоро, какъ въ сказкѣ. И это очень хорошо: такіе вопросы надо рѣшать сердцемъ. Вотъ завтра утромъ встанутъ, напьются чаю и уѣдутъ съ ней въ городъ. А потомъ докторъ выпишетъ себѣ изъ деревни старуху-мать, такую же крестьянку, работающую, простую, какъ и его Дуня. И тогда всѣ трое заживутъ вмѣстѣ. Эхъ, хорошо! Онъ лежитъ съ открытыми глазами, спать не хочется, голова идетъ кругомъ.

Изъ комнаты урядника выступила желтая полоса свѣта, и въ ея ласково-сонныхъ лучахъ вдругъ стало оживать висѣвшее на стѣнѣ полотенце. Откуда-то взялись руки, грудь, голова съ черными глазами, все это дрогнуло и зашевелилось.

— Да вѣдь это Дуня!—радостно удивился докторъ и, съ досадойвзглянуль на полуоткрытую къ уряднику дверь.

Перо скрипѣло въ рукахъ урядника. Вотъ оторвался онъ отъ стола, сжалъ кулаки, потянулся всѣмъ жирнымъ тѣломъ, зѣвнулъ и, по-медвѣжьи, рывкнулъ.

Бѣлое видѣніе исчезло, словно испугавшаяся выстрѣла птица.

— Тьфу!—сказалъ докторъ и перевернулся на бокъ.

Было тихо. Только слышалось, какъ, капля по капль, падала въ лоханку вода изъ мѣднаго ручейника.

«Буль... буль... буль...».

Раздались удары въ колоколь. Плыли они тихо, раздѣленные большими промежутками времени и, казалось, засыпали по дорогѣ тихимъ сномъ.

Просчитавъ пять ударовъ, докторъ забылся, и ему притрезилось, не то во снѣ, не то наяву, какъ урядникъ вскочилъ со стула, подползъ на четверенькахъ къ полотенцу, зацѣпилъ имъ за ввинченный въ потолокъ крюкъ, и, сдѣлавъ на полотенцѣ петлю, повѣсился. Но, вбѣжавшая во всемъ красномъ, Дуня, ахнула и быстро перестригла петлю. Урядникъ всей тушей упалъ на доктора. Тотъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Сонъ. Колоколь еще раза три ударилъ и замолкъ. На докторѣ лежала тяжелая, отекаящая рука купца. Онъ сбросилъ съ себя омертвѣвшую руку и отодвинулся на край постельника.

Купецъ завозился, перевернулся на другой бокъ и что-то забормоталъ, а потомъ отчетливо произнесъ:

— Ядъ-баба... Ядъ!..

Запѣлъ пѣтухъ, гдѣ-то близко, въ сѣнцахъ, за нимъ другой-третій.

— Вотъ приду... Охъ, желанный мой... — сквозь сонъ слышитъ докторъ.

Притаился. слушаетъ, незамѣтно засыпая.

— Охъ, сладко поцѣлую... Обожгу тебя... О-о-о-хъ...

Онъ слушаетъ, улыбается и засыпаетъ все крѣпче.

VII.

Долго ль проспалъ докторъ, неизвѣстно, но встрепенулся, когда кто-то хватилъ его, словно шиломъ въ бокъ. Вздрогнувъ, протеръ глаза.

Дверь въ комнату урядника была почти закрыта, оставалась лишь не широкая, въ ладонь, щель.

Докторъ взглянулъ и обмеръ. Протеръ глаза, смотрить... Опять протеръ, приподнялся. Глядитъ и не вѣрить тому, что видитъ...

— Неужто?

Онъ ползеть тихо къ двери, прячется въ тѣнь и широко открытыми глазами впивается въ жирную копну урядника и сидящую у него на колѣняхъ, въ одной рубашкѣ, Дуню.

— Вотъ это шту-у-ука!.. — тянетъ докторъ и слышитъ, какъ бьется его сердце, да капли, одна за другой, падая въ лохань, булькаютъ и насмѣшливо рассыпаются въ обманчивой тишинѣ ночи.

Дуня обвила оголенной рукой толстую шею урядника, гладитъ его волосы, что-то шепчетъ и улыбается лукаво и ласково.

Урядникъ хохочетъ неслышно, и его животъ, подпрыгивая, колышется въ тактъ смѣху, а вмѣстѣ съ нимъ колышется и Дуня, вся стройная, свѣжая, въ розовой рубашкѣ.

— Два съ полтиной, два съ полтиной... нѣтъ, врешь... — бредить скороговоркой купецъ и, застоявъ, добавляетъ убѣжденно:

— Еще успѣешь угорѣть-то...

Докторъ испугался, поползъ было назадъ, но раздумалъ.

Дуня встала, заслонивъ собой свѣтъ лампы, и черезъ рубаху трепетно сквозило ея красивое тѣло. Закинувъ руки за голову, она потянулась лѣниво-страстнымъ порывомъ, привставъ на носки, а чудище облапилъ ее лѣвой рукой, притянуль къ себѣ, поцѣловаль и зашепталъ хриплымъ голосомъ:

— Чего онъ тебѣ толковаль-то?

— А ну ихъ къ чертямъ!.. — почти крикнула она.

— Тсс... услышать...

— Спятъ... нажрались оба...

Докторъ таращитъ глаза, дивится. Не во снѣ ли, думаетъ. А они, проклятые, шипятъ гусьями:

— Люблю тебя, Павлуша...

— Любишь? Ты чего-то юлишь, по рожѣ вижу, что юлишь... А дьячокъ-то?

— Не вспоминай... Вѣдь каялась... Чего жъ тебѣ надо? Прости...

Замолчали оба. Онъ краснаго вина подносить, самъ пьетъ, ея плечо лапой гладить, тискаеть.

— Ночевать не будешь?

— Нѣтъ, ѣхать надо.

— Подари колечко. Можетъ, не увидимся... Уйду.

— Что-о?!.

Таящимся, тихимъ смѣхомъ всколыхнулась Дуня, задорно запрокинула съ двумя черными косами голову,

взметнула вверхъ руки, переплела пальцы, хрустнула ими и, покачиваясь гибкимъ станомъ, протянула:

— Испужа-а-лся? .. А ежели уйду? Кто удержитъ?

— Сма-а-три, Дуня!

Урядникъ поднялъ надъ головой револьверъ, потрясъ имъ въ воздухѣ.

— Со дна моря достану, изъ могилы выкопаю, воскрешу и перерву глотку ... Знай!

Она прижала локтями грудь, съежилась, вздрогнула зябко:

— Заколѣла я чего-то ... Поцѣлуй ...

Потемнѣло у доктора въ глазахъ: сонъ или не сонъ? Въ ушахъ шумить, во рту пересохло и, какъ въ наковальню молотомъ, бьетъ въ груди сердце.

Быстро поднялся съ полу — нѣтъ, не сонъ, быстро подошелъ къ постельнику и, нагнувшись, сталъ шарить спички.

У урядника погасъ огонь, и захлопнулась плотно дверь. Оттуда слышалось не то ругань, не то смѣхъ.

Докторъ зажегъ лампу. Руки его дрожали. Взглядъ сталъ дикимъ, растеряннымъ, а мускуль надъ глазомъ запрыгалъ. Онъ налилъ въ чайный стаканъ коньяку и жадно, залпомъ выпилъ.

— Нѣтъ, не сонъ ...

Была глухая ночь. Хмель властно вползалъ въ его голову. Заскакали мысли, перепутались, какъ испуганное стадо барановъ, и бросились вразсыпную, ктѣ куда. Чувствовалъ онъ, какъ уползаетъ изъ-подъ ногъ почва, какъ все горитъ и стонетъ у него въ душѣ. Тяжко сдѣлалось.

Время шло. Лампа давно погасла, и копотъ отъ

тлѣющаго фитиля висѣла надъ столомъ чернымъ угаромъ, а сквозь стекла оконъ глядѣла луна.

— Эй, ты, господинъ торгующій... купецъ! — говорилъ докторъ пьянымъ голосомъ. — Тарантасъ этакій, а?.. Слышишь?.. Храпишь? Ну, чортъ съ тобой, спи... Н-нда-а... Болотина-то, грязь-то какая... Ай-яй-яй-яй-яй... Ай-яй-яй-яй-яй... Бррр... Гдѣ тутъ гармонія, красота?.. Вдругъ урядникъ... и Дуня... Ходячее пузо какое-то... и алый полевой цвѣтокъ... А?.. Нѣтъ, ты посуди, Аршинъ Иванычъ, правъ я, или не правъ?.. Все поругано, все попорано... перекувырнуто вверхъ дномъ... и дно полѣномъ выбито...

Докторъ приподнялся съ лавки, взъерошилъ волосы, вытаращилъ глаза и закричалъ:

— Эй, вы, красивые... двое!.. Заперлись?!

Въ комнатѣ урядника примолкли, притаились, точно умерли.

— За что жъ ты мнѣ въ душу-то харкнула?.. А?.. Вѣдь ты кто?.. Знаешь, ты кто?.. Сказать тебѣ?.. Змѣя!.. — сталъ кричать, топая ногами, докторъ. — Скверная баба, грязная!.. Урядникъ?!.. Э-ге.. Нѣтъ, погоди... Дьячокъ?!.. Ха!.. Нѣтъ, мнѣ такую не надо!.. Слышишь?.. Ты!.. гадина, слышишь?.. Краля!!.. Красивая... Уйди про-о-о-очь!.. Прочь!!..

Во тѣмъ что-то зачавкало, всхлипнуло, зашипѣло, и раздался голосъ купца:

— Вы съ кѣмъ это разсужденіе имѣете?..

Докторъ удивился звуку голоса, но, уяснивъ суть, всталъ, побрелъ, еле держась на ногахъ, къ купцу и упалъ возлѣ него на колѣни. Цѣловаль его, плакалъ горько пьяными слезами и жаловался:

— Гдѣ же правда, гдѣ?... Вдругъ Дуня, и на колѣняхъ у борова... А?... Зачѣмъ общать тогда... А вѣдь какъ клялась...

— Д-а-а, вонъ оно что... Хе-хе-хе... Такъ-такъ-такъ... На то и щука въ морѣ... Вотъ-те и чистая... Ха-ха!... Ловко...

Докторъ, покачиваясь, стоялъ на колѣняхъ, и грозно трясъ кулакомъ:

— У-ухъ, ты, мнѣ!... Куроцапъ!... Убью!...

— Смотри, отскочите... — иронически замѣтилъ купецъ, и продолжалъ, зѣвая. — А ты вотъ лучше вы-сморкайся, да ложись-ка спать съ Богомъ... Ишь ночь...

Онъ еще разъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и, перевернувшись, добавилъ:

— Вотъ те и чистая... Она, даромъ, что Авдокея Ивановна, а умная стерва: гдѣ пообѣдаетъ, туда и ужинать идетъ.

Сказалъ и чрезъ минуту захрапѣлъ.

Слышно было, какъ во дворѣ раздавались дѣловитые голоса, бубенцы побрякивали, тяжелые сапоги топали по сѣнцамъ и ступенямъ крыльца, отворялась и затворялась наружная дверь.

Заскрипѣли ворота, рванули кони, колеса затара-торили.

— Съ Бого-о-мъ!...

Тявкнула спросонокъ собака, опять заскрипѣли и хлопнули ворота, побродилъ кто-то по двору, и все стихло.

Часъ прошелъ, томительный и длинный, наполненный вздохами, безсвязнымъ бормотаніемъ и затаеннымъ ночнымъ шорохомъ.

Луна еще не ушла съ неба, но конецъ ночи былъ близокъ.

— Баринъ, а баринъ! — еле слышно позвала неожиданно Дуня.

Она стояла среди комнаты, трепетно-бѣлая, охваченная снопомъ лунныхъ лучей.

— Желанный...

И, крадучись, направилась къ доктору, простирая руки.

Тотъ застоналъ, открылъ глаза и зло перевернулся лицомъ внизъ.

Дуня стоитъ надъ нимъ, что-то причитаетъ, и вся дрожить, какъ въ непогоду дерево.

— Слушай-ка... Не сердчай...—льется нѣжный молящій голосъ.—Ты разбери только, по косточкамъ жизнь-то мою разбери, вывѣдай... Не сердчай, ради Господа.

— Тебѣ что надо?! — повернувъ къ ней лишь голову, крикнулъ докторъ. — Тебѣ, собственно, что отъ меня требуется?! — и опять уткнулся въ подушку.

Прошла жуткая минута. Дуня несмѣло опустилась возлѣ него на колѣни.

— Ахъ, милый, разсуди: вѣдь смерть, прямо смерть отъ него, отъ лиходѣя, отъ урядника-то... Мужъ билъ, вотъ какъ билъ, житья не было; забрали на войну, обрадовалась — хошь отдохну... Тотъ чортъ-то привязался, урядникъ-то... запугалъ, загрозился, — убью, кричитъ, а защитить некому — одна... Ну и

взялъ... А я все ждала, сколько свѣчей Богородицѣ переставила: вотъ, думала, найдется человѣкъ, вотъ пожалѣетъ. Пришелъ ты, приласкалъ, такой хорошій... ажъ сердце запрыгало во мнѣ, одурѣла отъ радости... А съ нимъ, съ аспидомъ развязалась, отвела глаза, успокоила, — убилъ бы... Понялъ?.. Вотъ бери те-перича... Возьмешь?

Затаивъ дыханіе, она робко ждала.

— Возьму... Эхъ, ты...

Пала рядомъ съ нимъ; отталкивалъ, гналъ, корилъ обидными словами, а сумѣла остаться возлѣ, впиалась дрожащими, теплыми губами въ его лицо, замутила голову, всколыхнула хмельную кровь потерявшего надъ собою власть человѣка..

— Ахъ, желанный мой!.. Люблю... — восторгомъ и неподдѣльной радостью звучала ея рѣчь: ждала, насторожившись, — вотъ скажетъ, вотъ обрадуетъ...

— Убирайся ко всѣмъ чертямъ! — послѣ минутнаго раздумья, презрительно бросилъ, волнуясь докторъ. — Маршъ отсюда!

Дуня вскочила:

— Только-то?

— Маршъ!!

— Стой, кто тутъ? — прохрипѣлъ купецъ. — Ты, Дуняха? — онъ быстро приподнялся, зашарилъ-замахалъ въ полутьмѣ руками и, сидя на полу, шутливымъ голосомъ покрикивалъ:

— Давай-ка, давай ее сюда... Хе!

И слышно было, какъ Дуня, поспѣшно удаляясь, ступала босыми ногами, скрипнула дверью и тамъ, за стѣной, не то захохотала, не то заплакала въ голосъ, какъ надъ покойникомъ бабы.

— А ты, докторъ, дуракъ! — сказалъ, опять повалившись, купецъ.

Но докторъ лежалъ, свернувшись клубкомъ, съ головой закрывшись одѣяломъ и, какъ смертельно раненый, мучительно стоналъ.

* * *

На разсвѣтѣ для доктора стали запрягать лошадей.

Онъ, заложивъ за спину руки, торопливо ходилъ по двору, хмурый и сосредоточенный, въ сѣромъ, перехваченномъ кушакомъ, бешметѣ и высокой папахѣ.

А кругомъ суетились, закручивали лошадямъ хвосты, подбрасывали въ задокъ сѣно, укрѣпляли веревками вещи.

Докторъ проворно вскочилъ въ тарантасъ, забился въ уголъ и закрылъ глаза.

— Трогай со Христомъ! — приказалъ чей-то стариковскій голосъ.

Четко ступая по бревенчатому настилу, шагомъ пошли къ воротамъ кони.

Когда на улицѣ проѣзжали мимо оконъ земской, ямщикъ-подростокъ, вздохнувъ, сказалъ:

— Эка, Дунька-то какъ воетъ... Чу! — и враждебно взглянулъ на сѣдока.

Докторъ вздрогнулъ, открылъ глаза: — Больно, мучительно больно... Мерзко... — высунулъ, было, голову, но ямщикъ гикнулъ, лошади рванули и понесли.

— Точка, — растерянно прошепталъ докторъ, вновь забился въ уголъ и крѣпко сомкнулъ усталые, полные грусти, глаза.

Тихо снѣгъ падалъ, первый осенній снѣгъ — гость небесный. Еще дремалъ воздухъ, дремотно падали снѣжинки, все дремало, и бубенцы съ колокольцами тихо звякали, зябко вздрагивая на холодкѣ.

На доктора валился сонъ. Засыпая, онъ грезилъ о томъ, какъ зима придетъ, съ метелями и морозомъ, и все уснетъ въ природѣ подъ бѣлой, теплой шубой. Но пролетитъ на легкихъ крыльяхъ время, и вновь наступитъ молодая, нарядная весна съ ковромъ цвѣтовъ, ликующимъ хороводомъ птицъ, и опять длинными, колеблющимися трехугольниками, полетятъ съ юга, съ новыми вольными пѣснями, радостно перекликаясь, журавли.

1913, февраль.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Колдовской цвѣтокъ	—
Чуйскія были	22
Зеркальце	24
Часы	28
Живые мѣшки	32
Гнусъ	38
Помолились	55
Ванька Хлюстъ	61
Судъ скорый	100
Краля	146

О Г Н И.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СБОРНИКИ.

Книга первая. С. С. КОНДУРУШКИНЪ. *Въ солнечную ночь.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга вторая. Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВЪ. *Змѣй Горынычъ.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга третья. ЛАТЫШСКИЙ СБОРНИКЪ современной худож. литературы, подъ редакціей и съ предисловіемъ А. ДЕГЛАВЪ. Содержаніе: Р. БЛАУМАНЪ, *Андриксонъ*; А. НЪДРА, *Петъръ Сална*; В. ПЛУДОНЪ, *Реквіемъ*, стих.; Я. АПСИТЪ, *Дядя Адамъ*; А. ДЕГЛАВЪ, *Самсонъ и Далила*; А. УПИТЪ, *Кошмаръ*; Я. КЛЯВИНЪ, *Сынъ* — въ переводахъ А. БЛЮМА, Л. СНИКЕРЪ, Я. ГРІЙНСА, Р. ЛАПИНА. Ц. 1 руб. 75 коп.

Книга четвертая. В. Я. ШИШКОВЪ. *Сибирскій сказъ.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга пятая. М. СПИРИДОНОВЪ. *Райскій садъ.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга шестая. Г. КАРГРЭМЪ. *На груди природы.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга седьмая. АРМЯНСКІЙ СБОРНИКЪ современной худож. литературы, подъ редакціей и со вступительн. статьей МАРИЭТТЫ ШАГИНЯНЪ. Ц. 1 р. 50 к.

Книга восьмая. Г. ВЯТКИНЪ. *Золотые листья.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга девятая. С. ПОДЪЯЧЕВЪ. *Разказы.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга десятая. Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВЪ. *Стень да небо.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Р-36112011 2

НА СКЛАДЪ К-ВА

„О Г Н И“:

О. ГЕНРИ. *Сердце Запада. Разказы.* Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

„Не такъ давно скончавшійся американскій писатель, впервые выступающій передъ русскимъ читателемъ, былъ очень недурнымъ и занятнымъ разказчикомъ. У него есть наблюдательность, выдумка, юморъ, грубовато-примитивный, но сочный, и свой стиль, правда, немного смахивающій на газетный. . . но зато этотъ шумный, кричащій стиль... отражаетъ темпъ американской жизни... не пытаюсь возносить О. Генри сравненіями съ „классиками“, просто предложить его вниманію читателя, какъ нескучнаго, благодушнаго и неоднобразнаго разказчика“.

„Рѣчь“, 1916 г., № 79.

З. ГИППІУСЪ. *Зеленое кольцо.* Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ съ послѣсловіемъ „Зеленое-Бѣлое-Алое“. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

„Вышла отдѣльной книгой пьеса З. Гиппиусъ „Зеленое кольцо“, шедшая на сценѣ Александринскаго театра. Идея пьесы старая: непримиримая, исключаящая другъ друга противорѣчія, лежащая во взглядахъ стараго и молодого поколѣній, рознь между „отцами“ и „дѣтьми“, но З. Гиппиусъ пытается взять эту тему глубже. Юные гимназисты и гимназистки, члены общества „Зеленое кольцо“, отрицаютъ все старое устройство, всю психоло-

лел 43

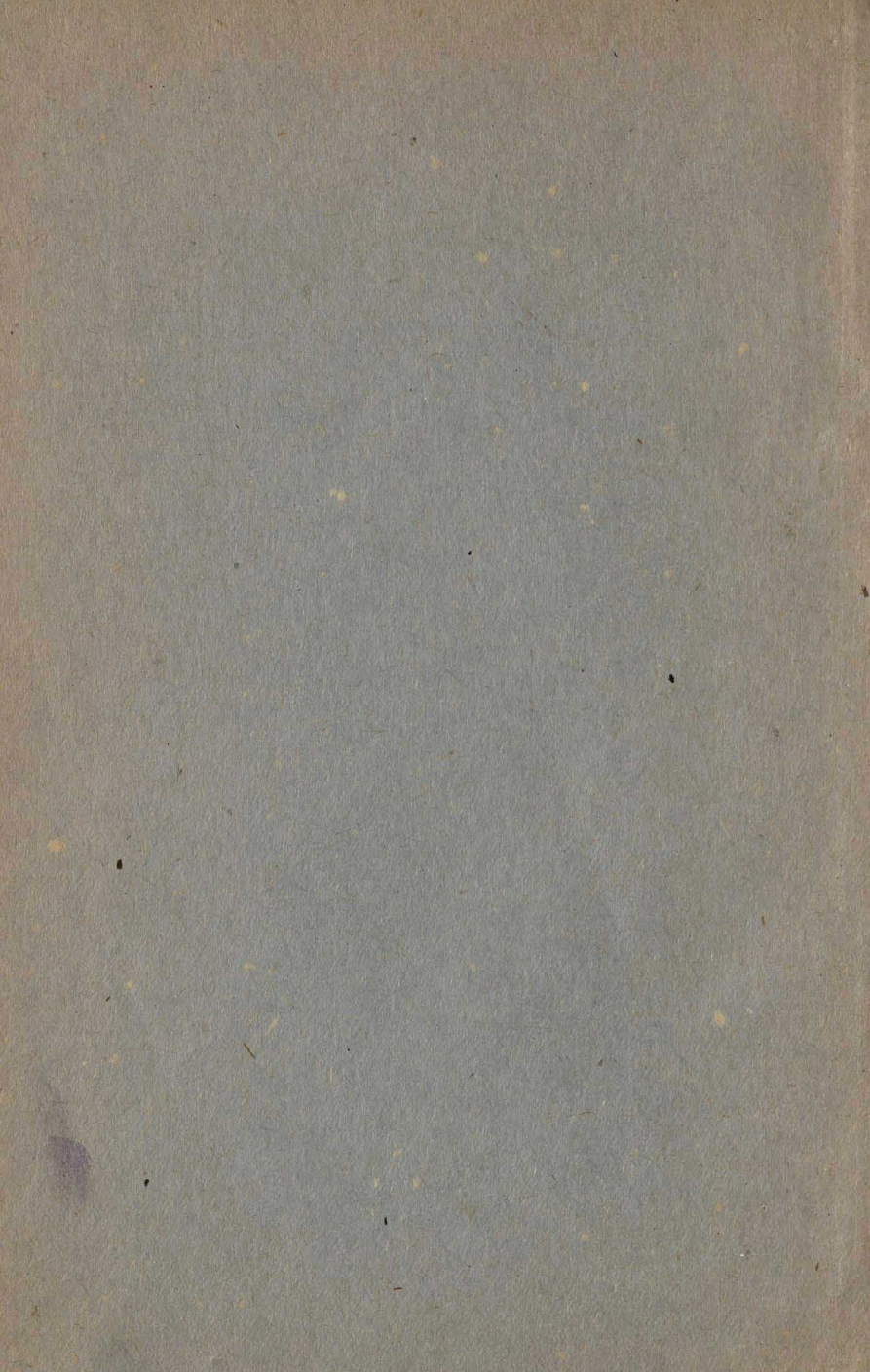
гію старшаго поколѣнія, провозглашаютъ его отжившимъ, вызывающимъ только снисходительное отношеніе... Страстное желаніе З. Гиппиусъ увидать, наконецъ, молодое поколѣніе, озаренное инымъ свѣтомъ, чѣмъ наше, ...призванное воплотить въ реальныя формы неясныя чаянія и грезы отдѣльныхъ единицъ изъ старшаго поколѣнія..."

„Уральская Жизнь“, 1916 г., № 189.

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ ВСѢ ИЗДАНІЯ М. В. АВЕРЬЯНОВА, О. БОГДАНОВОЙ, „ЗАДРУГИ“, „КОРАБЛЬ“, „НАУКИ“, К. Ф. НЕКРАСОВА, „ПРИБОЙ“ и др.

Складъ высылаетъ по первому требованію всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ наложеннымъ платежомъ; каталоги — бесплатно.

2015188335